

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

2

СВЕРДЛГИЗ
1935

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ и КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Ядро из рода Сегоев. Коллект. рассказ А. КЛИМОВ А. В. СМИРНОВА и ЧУСОВИТИНОЙ. — В делях Урала. Очерки В. ЕЛОВСКИХ. — В подземном городе. Рассказ В. БИАНКИ. — Всюду жизнь. Фото-очерк. — Изумрудные истории. Очерки РЕФ, акад. А. ФЕРСМАНА и Ф. ТАРХАНЕЕВА. — Огненная каторга. Исторический очерк В. ВОГАУ. — Лесные хозяева. Рассказы о лесных животных А. НАУМОВА. — На плавучем острове. Рассказ Ф. ТАРХАНЕЕВА. — Овсяной конвейер. Рассказ из колхозной жизни В. ЕМЛИНА. — Лики южного Урала. Очерк акад. А. ФЕРСМАНА. — Хозяин и работник. Рассказ А. БОНДИНА. — Жалованный кафтан. Очерк П. БАЖОВА. — Географическая Викторина „Уральского Следопыта“. Вл. ШТАРК. — Шахматный отдел.

Собрание
Владимира Павловича
ВИРЮКОВА

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

Обложка художника **Бормантова.**

*

Ответств. редактор **Н. А. Виницкий.**

Редактор **В. А. Попов.**

Техн. редактор **Г. А. Иванов.**

Корректор **О. Д. Березина.**

*

С В Е Р Д Л Г И З

*

Сдано в производство 9/III 1935 г.

Подписано к печати 26/IV 1935 г.

Уполномочен. Свердловлита № В-2027.

Огиз № 1200. Индекс V—П. Бум.

Троицкой ф.-ки. Форм. бум. 72 × 110¹/₁₆.

Бум. л. 2¹/₈. Печ. л. 4¹/₈. Печатных

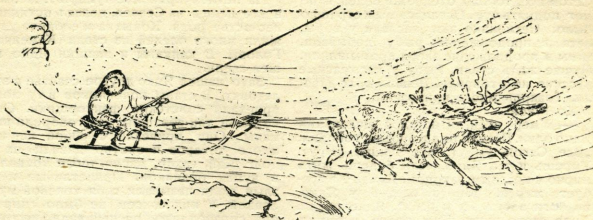
зн. в бум. л. 150 000. Учетно-автор.

л. 8,06. Тираж 7 000 экз. Заказ № 187.

*

Отпечатано в типографии „Полиграф-
кинга“, г. Свердловск, Банковский
пер., д. 3.

ЯДКО ИЗ РОДА СЕГОЕВ

Рассказ А. Климова, В. Смирнова и Е. Чусовитиной. Рис. Бормантова

Упряжка бежит, захлебываясь в просторах девственных снегов. У оленей вспотели бока. Пар валит от разгоряченных животных. Вот они сбавляют рысь, бегут, вяло переставляя ноги. Вдруг на рога вожака падает хорей — длинный шест для погонки упряжки, — и олень стремительно рвется вперед. Веер упряжки нарушен. Но и два других тоже рвутся вперед, догоняя передового, и снег под их ногами проваливается все меньше и меньше. Разбег взят.

Ядко Сегой успокаивается. Он опять прячет лицо в разрез треуха — мехового капюшона малицы — и поет. А снег изпод копыт расставленной упряжки бьет ему в лицо холодно и больно.

Дальше от холода и ветра, глубже в меховое тепло гуся и малицы прячет лицо Ядко и продолжает петь. Песнь эта длинна, как необъятные просторы Я-мала, тягуча и монотонна, как тысячи километров снега. Поет Ядко свою родовую песнь — сказание о бедствиях рода Сегоев, о своей семье, о самом себе.

Давно на Я-мале запел первый ненец из рода Сегоев печальную песню о своей судьбе. А потом эта песня, изменяясь из рода в род, пошла по устам всех прочих Сегоев. Пели это сказание и дед, и отец Ядко, поет он ее теперь сам.

—...Восемнадцать зим и лет¹ маленький Ядко жил в тундре, когда отец ушел от Каменного пояса, с отрогов Пай-Хоя в Надымскую сторону в поисках правды. Сегон уходили от бедной жизни всем родом. Худой царский начальник привозил в тундру „пирт“, а потом отбирал зверя, угонял оленей за долги.

Хой! Хой!..

—...Уходил род искать правду дальше, думал укрыться от плохих законов, которые делали ненцев бедными. Жили мало дней и ночей спокойно, когда началась большая война русских с русскими. Великий тадибей Тибичи сказал: „Беда, ой, ненцы, большая беда пришла в тундру. Идут из лесов к нам худые, ой, худые люди. Уходите, ненцы, дальше в тундру, на конец земли!“

Хой! Хой!..

—...И отец ушел к большой воде. С ним ушел брат его Хасово Сегой! Одним временем приехал к нам в стан русский начальник. Золотые плечи у него. Много кричал на брата отца — надо ему много оленей! „Где бедному ненцу взять много оленей?“ — ответил ему Хасовой. Тогда худой русский взял шашку, повалил брата отца на нарту и сделал из головы его две! Много крови было тогда, и Ядко шибко плакал. Совсем скоро пришли в стан другие русские, с красной лентой на лбу и много стреляли в худого русского.

Хой! Хой!..

—...И стоя станом у большой воды видели потом, как белые (так говорили шаманы) бежали. Они ехали в лодках и скрывались в море.

Хой! Хой!..

—...И сказали шаманы: „Пришел в тундру новый закон — совсем худой закон! Уходите от него, ненцы! Красный закон это! А знаете, ненцы, где красная тундра¹, там голодное стадо олешек, там смерть. Так говорит бог Нумал-Хэ“. И ушли

¹ То-есть девять лет.

¹ Окраска лишайников, которых не едят олени.

Сегои все, только отец был беден и не мог поднять чум. Остались мы и страшно было. Несколько зим каслали у воды, лета в продолжение рыбу добывали, зимы в продолжение зверя промышляли. Лучше жить стали. Рыбу у нас красные русские не отбирали. Денег в долг давали. Товаров много привозили.

Хой! хой!..

—...Умер отец, и остался маленький Ядко один. Шаман бил в бубен и говорил: „Все Сегои умрут, все ненцы умрут. Умрешь и ты, Ядко, если будешь жить мирно с красным законом. Яумал-Хэ требует жертв! Много оленей у Ядко, но боги зовут их к себе“. Ядко отдал. Худо стало жить. Три оленя осталось у Ядко. Тогда Каменная Голова — богатей из Надымской тундры — взял Ядко сторожить свое стадо. Много у Каменной Головы олешек, ой, много! В стадо зайдешь — и не выйдешь, дороги нет до края. Почему же у Ядко только три? Пошто так боги хотят?..

И оборвалась недопетая бесконечная песня около самого чума, заглохла в визге оленегонок-лаек, прилегла у порога ветхой ноги.

— Мать! — сказал Ядко, войдя в чум и садясь у огня. — Мать, на летовки ухажу с оленями на Малый Я-мал. Последняя летовка у Каменной Головы, мать, а потом уйду. Шибко плохо у него. Бьет, ругает, а денег не платит. Прошлым днем загрыз у меня в стаде злой сермик важенку, и опять Каменная Голова в долг меня ввел. Сегодня опять надо жертв большую богам дать. Пусть они помогут мне в стаде летом. Попроси их, мать!

И та, кто родила его сорок лет и зим назад на гризных шкурах в снегу, та, кто всю жизнь под суровой скорбью глаз скрывала великую любовь к сыну, сказала:

— Да, Ядко, я принесу богам жертвы, я попрошу их послать тебе в капканы лучшего зверя и отогнать от олешек сермиков. Боги сильны, Ядко, они помогут тебе.

Мать принесла жертвы богам. Сам же Ядко, кочуя с оленями Каменной Головы на Я-мал, зашел на Святой мыс — жертвенный мыс кочевников Я-мала, между береговыми поселками Хэ и Нори, и здесь отдал шаману две последние лисьи шкурки за моление в честь обильной охоты и счастливой летовки чуждого стада.

На летнем приволье тундры Ядко, как и все ненцы из Сегоев, познал истинное несчастье рода. Копытка и сибирка уложили много оленей из стада Каменной Головы. В капканы и плашки Ядко не шел зверь.

Зато нашел Ядко другое счастье в эту летовку. В станы кочевников в ту пору приехали советские факторщики. Они не были так страшны, как говорили шаманы. Они привезли с собой ненцам много товаров и охотно давали их в долг. Чай, сахар, масло, табак появился в чумах бедняков. Приветливые и не злые люди называли себя кочевой мурлавкой. У них совсем не было спирта, они справедливо расценивали шкурки зверя и всегда исправно платили за них ненцу-охотнику.

Русские называли себя коммунистами и большевиками. Они говорили ненцам о новой власти, о ее работе среди кочевников, о советах и о богатых. Ядко был любознательный, приметливый и сообразительный парень. Он и раньше чувствовал всю жестокость и корысть богатеев и обман шаманов и сомневался в их правоте.

Его сомнения еще больше усилились когда он узнал, что богатеев и шаманов фактория почти не снабжает товарами и продуктами. Понял тогда Ядко и то, почему шаманы и богатеи злы на новую власть. Понял, почему они так уговаривали ненцев уйти от нового закона. Это явилось для него настоящим откровением. Теперь все свободное время он думал обо всем этом, разделяя жизнь на „мы“ и „они“. Выходило ярко, понятно, постижимо — и он стал озлобляться на „них“.

Факторщики первые завезли в Мессовскую тундру Я-мала, на территорию р. Мессо, молву о совместной работе бедняков. Много чего не понимал из их разговоров Ядко, но нутром чувствовал в крепком слове — колхоз, артель — большую силу.

Все короткое полярное лето Сегои прожил в муках противоречивых чувств. С одной стороны, временами давили еще священные традиции глубокой древности, заветы стариков и сила шаманских и родовых законов. С другой, надвигалось что-то не совсем пока понятное, но радостное.

Вернувшись с летовки к стоянке своего хозяина, он почти вызывающе принял руготню и сетования Каменной Головы насчет падежа оленей. Хмуро

молчал, когда тот, задыхаясь от злости, рычал:

— Ой, Ядко, где мои олени? Где красавцы минеруи и сильные хоры? Иль затаил у кого из родичей моих олешек, собака!

И только под конец не вытерпел Ядко и со злобой выкрикнул:

— Так тебе и надо, проклятый тетто!¹ Пусть подохнут все олени твои! Других украдешь у нас!

А когда Голова, оскорбленный этим мальчишкой, пастухом-батраком, привычно взял в правую руку тяжелую хо — березовую палку — и замахнулся, чтобы ударить парня, Ядко вдруг ошестинился, спокойно шагнул к нему, схватился за нож и твердо сказал:

— Ударись, старый хор, — изобью, а потом в совет к красному русскому свезу!

Не угроза побоев, а слово "совет" заставило Каменную Голову окаменеть с палкой в руке. Он понял, что с этой минуты у него не стало больше безвольного батрака.

* * *

Ехал Ядко, провожаемый первыми воплями первых буранов, к своему чуму и пел родовую песню Сегоев. Теперь к ней он прибавил еще свое, новое.

—...Долго, худо, ой худо жили Сегои в тундре, пока не пришли к ним новые законы красной власти. Этой власти бояться шаманы и, как трусливые теутен², прячутся тетто.

Хой! Хой!..

В чуме Ядко удивил мать тем, что не принес, как обычно, жертв богам. Он сухо сказал:

— Я больше не сторож оленей Каменной Головы. Буду промышлять зверя один...

Мать подняла удивленное лицо на сына, но промолчала. Он старший мужчина в чуме — хозяин. Таков закон тундры.

В эту зиму в Норях коммунист ненец Тер Калач собирал колхоз.

Скикал он по тундре всех бедных и обездоленных. Ядко долго обсуждал с другими бедняками этот клич. Долгие крикливо-разговорные ночи в чумах о колхозе во многих ненецх Надымской стороны родили сомнения. Как быть?

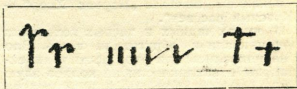
Шаманы пугают, а новый закон зовет Где правда? Разъехались и каждый увез с собой палочку с зарубкой о дне собраний в Норях.

Ядко в это время болел. Ежась в старых шкурах от порывов ветра, он уныло считал дни. Проходит большой сон (ночь) — страгивается зарубка. Ждал Ядко последних зарубок, думал, легче будет. Но вот и пришел срок. Упала у чума Сегоя упряжка и сам Тер Калач вошел в чум:

— Что лежишь, охотник? Зверь бьет-ся в капкане на зимней тропе, — шутил веселый Тер. — Или сны хорошие сбили тебя со счета? Сегодня кончается последний срок, — нет больше зарубок — ехать надо!

— Тер Калач, во мне болезнь. Тюр (хорей) упадет у меня из рук. Ты поедешь на большой сбор ненец и отдашь главному русскому это.

Подав Теру дощечку и на ней были написаны мысли его последних дней — продолжение песни рода Сегоев.

Когда Тер Калач подал на собрании дощечку, большому начальнику — председателю Надымского райисполкома Пермякову, в президиуме долго не могли понять грамоту Ядко. Вызвали для объяснения ненец. Те объяснили:

— Первые два знака показывают, что у него в семье два работника. Первый знак, большой — это он сам. Второй — маленький братишка есть. Потом пять знаков — это значит, что у Ядко Сегоя пять оленей, из них три быка и две важеньки. Следующие два знака говорят, что у Ядко в чуме две женщины и обе не могут работать — старуха мать и маленькая сестренка. Последний знак — тамга Сегоев, тамга рода, ее вся тундра знает. Вся дощечка со знаками — заявление Ядко Сегоя о принятии его в колхоз.

— Значит Ядко батрак? — спросил председатель национального райисполкома. — Кто знает Ядко?

Собрание загудело. Все знали бедняка Ядко. Все знали о том, как он батрачил у Каменной Головы. Ядко Сегоя единогласно приняли в члены колхоза.

¹ Тетто — богат.

² Теутей — морж.

* *

Через неделю в Нори приехал сам Ядко. Искушалаый, слабый, с растрескавшимися губами, но попрежнему живой, готовый работать.

Два дня ходил Ядко вокруг правленцев, вокруг колхозников, приглядывался к работе, спрашивал, что и зачем делается, а потом пришел к уполномоченному окружного комитета партии и сказал:

— Колхоз для бедняков? Почему же так мало здесь ненцев у вас? Разве мало в тундре ненцев, которые живут у богатеев? Давай я поеду по станам звать к нам ненцев.

И уехал Ядко разносить по станам и чумам весть о новом труде всем бедным землякам.

Плыли по тундре ошалелые и измученные бесконечной далью снеговые поземки. Вслед за плывущими поземками мчалась упряжка Сегоя. В тундре, в глухомани снегов и буранов, росла молва о ненецком колхозе „Нарьян Хаер“. — „Красный рассвет“.

В чумах чадных и тесных кочевники обкрикивали и обругивали весть. Зло ощетинивались при этой вести тадибеишаманы и накликивали на колхоз злую беду.

— Красные пришли в холодную землю, чтобы совсем выгнать ненцев... Они собирают ненцев в колхозы, сгоняют их оленей в большие стада, чтобы потом легче отобрать было...

И немели все, когда вечно молчаливый батрак Ядко Сегой вдруг зло и насмешливо обрывал глашатая старого ненецкого бога Нума.

— Зря много воет волк воет, шаман. А почему он воет? Злой, голодный и без чума на снегу — оттого и воет. Так и ты, шаман. Почему ты больше всех кричишь? Знаю я. Тебя не зовут в колхоз. Ты стал зол и чуешь беду...

Молчали все, ожидая, что смерть сейчас же на месте поразит Ядко от этих дерзких слов. Духов тундры, законы Я-мала, поверия старейших у костра (чье слово — закон) оскорбил он. Но Ядко остался живехонек и не ходила по глазам его трусость. говорил еще Ядко:

— В колхоз надо беднякам итти. Пусть все идут — сыты будут. Кто не хочет, пусть сторожит чужих оленей, отдает добычу богатеям и ходит другой тропой. Много троп в тундре, пусть идут, куда их звезда ведет...

Шли утрами и днями и черно-черными ночами еле живыми поземки. Снег уносило с севера к урмамам, к курганам святых мест, к берегам рек. Ездил Ядко по тундре, разносил новую весть о рассвете, крепко схватывался с шаманами, шибко трепал богатеев. Лудшы-вы — „Русских тундра“ — Надымская тундра питалась слухами. Чумы набухали на родом и совещаниями.

Ядко вернулся в Нори довольный и возбужденный. Через несколько дней к колхозному стану пришло пять ненцев олене-водов. Колхоз рос.

* *

Новые слова, новая работа захватили Ядко целиком. В чуме его теперь почти никогда не видали. Мать долго не спала, поджидая сына кочагу. Напрасно старая просиживала ночами, прислушиваясь к шорохам тундры. Напрасно ждала она рассыпчатой дробь едущей упряжки сына... Ядко днями и ночами пропадал в Норях. День он отдавал колхозу. Вместе с рыбаками готовил инвентарь для путины.

Его можно было видеть везде — в правлении, в лавке, в складах, в стадах — и везде он ходил, внимательно приглядываясь к работе колхозников.

Если замечал неладное, помогал исправить, не ругался, требовал, разъяснял. Вечером шел в ячейку (с первых же дней вступления в колхоз он подал заявление в комсомол). Здесь он, в перерывы от занятий, верховодил развлечениями. То подражал религиозному танцу шамана, то усаживался на пол и начинал петь и рассказывать сказки и предания своей родины — холодной, суровой земли, или же под веселый смех ребят неумело подтягивал хору:

И боец молодой
Вдруг поник головой —
Комсомольское сердце
Разби-ито...

Не понимал слов песни, новый, незнакомый был и мотив, но полюбил Ядко эту песню крепко.

Через месяц занятий в ячейке Ядко стал писать по-русски и не плохо читать. Особенно любил он газеты. Быстро далась ему грамота. Было просто удивительно, как у этого паренька хватает и сил и времени так работать и одновременно учиться. Его настойчивости, восприимчивости и организованности можно было прямо удивляться. Ядко

впитывал в себя знания, как губка, как чернозем воду. При чем они у него как-то быстро приводились в порядок, любое приобретение находило свое надлежащее место и никогда не забывалось.

ляла старушкой. В двери сурового края на конце земли вошла она не дерзко, распахнув двери и с силой ликующей молодости, а тихо приоткрыла ее изнемогающей рукой...

— Мать, слушай, мать. Там, в нарте, привез я тебе много сахару, кренделя и чаю,— сказал Ядко,— иди и ешь много, всегда ешь, мать...

Перед ледоходом, когда заболевшая флюсом Обь ломала лед, дождалась старая мать сына. Прежний живой, веселый, рывком вошел он в чум и радостно сказал:

— Мать, слушай, мать! Там, в нарте, привез я тебе много, много сахару, калача, кренделя, настоящего чаю и посуду! Иди, возьми и ешь много, всегда ешь, мать...

Сам сел к огню и запел не как прежде, не родовую печальную песнь сегоев, стон, а

„Комсомольская сердца расбита...“

Слушала, удивлялась счастливая мать, но молчала.

* * *

К июню пришла в надымскую глушь Заполярья усталая весна. Пока она шла от берегов Черного моря, с Каспия, широкими Донскими и Кубанскими степями, пронеслась по черноземью, пока воевала со снегами в уральских лесах и камнях, ковыляла по сибирским таежным тропам, пока блуждала в запутанной лесотундре,— выбилась весна из сил и состарилась вместе с временем. К полярному кругу, к июню, доковы-

По утрам, встречая солнце, гоготали первые утки и протяжно плакали гагары в холодных заберегах и болотах, скромно пересививались в перелесках курошатики и многоязычно болтали ручьи.

Просыпалась тундра ото сна.

В середине месяца, наконец, протачила величественная Обь свои разбитые торосистые оковы и задышала часто весенней пьяностью. Вместе со льдом ушли в Арктику холода, моржи, тюлени и снежные пурги. В воду падали хлопотливые перелетные стаи дичи. Берега реки расцветали таями.

В эти дни рыба шла из моря в губу для метания икры. Шли в воде плотные косяки чопорных благородных нельм, светливых моксунов, прытких сырков и чванливых налимов. Рыбное обилие стремилось к живунам, к сорам — притокам Оби и заливым лугам, к тиши и покою сытных заводов.

Начинался вонз — весенний ход и весенний лов рыбы.

Шибко густо, хитро и неожиданно идет в воде рыба орда. Старики ловцы говорят, что бывают места, когда весло в воде стоит „попом“ — до того плотно подается вонзевая рыба! Едешь на береганю колдана, гребешь с тру-

дом и дном тащиться по спинам табуна! Это самое промышленное время, самое дорогое и напряженное. Тут уж не зевай, а лишь поторапливайся.

Колхозники начали ловить дружно.

К первой тоне Ядко только присматривался. Он сидел на корме грузного четырехпарного „неводника“ и внимательно следил и запоминал каждое движение ловцов. Вслушивался в расторопные приказания бригадира Ларьки Артеева и старался их разгадать. Ларька не в первый раз верховодит бригадой на путине. Его зырянский колхоз „Виль-Туй“ — „Новый путь“ — самый лучший колхоз на Я-мале, а Ларька лучший его бригадир на лове. Смотрел на него Ядко, удивлялся и завидовал. Ровесник Сегою, тоже комсомолец, молодой, веселый, он здесь, на рыбных плесах, может трижды, четырежды выше Ядко.

Ларион стоял в лодке и уверенно, спокойно выбрасывал в воду невод первой тони. „Неводник“ шел сравнительно быстро, но Ларька успевал взять часть мережи, просмотреть ее, проверить кибаасы — кирпичные грузила — и своевременно забросить в Обь. На вымет невода Ларька собрал свою бригаду и заставил всех учиться работать и в тяге и у пяты — средней части невода. Вечером Ядко пришел в избушку зырянской артели колхоза „Виль-Туй“, утащил Артеева в угол и стал спрашивать у него все подробности лова.

— Раз я говорю поможем, Ядко, значит, поможем. О чем разговор? — успокаивал его Ларька. — Ты думаешь нас напрасно сюда послали? Нет, Ядко, не зря! Мне сказали, чтобы я поучил тебя на первых порах. О чем речь? Поучим. А потом соревноваться будем.

Кроме уважения к Ларьке, уносил Ядко к себе в чум крепкую драку в сердце:

„Почему Ларька может добыть 98 центнеров рыбы, а я с такой же бригадой только 60? Разве мы не научимся работать так же и не выловим столько же?“

Утренним заморзком вел Сегой свою бригаду побеждать Обь и рушить вековую старину в добыче рыбы. В первый раз каждый из ненецкой бригады становился к большому неводу. Вилась радость в груди молодого бригадира, но ютилась там и тревога. Надо было направить работу так, чтобы люди сразу же увидели преимущество неводов.

Стали заводить невод. Береговой колпачик удалаялся все дальше и дальше.

Подвывали уключины стоном полуморских чаек — халеев. Булькала вода под веслами и тянули мережу ко дну тяжелые кибаасы. Плыли не быстро, боясь плохо забросить тонь. Пленили реку неводом в 900 аршин и вышли на берег. Минуты шли тягостно и тревожно. Выметывать намокшую мережу было тяжело. Пядь за пядью выходил невод из воды. Лица у всех были сосредоточены и напряжены.

Ядко должен успевать везде. То он берется за тягло и бодрит колхозников, то бежит к пятовщикам и следит за ходом пяты. Сейчас в ней вся сила. Если опустить пяту — накренится невод и рыба уйдет, минуя мотню. Жарко, тяжело, тревожно.

Когда показались последние до мотни четверти невода, зашли ненцы по пояс, по колено в ледяную воду и выволокли на песок мотню, набитую камнями, местами изорванную, полную корги. Сбегала с невода ручьями обратно вода, стонала в воздухе назойливые халеи, ждавшие рыбы, и плескались последними судорогами три налива — единственный улов первой тони.

Молча ушли колхозники в чумы и там сидели у огня без слов. Остались у брошенной тони ненецкой бригады ее пораженные надежды и потрясенный неудачей молодой бригадир. Сел Ядко прямо в мокрый невод, взял налима, бросил назад в воду, бросил другого, а третьего забыл. Думать не хотелось. Бушевали внутри отчаяние и стыд. Умирал на песке единственный, оставшийся налима, широко открывая рот...

А из-за поворота талов с чеканной утренней звучностью доносились бодрые крики соседней бригады:

— Пошли на третьюю то-онь!

И улетели халеи за поворот талов, туда, где была рыба...

* * *

— Вот ты, Ядко, говоришь — учиться надо. Когда будем учиться? Рыбы много ушло и опять будет уходить. Я вот стар, смотри как много зарубок у меня на лице, мой род всю жизнь ловил рыбу самолетов. Все ненцы добывают так рыбу, давай и теперь ловить ими. А наловим на сытую жизнь колхоза, тогда и учиться новым неводом будем, — говорит старый ненец-колхозник.

Один против всей бригады воевал Сегой. Не против них, этих вечных бед-

Сел Ядко прямо на мокрый невод, взял налима, бросил назад в воду, бросил другого, а третьего забыл.

няков и батраков, а против их дедовских привычек и наследий. Крепко знал бригадир, что новый хороший астраханский невод в колхозе, это—революционер на лове, в труде, в сознании ловцов. Потому и настаивал на продолжении лова неводом.

Как всегда кстати,—пришел в чум Ларька довольный, хотя и усталый. Шел берегом, увидел брошенный невод и понял все.

— О чем разговор? Мы тоже в первый раз так бились. Кроме камней и валежа ничего не вытаскивали. Один, два, три раза не будет ничего, а потом пойдет! Научитесь!

Уходя, обронил, как бы нехотя:

— Наша бригада хочет с вами соревноваться. Обещаем выловить сто десять центнеров и беречь орудия лова. По второму вопросу мы уже впереди—невод у нас развешен на ветру, а ваш гниет в тине. Бригада колхоза „Нарьян-Хаер“ отстает...

Не зная, какое смятение вселил в душе нарьянхаерцев, он ушел.

В ту же ночь бригада Ядко чинила и сушила невод. И еще до рассвета пошла в воду в этот день первая тень. Разговоров было мало. Ларька и его бригада были у всех на уме... За первой, опять неудачной, вошла в воду вторая тень. После каждого вымета собирались около бригадира, и он говорил почему опять плохая тень. Десятки раз проверяли невод, примеряя его ко дну, изучали тягу пята и ход вымета.

Наконец, к обеду в четвертой тоне

усталые колхозники выбросили на берег сразу около восьми центнеров. Живо, трепещущей рыбы было так много, что трудно было даже верить глазам. Старый ненец с зарубками жизни на лице тихо сказал вдруг:

— Два года надо плавать с самолетом, чтобы добыть столько... Саво ули, саво! Прав был Сегой! А Сегой, выбрав из кучи рыбы огромную нельму, шел уже к стану „Виль-Туя“. Там, войдя в дом рыбаков, он положил рыбку на стол и сказал:

— Наша бригада вызов принимает и шлет подарок своим друзьям!

* * *

Ходили невода в воду, не щадили рыбу. К концу июня прошел вонзь. Сегой с бригадой приехал в Нори и доложил в правлении о том, что план они выполнили на сто тридцать процентов. Обо всем рассказал Ядко, но промолчал только о последнем разговоре с бригадиром „Виль-Туя“ Ларькой. А был он у него перед отъездом из Сандибы на конце седенькой ночи. Бросил ему на плечо Ларька руку, пропахшую рыбой и ветрами, и тепло сказал:

— Если бы нам с тобой, Ядко, дали две бригады и сказали: выловите нам за путину триста центнеров... О чем речь? Стали бы ловить и, пожалуй, я бы взял немногим больше, чем ты со своей бригадой...

Есть много красивых и величественных минут в личной жизни человека.

И, пожалуй, самая незабываемая из них та, в которую постигается дружба между двумя людьми, познавшими радость нового мироощущения, когда ветхое „мое“ заменилось „нашим“, а первобытная охота в одиночку превратилась в дружеское состязание за „наше“.

Так у талов Сандибы родилась дружба двух молодых бригадиров.

Осень наступает на Я-мале всегда неожиданно. Первыми чувствовали ее пернатые гости юга. В сентябре шумными и крикливыми стаями стали улетать на юг ожиревшие гуси и красавцы лебеди. Забеспокоились в заводах гаги. Затихали на небе пожараща солнца, и ночь вступала в свои семидесятидневные права, а земля, не успевшая оттаять за лето на полметра вглубь, стала вновь застывать. Надвигалась полярная зима.

„Сале-Хард

ОКРУЖНОМУ КОМСОМОЛУ ПИСЬМО ОТ СЕГОЙ ЯДКО

Лиза и Хатанзеев Миша! Когда вы были в Норях, долго жили там, где наш колхоз рыбу промышлял, говорили, что писать надо вам в Обдорск, как работаем мы в колхозе, хорошо или плохо живем, чтобы знали это комсомольцы других колхозов.

Что нужно нам — тоже писать, и вы пошлете из Обдорска или привезете из большого города. Моя голова много думала и много хочет сказать вам. Когда собрание колхоза было в чуме Якова Салендера, говорили, не надо кулаков, шаманов в колхоз пускать, я думал: „Зачем так говорить? У нас все хорошие люди“.

Плохо думал. Олени худо в стаде паслись, сермик каждую ночь давит. Почему так пастух караулит? Спал много, олена резал каждый день, гостей звал мясо есть, кровь горячую пить. Гости, много варт было, если мясо оленей день и ночь. Хороший колхозник так делать не будет. Я сказал Того Хатио: „Не надо нам худых людей. Нужно больше смотреть, как пасут оленей, рыбу ловят, пеща промышляют“.

Хэно Няуси стал хорошо жить. Оленей было мало у Няуси, он пас оленей у нас в колхозе. Оленей у него много стало 100 больше. Где взял оленей Няуси? Теперь он не колхозник.

У Малых Норей, где чумов много стояло бедняков, куда я с вами и Петром Филипповым ходили звать их на большой праздник, мы там собрание проводили, чтобы оленей в одно стадо сделать — так касаться лучше будет на Я-Мал, а кто дома останется — рыбу ловить будет.

Много оленев согласилось, стадо большое пошло, пасты два чума отправили, остальные в бригаду Салендера Лапчима записались и рыбу промышлять в Хоровую уехали.

Когда много народу в Таз ехало, у нас в Норях долго жили, я у них видел патефон, хорошо, очень хорошо играет, все слушать приходили. Мне Ава-Седа рассказал, где его строят. Моя голова думает, что нашу песню тоже так делать можно и нецпи все слушать будут.

Там, в Ленинграде, учиться мой товарищ Няруй Иван, хорошо он пел, когда в тундре оленей пас. Напишите ему, что я просил и он пошлет, чтобы патефон играл.

Яейка наша хорошо работает. Бригада ездила в тундру к пенцам, помогала фактории пушнину заготовлять. Трех наших ребят скоро к вам в Обдорск пошлем учиться. Я очень тоже хочу учиться. Колхоз не отпускает. Вы скажите Того Хатио, чтобы он меня на новую зиму отпустил.

Комсомольцы в Норях на-днях стрелять всех собирали, кто метко бьет. Мы на трех нартах из колхоза приехали: я, Хэно Пекась, Толе Оковой, Марьян. Винтовка маленькая была, точку далеко поставили, куда бить надо. Все стреляли по 10 патронов, я 8 раз попал. Мне сказали — больше всех. Еще больше так стрелять надо — лучше стрелять буду.

Много я вам сказал, другой раз писать буду, а то рука моя устала, как рубить неводила.

Будем ждать, когда приедете к нам из Обдорска и привезете все. Если наш колхоз за товаром поедет, я поеду в Обдорск, в гости приду и говорить больше буду — моя голова думает очень много.

Опять прощай.

Сегой Ядко.

В окружке письмо не удивились. Тундра, побережье суровых холодных ледяных морей передельвается заново. Растет там из года в год торжествующая победа социализма, вместе с ростом этой победы несоизмеримо дальше, через многие века, шагнул бывший дикарь-кочевник, — ныне сын единой трудовой семьи народов нашей великой родины.

От редакции

Желая ускорить выпуск № 2 нашего журнала, редакция решила опустить в нем помолжение повести А. Бармина „Уральские рудознатцы“ с тем, чтобы в № 3 поместить большую часть повести. Объем № 3 будет увеличен и доведен до 6 листов.

В ПОДЗЕМНОМ

ГОРОДЕ

Рассказ Виталия Бианки

Поддневное солнце стоит над степью. Ковыль до земли клонит свои душистые султаны. И под синим-синим куполом летят три медленные стрелы: три длиннохвостые сороки. Эх, хорошо!

— Виктор Степаныч, — говорю я своему спутнику. — И куда вы меня тащите? Птиц я люблю и зверей. Когда их нет кругом, — мне скука смертная, гроб.

— Ну-с — весело отвечает профессор — так ручаюсь, что под землей вы не помрете со скуки до самой смерти. Покажу вам там такое зверье, какое вам и не снилось. Нечего трусить. Идем!

— Вперед! перед нами двое рабочих поднимали короткие толстые бревна и опускали их в небольшую яму. Кругом степь да степь, как всюду под Челябинском — вперемежку с колками: безровыми рошицами.

— Одну минуту, — обратился Виктор Степаныч к рабочим: — Дайте спуститься. — И ногами вперед полез в черную яму. Его пестрая, рябчикового цвета кепка исчезла под землей.

Рабочие вопросительно смотрели на меня. Медлить было неловко: могли подумать, что я в самом деле со страху. Я стал на четвереньки задом к яме, нащупав ногой перекладину и стал осторожно спускаться вниз.

Яма оказалась, как труба. Шатучие перекладкины висячей лесенки вздрагивали и качались подо мной. Я лез и ду- мал:

— А ну сорвусь! Сколько времени лететь вниз? Может, тут до самого центра земли дыра...

Но под ногами уже твердое — грунт. Площадочка. На ней в беспорядке — стоймя и лежа — короткие толстые бревна.

Глаза уже привыкли к полутьме. И вижу: в углу опять дыра и лесенка. Го-

лос Виктора Степаныча оттуда, из черноты:

— Это называется — дудка. Сейчас колено и опять дудка. Давайте проворней.

— Дудки! — говорю я сердито. — Обезьяна я вам карабкаться по таким лестницам? Лезем назад, наверх, — и ведите меня к лифту.

Но тут сверху кричит рабочий:

— Спускать, что-ли?

— Стой, стой! — кричу я поспешно. — Мы еще тут, обождите.

Быстро запикиваю себя в дыру, спускаюсь, спускаюсь, — и вот, наконец, грунт.

Оказывается: черный корридор низкий, узкий. Брюзгливо горит в потолке электрическая лампочка, дальше еще и еще.

— Штрек, — объясняет Виктор Степаныч. — Мы в верхней, уже до конца выработанной лаве.

Глухо, как в бочке, отдают черные стены его слова и топот наших сапог по каменному полу. Нора и нора.

Сбоку в стене отнорок — куда-то вниз.

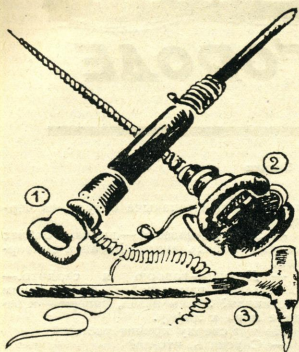
— Сюда, — говорит Виктор Степаныч.

Я уж молчу: пусть ведет... В тартарары!

По узкой, сырой, скользкой норе сползаем вниз на собственных салазках. Уклон большой. Тьма кромешная. Снизу доносятся глухие удары, все нарастающий гул.

Вдруг мне так захотелось выпрямиться! Приподнялся на руках — и бац головой о камень!

Тоска могильная охватила меня. Отталкивался, полулежа, руками, скользил куда-то дальше и дальше вниз. Но уж не верил, что выберусь: внизу грохочущая тьма, как бездна.

1. Пневматический отбойный молоток. 2. Электро-сверло. 3. Обухок со вставным зубком.

Не знал уж, минуты ползем или часы. Наконец, под ногами забрезжил свет.

Вслед за Виктором Степаньчем я вывалился из норы в какую-то небольшую глухую комнатенку или, просто сказать, расширение норы.

Под низким — рукой достать — потолком горит единственная лампочка. В стене сбоку — ниша: забой. В забое лежит на спине чумазый человек. Равномерно бьет обушком над собой в потолок. Время от времени куски черного угля падают на его вытянутые ноги.

Другой рабочий стоит в углу „комнаты“, сгребает лопатой уголь, сталкивает его вниз: там продолжение норы. На нас — никакого внимания.

Снизу — грохот и тьма.

„Куда же мы дальше?“ — тоскливо думаю я.

— Такое вот расширение, — учительным голосом говорит Виктор Степаньч, — называется печь. Шахта не вся еще механизирована. Это один из забоев, где уголь добывается простой мускульной силой. Отсюда начинается конвейер для спуска угля к вагонеткам. Дальше мы по нему полезем.

Человек с лопатой равнодушно предупреждает:

— Гляди, за провода не задень. Владарит.

— А где они? Сверху, с боков?

— Разно...

Веселое дело! Того и гляди хватит током в руку или в голову.

Мы опять в норе. Чувствую себя еще хуже: выпрямиться попросту нельзя, а тут еще пол под тобой ерзает, качается. Это жолобы не сильно, но беспрерывно движутся — взад-вперед, взад-вперед. Угольный щебень стряхивается с одного жолоба на другой, быстро ползет под уклон.

И еще эти провода! Где они? Не видно их в полутьме.

Перебираюсь с жолоба на жолоб. Это — как беспрерывная цепь санок с горы до низу. С санок на санки — все ниже и ниже — да так, что спины не выпрямить и локтя не отставить: провода ведь!

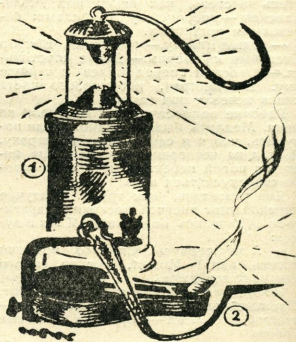
Вдруг снизу, издали, голос Виктора Степаньча:

— Осторожно, смотрите! Самое опасное место!

И сейчас же стучаюсь лбом обо что-то деревянное. Кусочек угля падает мне на живот. Бессознательно хватаю этот кусочек и зачем-то пихаю в карман.

Но провода-то где же, провода?

Светлее. Видны бревенчатые рамы — крепи, подпирающие потолок. Как ребра на скелете змеи. Несколько обломков

1. Современная рудничная аккумуляторная лампа. 2. Прежняя копилка „бог помочь“.

торчит с потолка. Об один из них я и стукнулся лбом.

А проводов все не видно.

Да чорт с ними: не убьет же током.

Ну, вот и следующая печь. Встаю на ноги рядом с Виктором Степанычем и достаю из кармана кусок угля.

Виктор Степаныч бесцеремонно хватывает уголь из моих рук.

— Это вы откуда взяли? Смотрите, это же водоросль, настоящая ископаемая водоросль.

И правда: на тусклой поверхности угля виден отпечаток растения: стеблек, листья по бокам.

И в увлечении Виктор Степаныч переносится за миллионы лет назад — в Юрский период истории земли. И бородастый забойщик, опустив обушек, с удивлением слушает страстный рассказ профессора.

Мгновенно, как в кино, слетает прочь потолок над нашими головами: толща в десятки метров угля, горных пород, почвы...

Вдали на западе встает каменная спина Урала. Кругом вырастает лес невиданных деревьев. Вот хвощ — колено

в колено — толщиной в несколько обхватов, высотой с многоэтажный дом. Вот папоротник, как пальма веером в высоте раскинул свои кудрявые, пышные листья.

А сами мы погружаемся на дно озера. Водоросли кругом — точь в точь такие, как та, что отпечаталась на моем кусочке угля.

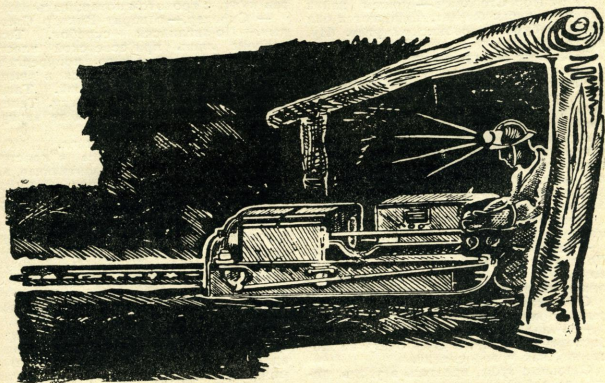
Водоросли растут и умирают, на их месте вырастают новые и в свой срок умирают, падают на дно, истлевают, превращаются в ил.

Ила все больше и больше. Он доходит нам до колен, до груди, до плеч и покрывает с головой.

Тысячелетиями метр за метром растет на дне озера толща сгнивающих водорослей — ил.

А с севера медленно-медленно на нас надвигается море. В сотни ли тысяч лет, в миллионы ли, но оно прокатывается над нашими головами, и на западе берег его — Урал.

Гигантские хищные ящеры плавают в этом страшном море и зубастые акулы. Трупы их падают на дно, тела истлевают в илу.

Когда последний зубок вбит, машинист включает ток, и бар врубной машины начинает вращаться с невероятной быстротой, вгрызаясь в угольный пласт горизонтальным движением по низу, от самой почвы.

Всей страшной тяжестью своей море давит на дно, прессует ил.

Но и море не вечно. Море отходит и сохнет.

Миллионы лет...

И вот над нашими головами выходит наружу ил. Равнодушный ветер заносит его песком. Урал, разрушаясь, заваливает его своими каменными отбросами.

Миллионы лет...

Суша кругом.

И над нашими головами вырастает другая трава, другой лес — все больше и больше похожий на наш теперешний. Бродят звероподобные люди. Бродят клыкастые мамонты, мохнатые носороги.

Проносится каменный век, век бронзовый и железный. Но десятки тысяч лет еще люди не знают, что здесь, в глубине, под ногами у них.

И вот мы стоим в шахте, вырытой машинами, и держим в руке кусочек каменного угля — почерневшего, окаменевшего в веках ила, — случайно сохранивший на себе отпечаток водоросли, росшей миллионы лет назад в водах юрского моря.

— А если выпадет счастье, — заканчивает Виктор Степаныч — можем найти и акулы зубы: бывает, попадают они здесь, в буром челябинском угле. Ну, пошли дальше.

Забойщик поднимает свой обушек, а мы ныряем в грохочущую нору.

Долго спускаемся, — и мне уж кажется не на конвейере, а на „машине времени“, и не вглубь земли, а в темную толщу тысячелетий. И когда впереди расширилась нора и стало светлей, — я увидел перед собой странное чудовище: блеснула длинная, зубастая голова пылы-рыбы, а за ней тело, только не рыбе тело: холодный, плоский панцирь большой черепахи.

Виктор Степаныч стал на него обеими ногами, деловито пояснил:

— Это тяжелая врубовая машина. Действует электричеством или сжатым воздухом. Вот этими самыми зубьями она врубается в породу, в уголь.

Он показал на узкую голову пылы-рыбы, приставленную сбоку к черепахе.

— У нее режущие зубы укреплены на бесконечной цепи, а цепь одета на шестерни, как у велосипеда.

Стальные зубы, врезаются в уголь, тащат за собой всю машину.

Виктор Степаныч соскочил с панциря железной черепахи и любовно похлопал ее по спине.

— Я особенно люблю это животное. И не только потому, что оно заменяет десятки рабочих с обушками, а потому, главное, что оно спасает этих рабочих от большого риска. Бывало, лежат шахтеры в забоях — того и гляди подрубленный уголь всей массой рухнет на них и погребет под собой. Так и случалось нередко в дореволюционное время. Врубовая же машина, въедаясь в угольную стену, идет теперь впереди человека. Она принимает удар на себя. Это хорошее животное...

Мы отправились дальше и скоро попали на поперечный штрек. Сюда конвейер сыпает свой уголь. Куча черной блестящей щебенки растет на глазах.

Виктор Степаныч остановился. Я хочу пройти дальше, но он схватывает меня за рукав, тянет назад. И вдруг вижу: слева из темноты по поперечному штреку лезет мимо меня железная морда с открытой беззубой пастью.

Она скользит вверх по куче угольного щебня, с нее вниз. Остановилась, перевернулась — и вдруг с лязгом бросилась на кучу, опрокинула ее в себя, в свою широко разинутую пасть и, средав кучу, с грохотом потащила назад.

— Скрепер, — говорит Виктор Степаныч. — По-английски — скребок. Тоже введена лишь при советской власти. Спереди и сзади у него прикреплены стальные канаты. Приводятся в движение электрической лебедкой. Тащит угля сразу на целую вагонетку. Теперь проходите скорей, пока он не вернулся за новой порцией.

Мы продолжаем спускаться.

И вот, наконец, выходим в просторный квершлаг. Это горизонтальная выработка, проведенная по пустой породе вкrest простираения пласта от рудничного двора, где подъемная машина.

Это уж не слепая нора, по каким мы лазали, и не коридор. Это подземная улица. По одну сторону ее тянутся рельсы — железная дорога. По другую — тротуар для пешеходов. Правда, он не залит асфальтом и немощен. Три — четыре человека могут идти по нему рядом.

Электрические бледные лампочки крошечными уличными фонарями уходят вдаль — может быть на полкилометра, может быть, на километр. И черный потолок над ними навис низко — всего каких-нибудь три метра от „земли“, — и кажется ночной тьмой, навалившейся на улицу.

Здесь много людей. Каталя возятся над опрокинутой вагонеткой. Проходит бригада забойщиков. Они похожи на рыбаков: на них поблескивает непромокаемая одежда, резиновые сапоги, круглополюе кожаные зюйдвестки. У каждого в руке шахтерская лампочка — фонарик.

Проходит инженер с двумя рабочими, проходят работницы с лопатами. Они пересмеиваются и одна из них весело и бойко затягивает песню.

Мы идем все дальше и дальше по квершлагу, встречаем все новых людей. И, глядя на прохожих, то веселых, то озабоченных, я совсем забываю, что над нами добрых 70 метров тяжелой земли. Мне начинает казаться, что я в каком-то фантастическом городе, где вечная тьма и слепые стены домов — по краям улиц. И я убеждаюсь лишней раз в том, что советские люди тут такие же, как и везде. Они спокойно делают свое дело и под землей.

Но я замечаю вместе с тем, что сам уже не страдаю от этой тьмы, чуть раздвинутой крошечными фонариками.

Мы идем по ночной улице — и вот начинается дождь. Он льет перед нами с низких-низких черных „небес“ и мы входим в него, как под душ. Крупные капли беспрепятственно барабанят по нашим кепкам, блестя лужи под ногами, в лужах отражаются огоньки.

— Вечный дождь тут, — говорит Виктор Степаныч. — Пусть там, наверху, светит солнце или пусть вьюга, сорокаградусный мороз, все замерло — тут льет дождь. Подпочвенные воды сочатся. Вообра...

Вдруг мгновенно потухли все лампочки-фонари. Мгновенно настала полнейшая тьма.

В жизни своей никогда я не испытал такой тьмы. Не может на земле быть такая тьма. В ней сразу утонули все звуки, вся жизнь, весь мир.

Что это: катастрофа, конец, смерть? Мы заживо погребены?

Я открыл глаза.

Свет. Фонарики горят, поблескивают лужи, капает капли, грохочет железо. Навстречу нам с обушками на плечах идут спокойные забойщики. И Виктор Степаныч говорит, как будто продолжая начатый разговор.

— ...дается световой сигнал. Смена рабочих.

Неужели тьма длилась одно мгновение? Неужели всего один миг?

Мне кажется — прошла жизнь.

Квершлаг перешел в коренной штрек¹, начались забои.

— Как вам нравится эта змея? — спрашивает Виктор Степаныч.

По полу, по лужам ползет, изгибаясь и подпрыгивая, бесконечно длинная серая змея — резиновый шланг.

Толстую железную голову ее крепко держит за уши забойщик. В яростной злобе железная голова змеи с молниеносной быстротой выбрасывает, прячет и опять выбрасывает прямое стальное жало: „гвоздит“ им в черную стену. Брызгами летит из-под него уголь.

— Отбойный молоток. Вот еще одно советское нововедение! Действует сжатым воздухом. Резиновый шланг — воздухопровод к нему.

— Все это очень интересно, — говорю я. — Но ведь вы обещали показать мне и живых зверей?

— Покажу, покажу, все покажу. Да вот они и сами.

Он показал вперед по штреку.

Оттуда приближался маленький поезд. Впереди шла лошадь, тащила за собой пять вагонеток, полных угля. За ней еще лошадь с вагонетками и еще. В передних вагонетках лежали коногоны.

Лошади шли медленно, низко-низко опустили голову. Трудно было сказать, какой они масти: угольная пыль превратила рыжий цвет в бурый, серый — в черный, белый — в грязно-серый.

Когда они приблизились к нам, я хотел отвернуться. Я знал, что в шахтах дореволюционного времени, годами без солнца, лошади слепли, и поэтому не хотел увидеть ужасные немые глаза животных...

Но первая же из лошадей встряхнула головой и глянула на меня.

— Зрячая! — удивился я.

— Ну да, — сказал Виктор Степаныч. — У нас они не теряют зрения, как прежде, потому что работают в три смены, по восемь часов. Остальные шестнадцать они проводят наверху, на дневной поверхности. Вообще, лошадь в шахте — это пережиток старины. Мы всюду сейчас, как в Губахе и в Кизеле, вводим под землей электровозы и механизуем все трудовые процессы.

¹ Коренным или основным штреком называется горизонтальная выработка, проходящая на уровне квершлага.

— Смотрите,— сказал я.— Как та вот, гривастая, идет: видно, еле тянет.

— Это Манька-то?— встрепенулся коногон и повернулся к нам лицом.— Она нарочно надувается. Хитрюшая, подлюга! Попробуй ей лишнюю вагонетку

прицепи. Полагается пять, она знает. Повернет голову, смотрит и считает. Как начнешь прицеплять шестую, сейчас заворчит, головой замотает, копытами бьет. Она счет знает, право слово, знает. В обиду себя не даст, вре-ешь!

1. Цепная врубовая машина. 2. Работа отбойным молотком. 3. Подача угля по конвейеру. 4. Конвейерный мотор. 5. Нагрузка углем вагонетки посредством конвейера. 6. Штрек. 7. Электровоз.

Поезд прошел, и мы направились дальше.

— Вот еще тут по вашей части,— сказал Виктор Степаныч.

На стене, немного выше моих колен, висела клетка с канарейкой. Другая клетка стояла под ней на полу. В ней копошились две розовые белые мышки. Рядом горела на земле шахтерская лампа.

— Свинство!— рассердился я.— Что еще здесь за любители канареек и белых мышей? За что лишили животных солнечного тепла и света? Да еще и повесили так низко.

— Вы ошибаетесь,— возразил Виктор Степаныч.— Канарейка и мыши здесь на государственной службе.

— О, самая ответственная, самая тонкая и опасная служба!— продолжал он, поймав мой недоуменный взгляд.

„Дело в том, что здешние бурье углы опасны самовозгоранием. Никакого эффекта, никаких громоподобных взрывов от неосторожно-зажженной спички, как в тех шахтах, где скопляется гремучий газ. Но не менее страшная вещь.

„При самовозгорании уголь выделяет смертоносные газы: окись углерода, углекислоту, метан. Первым делом — окись углерода, угар. Это ужасный и самый коварный газ, газ невидимка: без запаха, без вкуса, без цвета. Как его обнаружить? А обнаружить надо сразу же, а то будет поздно: он задушит шахтеров, вспыхнет пожар.

„Из всех животных канарейка оказалась наиболее чувствительной к окиси углерода. Едва в воздухе начинает примешиваться этот газ, канарейка дает знать об опасности поднятием лапок вверх. Попросту сказать — дохнет.

„За ней неотступно следят. Только она упадет, сейчас бьют тревогу.

„Окись углерода течет на небольшой высоте: от колен до пояса. Поэтому и клетка с канарейкой висит так низко.

„А еще ниже, у самого пола, идет тяжелая углекислота. И вот подите-ж: кошка малочувствительна к ней, а мыши чувят сразу. Начинают метаться и дохнут. И лампа, поставленная на пол, тухнет.

„Ну, налюбовались? Идем дальше.“ Но я не сразу оторвал глаза от этой находившейся грязно-желтой птички, от неведомых белых мышат.

Эти живые инструменты человеческой хитрой техники поразили меня.

Виктор Степаныч показал мне еще машинную камеру. Там, у электрической

лебедки, сидит женщина — молодая работница. Ежеминутно звонит телефон, она слушает и сама в телефон дает распоряжения по лавам.

Были мы и в приемном покое. За толстой, плотной дверью небольшая чистая комнатка. Досчатый пол. Тепло и сухо. Койка у стены, носилки. В углу леком,— тоже молодая женщина.

Удивляюсь я подземным работницам. Мысль о том, что у них над головами каменная кровля в миллионы тонн весом, нисколько их не беспокоит. Они работают спокойно, удивительно спокойно. И ни одна из них не запачкает в угле светлых своих волос или лицо.

Побывали мы и в подземной столовой. Это большое помещение, целый зал. Посередине — столы. На них тарелки с хлебом, ножи и ложки. Все чисто, опрятно, как в любой хорошей надземной столовой.

— Ну вот,— говорит Виктор Степаныч,— теперь нам осталось побывать только в нижней лаве. Там самые трудные и опасные заботы: сколько раз уж начинался пожар. Пошли!

Я иду за ним. И вдруг два, три, четыре быстрых зверька выкатываются из темного угла, прошмыгнули по нашим ногам.

— Чортовы крысы!— ругается Виктор Степаныч. И здесь от них нет спасенья.

А я обрадовался им, как родным: вот, наконец, первый зверек, сам по своей воле забравшийся сюда. Канарейку, белых мышей в клетках притащил человек, покорных лошадей спустил сюда человек. А эти сами. Они ничего не боятся, и куда проникает человек, проникают за ним и крысы.

Я уважаю серую крысу. Я напишу о них целую книжку — о голохвостых врагах человека, достойных врагах.

— Полноте вы, с вашими крысами,— говорит Виктор Степаныч.— Гляньте-ка лучше, кто идет нам навстречу.

Мы идем по штреку гуськом: обочина для пешеходов тут очень узка. Рядом грохочет конвейер.

Поднимаю глаза и вижу:

Навстречу идет собака.

Собака на полторы сотни метров под землей,— что за нелепость! Уже не кажется ли мне?

Да нет, правильно — собака. Довольно крупный пес, дворняга и, видимо, с приресью английского сеттера. Масти невообразимой: как мокрица.

Рабочая столовая в подземном городе

Идет с деловым видом, не смотрит по сторонам, словно все ему здесь хорошо известно.

Я останавливаюсь: нам не разойтись на узкой обочине для пешеходов — или ясу или мне надо стать на конвейер.

Пес предупреждает меня. Он шагает на движущиеся желобы, осторожно укреплается на них всеми четырьмя и трясется на месте, пока мы проходим мимо. Потом опять спрыгивает на „тротуар“ и шагает дальше.

От удивленья я все стою на месте и гляжу ему вслед.

— Это что же такое?

— Это, — отвечает Виктор Степаныч, — это собака. А вы думали крыса? А если хотите, так даже не собака, а бригадир Джек — начальник над двумя бригадами. Идемте за ним.

Джек сворачивает в боковой ход, осторожно переступает подпрыгивающие на земле шланги-змеи.

Мы за ним.

— Здорово, здорово, товарищ командир! — весело здороваются с собакой, молодые забойщики. — Так-что все в порядке и прогульчиков нет!

Джек снисходительно помахивает хвостом. Он внимательно поглядывает на каждого из рабочих. Потом три раза оборачивается вокруг себя и ложится.

— Дьявол-собака, — смеется белозубый молодой забойщик. — Чуть штаны мне вчера не порвал. Я забыл, что он тут, схватился закурить. А он как зарычит, как прынет на меня. Я и цыгарку выронил.

Рассказывая, забойщик бросил работать.

Джек сейчас же залаял отрывисто-сердито.

— Видал? Минутки не даст отдохнуть. Ладно, ладно, товарищ бригадир, не ругайся. Не строжись.

Я забросал забойщика вопросами: откуда взялся этот пес? Как попал сюда? Давно ли здесь? Кто его обучил? Где хозяин?

И забойщик рассказал нам историю о бригадире Джеке.

Года три назад работал в этой шахте один старый забойщик. Его сделали бригадиром над двумя бригадами.

Рабочие были все молодые. Старику трудно приходилось: бегать из забоя в забой, подтягивать, за всеми присматривать.

У него был пес, этот вот самый Джек. Ходил с ним на охоту в часы отдыха. Старик и приспособил его в помощники. Стал брать с собой под землю.

Один неисправный забойщик не взлюбил Джека и решил его убить. Он взял с собой под землю кусок вареного мяса. Когда бригадир ушел в другой забой, парень стал звать пса, манить за собой. Хотел стукнуть его бушлом по голове и потом завалить углем. Потом позвать хозяина и сказать, что собаку убил неожиданно обвалившийся уголь.

А Джек присел вдруг, поднял морду кверху и заскулил. Сидит и воет, как над покойником.

Парень зовет его, мясо сует. Джек не идет.

Прибежал бригадир. Он сразу понял, в чем дело. Поставил свою лампочку на пол. Огонь сейчас же потух.

— Смирно! — закричал бригадир. — Слушай меня — и спокойно.

Забойщики почувствовали, что дело серьезно и замолкли.

— Видали? — продолжал старик. — Лампа потухла. Джек воеет потому, что пошел газ. Он всех задушит насмерть, если не будете меня слушать. Бери инструмент. За мной! Джек не выдаст!

Пес уже пошел вправо по штреку — в другую сторону от квершлага и рудничного двора. Бригадир побегал за ним. Забойщики колебались одно мгновение: всем хотелось бежать прямо к рудничному двору, к подъемной машине, скорей умчаться наверх от смертоносного газа.

Но бригадиру подчинились. Все бросились за ним. Все, кроме одного — того парня, что взялся пристукнуть Джека. Этот побегал в противоположную сторону — прямо к лифту.

Бокowym ходом и параллельным штреком Джек вывел бригады к лифту. Дали сигнал тревоги. Благополучно поднялись наверх, на дневную поверхность все, кто был в шахте

А тот парень погиб.

Дело объясняется просто. Джек инстинктом нашел правильное направление: от газа можно успеть спастись, только идя против тока воздуха.

В шахте работают вентиляторы. Они гонят по штрекам струю воздуха в определенном направлении. Вытягивают воздух наверх.

Все, бежавшие за Джеком, быстро выскочили из газа. Парень, побегавший в обратную сторону, двигался в направлении распространения газа — и задохся.

После этого случая все рабочие полюбили Джека.

Хозяин-бригадир давно переехал из этой шахты в другую, а Джек остался. Рабочие теперь спокойны. Знают: если случится беда, Джек предупредит.

Теперь сами себя называют — „Джековы бригады“.

— Хороший человек — собака, — любовно закончил забойщик. — Сурьезный.

Виктор Степаныч вынул часы.

— Ну-с, нам пора, иначе сегодня не попадем на охоту.

— Да подождите, — отмахиваюсь я. — Надо же как следует поглядеть на эту чудо-собаку.

Виктор Степаныч рассмеялся.

— Ага, задело за живое! Даже охотой не сманить из-под земли. Значит, не так-то уж скучно здесь? Пошли, пошли! — торопил Виктор Степаныч. — На самом деле пропустим зорьку.

А я и забыл, что там, на земле, горит солнце, что время близится к вечеру.

Виктор Степаныч повел меня квершлагом прямо к рудничному двору, к „шахтному вокзалу“.

К лифту с лязгом и грохотом подходил конный поезд. Коногон соскочил с передней вагонетки. Перед самым лифтом ловко скинул крик сбруи с колыца на передней стенке вагонетки.

Лошадь без команды свернула в проход между лифтом и стеной. Раскатившиеся вагонетки с углем по рельсам въехали в клеть, вытолкнули стоявшие там две порожние вагонетки и остановились.

Дежурная у лифта работница задвинула дверцу клетки и дала два звонка на эстакаду, наверх.

Клеть дрогнула, покачнулась — и плавно пошла вверх, в темную дыру.

Дежурная сняла трубку телефона.

— Эстакад? Примите уголь, спустите клеть для подъема двух товарищей. Да, да. Живей давай!

Прошло несколько минут, пока вернулась клеть. Лязгнула дверца. Мы с Виктором Степанычем вошли в клеть.

Дежурная дала пять звонков подряд и через короткий промежуток — еще три.

Пол закачался у меня под ногами. Словно кто-то схватил меня за пятки и начал тихонько поднимать от земли.

Конечно, мне не раз приходилось в городах подниматься в лифте на верхние этажи. Там мгновенная тьма сменяется светом, мелькают этажи.

Здесь — тьма и тьма. Поскрипывают тросы — стальные канаты. Клеть качается и трещит. Стен не видно, не видно лица соседа, не видно, с какой быстротой поднимаемся. Да и поднимаемся ли вообще? Может быть, давно неподвижно висим в темном колодце над пропастью.

И только растет, все усиливается странный густой, певучий звук.

Что это? Звук непохож на грохот железных машин, непохож ни на один из глухих шумов там, внизу.

Словно кто-то поет, нечеловечески огромная глотка.

Светает.

Все стало видно.

Живой солнечный свет!
Вот чьи-то ноги на уровне моих глаз.
Пояс. Лицо.

А непонятный звук все гремит, как
песня, как гимн.

Стоп!
Мы вышли из клетки. Мы под крышей.
Выходим. Степь. Какая масса све-
та! А этот звук,— я не узнал его. Ведь

это же ветер. Как чудно он поет. И как
легко дышится.

Шагаю по веселой траве — и ни за что
не поверишь, что там, на сотню метров
под моими ногами,— подземный город:
улицы, железные дороги, гремят ма-
шины, бодро работают люди, что я ша-
гаю высоко над их головами, что крысы
там и канарейка и собака.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ *Фото-очерк*

Мы бодро строим свой новый мир. Всюду кипучая жизнь: и на земле, и под землей, и в воздухе. Читатель наш только что вышел с В. Бианки из подземного города, и вот он под открытым небом. Перед ним уголок колхозного крольчатника на Урале. Маленькие, остроглазые, чистые, с лоящейся шерстью животные, прекрасно знают свою заботливую хозяйку. Они и раньше не могли пожаловаться на нее за плохой уход, а в последнее время — особенно: кроме сена, овса, отрубей и корнеплодов они получают от нее замечательно вкусные ветки деревьев. Их хозяйка узнала, что в колхозе «Путиловец» Еловского района кролеферма премирована Наркомземом за то, что в 1934 году на ферме получили 15 кроликов в среднем от одной кролематки, а в колхозе им. Фрунзе того же района даже 20. И у нас должен получиться приплод от кроликов не меньше, а больше, тогда и мы тоже получим премию из Москвы. Она нагнула зеленую ветку, и кролики застигнуты фотоглазом в уморительных позах ожидания лакомого угощения.

В ДЕБРЯХ УРАЛА

Черк ВАДИМА ЕЛОВСКИХ

ОТ РЕДАКЦИИ

С севера на юг тянется Уральский горный хребет. Склоны гор поросли щетиной леса. Спускаясь к подножью, он переходит в беспредельный лесной океан.

Кругом тайга. Она раскинулась на многие сотни километров. Осина, ольха, мохнатая лиственница, изредка сосна образуют непроходимую чашу. Под деревьями мало солнца. В самый жаркий день здесь прохладно, пахнет плесенью и застойной водой. Слица то и дело приходится смахивать паутину, — она густыми сетками натянута между стволами деревьев.

Когда спотыкаешься об упавшее дерево и сдираешь с него носком сапога мох, открывается черная сырая древесина, вся в мелких дырочках, из которых выползает множество жучков, пауков, муравьев и мошек. Скрываясь под завалью бурелома и растекаясь подо мхом маленькими болотцами, бегут по лесу ручейки. Вода в них небыстрая, тепловатая.

Иногда тайга сменяется сплошным сосняком. Но он долго не держится, переходит в глухой бор с березовыми перелесками, а последний снова образует бурелом. На полянах в нем громоздятся вывороченные с корнями деревья. Присохшая к корням земля образует высокие желтые бугры. В том месте, где росло вывороченное дерево, остаются глубокие ямы. В них нередко устраивает нору какой-нибудь из обитателей леса. Надломившись в бурю, большие деревья скрипуче падают на мелкую поросль и повисают над ней высокими арками. Их ветви опускаются

до земли густой завесой. Без топора не пробраться под этими арками.

Если взглянуть с вершины гор, там, дальше, на восток лежат сверкающие на солнце пятна лесных озер. По этим лесам пролегает путь лося. Медленно отступая перед человеком, проникшим в эти леса, сохатый уходит все глубже в дебри, все дальше на север, в нетронутые лесные массивы.

Здесь еще и сейчас на мшистых ветвях сосен поет торжественную свою песню глухарь — самый нелюдимый из пернатых обитателей лесов.

Здесь, среди неприступных чапуг и бурелома, залегают после летних скитаний имя „хозяин“ тайги, — чернубурый медведь.

Десятки верст можно пройти по этим борам и болотам, вдоль лесных речек и ручьев, вокруг затерявшихся озер и не встретить поселений человека.

Таких глухих мест становится, однако, все меньше и меньше на Урале. Ежегодно георазведочные партии бороздят лесные массивы и стараются найти и вскрыть их подземные кладовые с сокровищами. Ежегодно группы советских исследователей устремляются по извилинам таежных речек и помогают освоению природных богатств Урала для социалистического строительства нашей великой родины.

Горы упорствуют, неохотно отдают человеку свои богатства. И много на Урале есть глухих падей, где реки скапливают золото, где залегают железная руда, титаномагнетит и медь, где кварцевые жилы таят в себе горные хрустали и самоцветы.

В этих очерках уральского студента-комсомольца Вадима Еловских рассказы-

ваются о походе, который совершили трое георазведчиков - добровольцев, молодых уральских следопытов, в дебри нашего края с тем, чтобы содействовать первичному освоению его малоисследованных районов на Севере.

1. В лесных дебрях Урала

На западе, из-за макушек сосен и мохнатых елей, виднелась налитая солнцем вершина горы. Она высоко поднималась над окружающими сопками и казалась неприступной твердыней.

— Что это за вершина? На моей карте ее нет,— спросил Миша.

— На твоей карте вообще ничего нет соответствующего действительности. Присядем и решим,— сказал Николай.

Несколько минут три головы, склонясь над картой, внимательно рассматривали коричневые волнистые линии ребров.

— Это Совинная сопка,— выпрямившись, сказал Василий. Если подняться на вершину, можно ориентироваться. Времени еще только два часа.

Разведчики вскинули за плечи рюкзаки и стали пробираться сквозь лесную чащу.

Подъем был тяжелый.

Скоро однако тайга осталась внизу, но зато ее сменил кедровый сланник. Этот особый вид кедра растет невысокими кустами. Нижние ветви его стелются по самой земле и, перелетаясь друг с другом, создают путаницу под ногами.

Но вот и сланник поредел, расступился. Подъем стал более пологим. Легкий ветерок приносил прохладу, прогонял мошкору, и разведчики с облегчением приподняли сетки.

Наконец, они достигли вершины, с которой во все стороны открывался широкий вид на десятки километров вокруг.

Вершина горы состояла из мощных пластов кварцевого песчаника. Песчаник совсем белого цвета, как сахар, но кажется серым от тонких пластинок лишайника, сплошь покрывшего его. Растительность на вершине оказалась скудной — кусты можжевельника, распластанные по камням, мхи, лишайники и карликовые пихты. Зато трудно представить себе, какая картина величия и красоты открывалась с вершины.

Вся, местность была, как на ладони. С севера на юг тянулись параллельные

ряды скал. Ближайшие были темно-зеленого цвета от покрывавших их лесов, но чем дальше, тем становились они синее, туманнее, воздушнее. Где-то между гор извивались речки. Светлыми пятнышками поблескивали горные озера.

Ориентировавшись в местности, разведчики начали спуск, направляясь к небольшой речке, замеченной у подножья. Спуск по западному склону был еще круче, чем подъем с восточной. Разведчики быстро понеслись вниз, прыгая с камня на камень, цепляясь за карликовые деревца.

Растительность становилась, чем ниже, тем богаче. Скоро они влетели в буйную, в рост человека, траву и лесок, сначала редкий, затем постепенно густевший и переходивший в непролазную чащу. При спуске посчастливилось попасть на еле заметную тропку.

2. Таежная находка

Вдруг неподалеку раздался выстрел. Эхо подхватило его, ударило о скалы и гулко защелкало по лесу.

Через несколько минут разведчики заметили между деревьями фигуру охотника. Он стоял над убитым козлом. В руках длинная берданка.

Это был пожилой человек, видимо, здешний таежный житель.

— Откуда ты, дедушка? — спросили его разведчики, обрадовавшись встрече.

— Из Ягустянки, верст пятнадцать отсюда,— ответил он и показал на гряды гор.

— Ну и прекрасно, нам как раз туда и нужно,— ответила молодежь наперебой.

Охотника звали Еремеичем. Он со вчерашнего дня охотился в здешних местах и завтра хотел вернуться обратно.

В это время начинало темнеть. Пора было подумать о ночлеге.

Охотник вынул нож и быстрым движением вспорол козлу брюхо. Затем такими же быстрыми и ловкими движениями стали сдирать шкуру. Василий с Николаем, выбрав место на берегу ручья, ставили палатку.

Величаяя тишина леса сразу огласилась звуками топоров и звонкими молодыми голосами. Таскали дрова, разводили костер, готовили ужин.

Сумерки в уральской тайге всегда наступают рано. На западе, сквозь густую хвою, еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле уже легли

ночные тени. По мере того, как разгорался костер, ярче освещались кусты и стволы деревьев.

После ужина из жирной козлятины, каждый занялся своим делом: кто чистил ружье, кто чинил разорванную одежду, кто перебирал рюкзак. Покончив со своими делами, Николай и Миша заснуло, как убитые. Василий остался сидеть с Еремеичем у костра. Старик чистил свою длинную берданку.

— Скажи, где ты такое ружье раздобыл или по наследству досталось? — спросил его Василий.

— Вот именно по наследству, — ответил Еремеич. Ежели интересно, так слушай.

„Было это годика четыре тому назад. Вышел я утром на рябчиков. Спустил выводок. Иду и выбиваю по штучке. Сшибешь одного — отлетит стайка сажен на сорок, усядутся на елочку, а я подкрадусь да еще выбью. Так довели меня рябки до поваленной пихты. Сел один петушок на вершину, стрелил я его, ковырнулся он в траву. Бросился я искать его, нагулся и увидел человеческие кости на земле. Поднял с испугу голову — передо мной ружье это самое... Стоит оно, прислонено к стволу, позеленело, заржавело. Обыскал я траву, думал одежонка какая окажется, сумка или мешок, но видать с годами все сгнило. Ведь и от человека одни кости остались, да и те не в порядке: ноги порознь, череп сбоку. Что приключилось с человеком, кто он? — одна тайга знает. Закинул я ружье за плечи — и домой.

„Ну, скажу тебе, пришлось же мне повозиться с ним! Чистил я его всеми способами: напильником скоблил, шкуркой тер, еле-еле в порядок привел. Гляди, хоть и старое ружье, а бьет здорово. Вот как я его в наследство получил.

— Ну, а насчет этого человека так ты ничего и не узнал? — спросил Василий.

— У кого же было узнать. Кости не говорят. Да по правде сказать я его и разглядеть не успел. Весь мой интерес к ружью был. Обрадовался. В нашей стороне доброе ружье дороже избы.

3. В бюро краеведения.

Однажды в Уральское бюро краеведения зашел пожилой человек, худощавый, повязанный старым потрепанным шарфом.

— Я хочу сообщить вам очень важные и интересные факты, — заявил он научному работнику Бирюкову.

Человек оказался учителем из села Уват, затерянного в дебрях уральской тайги. Его выслушали внимательно и с интересом.

— Наш район глухой, — начал он свой рассказ. — До железной дороги километров сто по тайге. Дорог почти нет. На большом пространстве раскинулись редкие деревушки. Народ еще темный, сильные старые дедовские традиции. Летом мы отрезаны от всего мира болотами, топями, завесами комаринных туч. Зимой снегами, морозами, бездорожьем.

„Много лет бродят по нашему району слухи о какой-то таинственной „нечистой пади“ в тайге. Мне удалось установить, что расположена она прямо от Еловых гор на север. Местное население настолько убеждено в коварных свойствах этой пади, что даже днем охотники старательно обходят это место.

„Живет в соседнем селе один старик. Был раньше он лихим охотником, золотоискателем. Лет двадцать назад отправился он в „нечистую падь“ и наткнулся на золотые россыпи. За два дня намыл целое богатство. Но вернулся он едва живой. Силу свою и охотничью удачу оставил в этой пади: когти огромного буро-зверя превратили его лицо в багровую маску, пересеченную мертвенно-белыми узловатыми шрамами.

„Через несколько лет после этого старика еще два смелых охотника ушли в „нечистую падь“. Но ни один не вернулся. Никто не знает, что с ними случилось. Поглотили их бездонные топи или стали они добычей зверя, — неизвестно, но только после этого ни одна живая душа не решается проникнуть в это гиблое место.

„Интересно еще то, что в этой пади, со склонов Еловых гор берет начало неизвестная падь. Пройдя верст тридцать, она внезапно обрывается и исчезает под землей. Я достал карту района и старательно ее просмотрел. На карте эта река не обозначена. Прошу вас, товарищи, направить туда геолога, чтобы обследовать падь и истоки реки. Сам я немного понимаю в геологии и уверен, что в наших горах имеется железная и медная руды. О золоте и говорить нечего“.

Рассказ учителя был записан. Ему пообещали сделать все возможное. На этом дело и кончилось.

Весною забежал в Бюро краеведения Василия.

— Владимир Павлович! — обратился он к краеведу Бирюкову. — Группу подобрал из трех человек студентов нашего университета. Хотим месяца на два в тайгу махнуть. Побродить, поискать полезные ископаемые, а заодно и отдохнуть. Какой маршрут посоветуете?

Владимир Павлович сморщил лоб, что-то соображая, и вдруг просиял, засуетился, разрыл груды папок и извлек записанный рассказ учителя.

— Вот читайте! — воскликнул он.

Через месяц наша группа была в полной готовности. Достали снаряжение, наскребли денег в георазведочных организациях и тронулись в путь, в горы, к истокам неведомой реки.

4. Охота за горными хрусталами

На земле и на небе было еще темно, лишь в восточной стороне неба чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак того, что будет хорошая погода. Кругом царил торжественная тишина. Через час восток начал алеть. Я проснулся и посмотрел на часы. Было шесть часов утра.

Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали исчезать. Послышался крик дятла и трескотливая музыка желны. Лес просыпался. С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-за гребня гор и озарили лес.

Лагерь разведчиков теперь имел совсем другой вид.

На месте яркого костра лежала груда серого пепла и золы. Там, где стояла палатка, торчали лишь одни жерди и лежала примятая трава.

После чая собрались и двинулись в дальнейший путь.

Направление держали к деревне Ягустянке, где решили устроить дневку, а уже оттуда двинуться к истокам неведомой реки.

Сразу же за лагерем начиналась горная долина, по дну которой шумел горный поток и тянулись огромные россыпи кварца.

Здесь разведчики решили искать горный хрусталь.

Василий отколол кусок кварца и внимательно его осмотрел. Обломок был

рыжевато-го цвета, с включениями. Тут же валялись куски гранита и пегматита с кристаллами кварца.

Маршрут трех георазведчиков в дебрях Урала. Наверху, в квадрате, — район их исследований на карте Свердловской области.

— Хорошо, — сказал он. — Разрушенная пегматитовая жила. Наверняка должны быть кристаллы горного хрустала.

Василий, исполнявший обязанности главного геолога и руководителя экспедиции, распорядился сложить вещи и начать поиски. Он наметил участки, и работа закипела. Еремей согласился помочь, но сначала искренне удивлялся, что горный хрусталь может иметь какое-либо значение.

Разведчики копали, ковыряли, поднимали каждый камень и по лесу гулко разносились удары геологических молотков.

Неожиданно восторженные крики Миши потрясли воздух. Он победоносно держал кристалл горного хрустала. Вскоре были обнаружены новые экземпляры, и геологические молотки застучали с удвоенной силой.

5. „Горный лед“

Если взять в руки обломок горного хрустала и такой же кусок стекла, то будет трудно отличить один от другого. Но, вместе с тем, окажется и большая разница. Горный хрусталь долгое время остается холодным в вашей руке, а стекло очень скоро согревается.

Происходит это от того, что горный хрусталь гораздо лучше проводит тепло, чем стекло. Вот почему тепло руки быстро расходит по всему камню, а в стекле нагревается только поверхность. Еще в древности в домах богатых римлян имелись большие хрустальные шары, о которые охлаждали руки. Древние греки дали этому камню название хрусталь от греческого слова лед.

Горный хрусталь — это прозрачная, чистая кристаллическая разновидность кварца. Отдельные кристаллы хрустала достигают громадных размеров. На Урале известны прозрачные кристаллы в $\frac{1}{2}$ тонны весом.

Горный хрусталь обладает совершенно особыми электрическими свойствами и им пользуются в самых разнообразных приборах и в технике радио.

Горный хрусталь в производстве различных точных приборов незаменим и здесь играет роль его большая твердость, неразлагаемость кислотами, очень тугая плавкость и замечательная чистота. Но у него есть еще и другие диковинные свойства.

Возьмем и нагреем его в электрической печи почти до 2000° — горный хрусталь расплавится и потечет, как стекло и, как на стеклянном заводе, из него можно тогда готовить стаканы, трубки, пластины и пр.

На вид как будто совсем обыкновенное стекло, в действительности же это не так. Если горячий стакан бросить в холодную воду, он лопнет. Не то будет с кварцевым стаканом. Вы можете накалить его докрасна, бросить в ледяную воду, он не изменится и останется цел.

Другое замечательное свойство горного хрустала — это его способность давать тончайшие кварцевые нити, такие тонкие, что если собрать в пучок 500 таких нитей, то и тогда толщина пучка не превысит толщины спички.

Когда разведчики отправились в путь, им было дано задание найти горный хрусталь. И теперь, находясь в дбрях Урала, они ни на минуту не забывали этого поручения.

6. Таинственное исчезновение

Поработав часа два, Василий почувствовал усталость. Осмотрелся — товарищей не видно. Увлечшись работой, они разошлись в разные стороны.

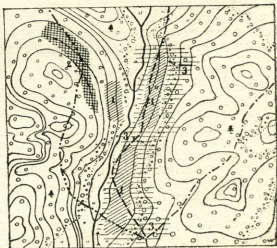
Василий нашел две небольших друзы горных хрустала и кусок кристаллов альбита, а в россыпях ему удалось обнаружить несколько обломков дымчатого топаза с железным блеском внутри. Продвигаясь вдоль россыпи, он неожиданно наткнулся на выход чистой пегматитовой жилы. Выбивать куски из жилы было неудобно, так как она проходила по отвесной скале.

Раскопав древесу (разрушенный гранит), он принялся изо всей силы колотить молотком, чтобы извлечь занорыш (гнездо кристаллов в пустоте среди породы) целиком, но жила не поддавалась.

Кто не собирал камней, тот не может себе представить, какое волнение охватывает искателя, когда его пальцы коснутся гнезда кристаллов. Василий два раза слетал со скалы, засорил глаза осколками, но, в конце концов, все же извлек друзу дымчатого хрустала.

— На сегодня хватит! — решил Василий, и крикнул товарищей.

Из-за кустов вынырнула неуклюжая фигура Миши, показался и Еремеич, тащивший груды кристаллов горного хрустала, но Николая не было. Его еще несколько раз крикнули, но он не отзывался.

Район местонахождения горных хрустала

— Здесь где-нибудь ходит, — сказал Миша, — отдохнем без него.

Василий отобрал несколько наиболее крупных кристаллов горного хрусталя, завернул в мешочки, написал этикетки, а на карте поставил жирный крест. Затем он вынул блокнот и, произнося вслух, записал:

— Экспедицией обнаружено месторождение горных хрусталей промышленного значения в россыпях кварца и выход пегматитовой жилы.

Дальше шло перечисление номеров образцов и описание местности.

— Ну, товарищи, по началу нам повезло. Теперь можно и закусить,— сказал Василий.— Но где же Николай?— спохватился он.

— Ни-ко-лай!— крикнул во всю глотку Миша.

— А-а-а-и-й!— раскатилось по лесу эхо.

Ответа не было. Разведчики не на шутку встревожились и начали усиленные поиски: бегали по лесу от одного места к другому, орали до хрипоты, стреляли из ружья, обыскали весь лес, вслугнали все пернатое население.

Ни звука в ответ...

Поели холодной козлятины и снова принялись за поиски, и снова безрезультатно. Николай пропал. Заблудился. В этом не было сомнения, так как прошло уже несколько часов с того момента, как его спохватились.

Тогда решили отправиться к деревне Ягустянке, сделав по лесу крюк в надежде натолкнуться на заблудившегося Николая. Оставалась еще надежда, что он выйдет каким-нибудь путем к деревне.

Захватив с собой снаряжение Николая, подавленные, выступили разведчики в путь.

Ягустянка, расположенная при впадении реки Ягусты в Уфу, оказалась глухой деревней.

Разведчики сидели в избе Еремиича мрачные: несмотря на тщательные поиски, Николая найти не удалось. Подавленное настроение немного рассеивалось тем, что они помогли сельсовету. За три дня своего пребывания в деревне провели несколько бесед на политические темы.

— Неужели придется вернуться обратно в Свердловск?— спросил Миша.

— Нет,— твердо сказал Василий,— этим делу не поможешь. Мы пойдем дальше. Мы должны выполнить взятое на себя поручение.

Дверь скрипнула и вошел Еремиич.

— Ребята, попутчика нашел вам до Волкова болота. Напротив меня остановился, у сына. Товарищ мой, Тихон-огневщик. Он вас доведет до кордона.

Вечером разведчики были у Тихона. Бородатый старик в розовой рубахе, в ичигах, надетых на короткие ноги и перетянутых ремешками, встретил ребят радушно. Он расспросил их, с какой целью они путешествуют, и согласился через два дня отправиться в путь.

7. Пленник подземелья

Николай, увлеченный поисками горных хрусталей, незаметно углублялся в лесную чащу. Было тихо. Кланяться друг другу вершинами, лишь перешептывались между собою сосны, хрустел под ногами человека сухой валежник, да изредка слышался стук дятла или жужжание насекомых.

Николай вышел к подножью горы. Горный ручеек шумел по дну небольшой долины. Взглянув вперед, он увидел громадную лохматую лиственницу и около лиственницы шалаш. На полуосгнивших жердях, прислоненных к стволу, лежали засохшие ветви и куски дерна.

Заинтересовавшись, он приподнял ветви, шагнул в шалаш, в тот же миг полетел вниз, ударился обо что-то твердое и потерял сознание.

Очнулся Николай среди полной темноты. Голова ныла от тупой боли. Он дрожал от холода и чувствовал сильную жажду. Долго соображал, что с ним и где он.

Вспомнил, что в кармане электрический фонарик. С трудом вынул его и нажал кнопку. Маленький пучок лучей осветил земляной пол и бревенчатый сруб колодца. Потрогал голову и нащупал рассеченную рану и сочившуюся кровь.

„Пить! Пить!“— шептали его засохшие губы. Схватил флягу и жадными глотками осушил ее до дна. Стало легче.

Теперь нужно было решить что делать дальше. Сначала Николай растерялся, но, смутно сознавая, что растерянность может привести к гибели, взял себя в руки. Внимательно осмотрев свое убежище, он сделал неожиданное открытие: на уровне земли зияло отверстие подземного хода... Стены и потолок его имели бревенчатое крепление. Ход был низкий и узкий, в нем едва можно было выпрямиться.

Мелькнула мысль дать знать о себе товарищам. Но как? Пробовал кричать — от крика страшно ныла голова. Решив, что это бесполезно и что вряд ли кто услышит его голос, Николай отважился идти подземным ходом, освещая путь фонариком.

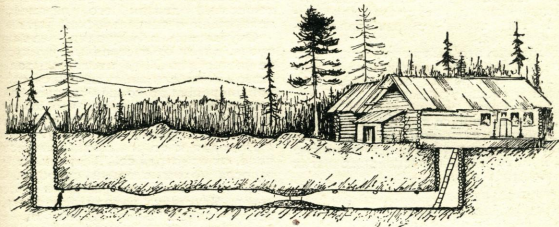
Пошел. Кругом царил злобещая тишина, которая пугала и давила. Сверху капала вода, а под ногами хлопала грязь. В некоторых местах верхний настил злобеще провисал.

Приходилось часто нагибаться. Дышать было трудно. Пройдя еще несколько шагов, Николай убедился, что даль-

неожиданным и неправдоподобным, что он просто растерялся. Где он? Что с ним? Явь это или бред?

Он находился в келье. Да, да, в настоящей келье. Передняя стена вся уставлена иконами и большими и маленькими: литыми, створчатыми, писанными. Многие иконы шиты бисером, украшены камнями, вделаны в золоченые и серебряные ризы. Десятки мрачных ликов смотрят со стены и ни один не моргнет глазом.

Николай с любопытством и в то же время с некоторым страхом рассматривал эту необычайную обстановку и вдруг неожиданная мысль осенила его.

175 м.

Разрез подземного хода („выхода“) и скита, в который попал заблудившийся Николай

ше ход почти завален, только внизу оставалась узкая щель. В нее можно было протиснуться лишь ползком.

Николай пополз на животе, как крот. Над ним повис многотонный слой земли. Потом ход снова расширился, но вдруг уперся в стену. Здесь был тупик.

Пленник подземелья осветил стену и заметил в углу деревянную лестницу. Не долго думая, полез по ней вверх, но на этот раз головой уперся в деревянный настил.

Ощупав то, что для него было потолком, Николай убедился, что над ним находится пол, а сам он в подполье.

Прошло еще много времени, пока пленник нащупал люк подполья, но крышка не подавалась. Выломав торчавшую поблизости доску, он стал колотить ею по люку. С трудом раскачал крышку, приподнял ее, и сделав последнее усилие, вылез из подполья.

То, что увидел Николай, было до того

„Да ведь это скит!“ Скиты еще и сейчас встречаются кое-где в глухих углах Урала и Сибири, и ему вспомнились рассказы, читанные в книгах о том, как устраивались эти скиты.

В скитах раньше жилось хорошо. Богатые кержаки, жившие в городах, на заводах всячески содействовали процветанию скитов, откупали под них участки лесов, покосов, вкладывали в скитскую казну свои состояния, а под конец жизни и сами со всем добром переселялись в скит „спасать“ свою многогрешную душу.

Многие купцы дочерей своих за „привинность“ отдавали в скиты, под надзор старик, за что в виде благодарности целыми вагонами посылали продукты. Зная богатство скитов, нередко воровские люди нападали на них, грабили, мучили каленым железом скитников, выпытывая, где хранятся деньги, товары и прочие ценности.

8. Таежный Робинзон

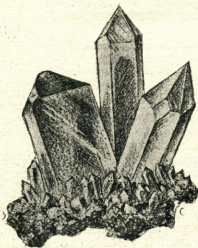
Для большей безопасности скиты устраивались в непроходимых лесах и глухих падах. Тропы, ведущие к ним, замаскировывались. Под домом устраивался подземный ход, который назывался „выходом“, и подземные каморы, где хранились богатства. При появлении разбойников, скитники уходили через „выходы“ в дальние леса, болота, где их трудно было найти. Несомненно, Николай попал в один из таких „выходов“ такого опустевшего, заброшенного скита.

Осматривая скит, он увидел на полке предметы домашней утвари. Взяв в руки деревянную ложку, удивился: на конце ложки — миниатюрная человеческая рука, сложенная двуперстием для молитвы. На столе — старая заплесневевшая библия.

Несомненно, это был кержанский скит!

Теперь надо было наметить план действий. Николай решил осмотреть скит снаружи и распахнул дверь.

На него сразу же наступила тайга. Скит, приткнувшийся к подножью мрачной, заросшей ельником горы, был запрятан так хорошо, что даже днем можно было пройти мимо в нескольких шагах и не заметить его.

Горный хрусталь (к стр. 25).

Это была большая изба, к которой вплотную примыкали две хозяйственные постройки, образуя замкнутый четырехугольник. Благодаря этому, скит походил на небольшую деревянную крепость.

Пройдя еще несколько шагов, Николай вновь почувствовал боль в голове и присел на ближайший камень.

Николай был парень решительный. В отличие от Миши, бесшабашного, веселого охотника, он был серьезен. Ко всему подходил здраво, несколько скептически. Любил покритиковать своих товарищей. На шутки никогда не обижался, а только улыбался своими белыми крепкими зубами. Он любил природу и связанные с нею скитания по лесным дебрям. Много путешествовал по Уралу. Занимался собиранием гербария, зоологических коллекций, хотя охотник был неважный.

Не чужды были ему работы и по археологии. Начитанность и практика путешествий делали его незаменимым товарищем в скитальческой жизни.

Очутившись в лесу один, без пищи и крова, вдали от населенных пунктов, он не растерялся. Хотя много слышал рассказов о гибели заблудившихся охотников, но решил до конца бороться за свое существование. Первое, что хотел он разрешить: в какую сторону идти, чтобы попасть в деревню Ягустянку.

Подойдя к старой мохнатой лиственнице, он осмотрел ее. Лиственница густо заросла мохом с одной стороны. Значит в этом направлении лежит север. Ягустянка находилась где-то на северо-западе. В ту сторону он и отправился.

Спустившись со склона горы, попал в ельник. Ельник оказался сырым и гнилым лесом. Всюду среди корней виднелась вода, и Николай часто проваливался в нее. Валежник часто гнил медленно. Рыхлые, полусгнившие стволы деревьев валялись повсюду.

Серыми косами свисал с деревьев мох-бородач. Здесь много было обмачивого. Толстое дерево, казавшееся таким прочным, вдруг падало и рассыпалось в труху при одном толчке. Оказывались пустыми и проваливались под ногами огромные колоды. Здесь, в этих тенистых и сырых уголках леса, было раздолье всяким насекомым и паукам. Здесь злее становились комары. В защиту от них Николай повязывал голову платком, — лицо и руки при ходьбе не так страдали.

Паутины было так много, что, казалось, ею опутаны все промежутки между деревьями: то и дело приходилось смахивать ее с лица. В этой сырости, где солнечный луч — неизвестный гость — рождался деревья-уроды.

Вот дерево, изогнутое причудливым гигантским штопором.

Вот другое—тянулось-тянулось вверх, да вдруг устало, бросилось и стволom и всеми своими ветвями и припало к мшистой земле.

Дальше — дерево, которое завязалось узлом и само себя задушило. Кривые, выгнутые, опухшие, с уродливыми натеками, они все толпились здесь, словно собрались сюда нарочно, считая сырой воздух для себя целебным.

Пробираясь через тайгу, Николай попал на старую тропинку, которая вывела его из ельника. Тропинка теперь тонула в высокой траве, которая скрывала Николая целиком.

Вскоре тропинка вывела его к речке.

Николай с удовольствием погрузил свою нившую кудлатую голову в холодную воду. Речка была бурная, делала зигзаги и глухо ударялась о подводные камни. В некоторых местах она была так узка, что деревья с обеих сторон дружески сплетаются ветвями. По обоим сторонам реки громоздилась молчаливая тайга.

Могучие лиственницы стояли на берегу, как хмурые наблюдатели, недовольные вторжением реки в угрюмый покой их долины, который они охраняли. Николай пошел вниз по реке, в надежде встретить поселение человека.

К вечеру грянул ливень, и Николай сидел под елью, гадая, скоро ли пройдет ливень. Вдоль его спины нет-нет, да и заструится холодный ручеек.

Как только прошел дождь, явилась мысль о костре и горячей пище. Он достал из кармана коробок спичек и сочитал. Было 32 штуки. „С таким богатством не пропадем“, подумал Николай.

Мокрые сучья шипели, ослепляя глаза едким дымом.

Мало-помалу костер разгорелся.

Новая задача: как добыть кусок бересты такой величины, чтобы из нее сделать короб и вскипятить или хотя бы нагреть воду?

В неумелых руках Николая бересто отдиралось от ствола с неизменными разрывами и трещинами.

Но все-же кое-как ему удалось смастерить кривобоюю коробку, куда входило стакан два воды. Счастье Николая, что с ним был его старый перочинный ножик.

Вскоре, обжигая губы, Николай с жадностью тянул из обугленного короба

горячую воду, размачивая в ней завялявшийся в кармане сухарь.

Однако сухарь не мог насытить Николая, и он принялся собирать ягоды и грибы. В густой прибрежной траве, под деревьями, удалось насобирать синявок, бычков, масленников, черники и земляники.

Смастерив новый короб, принялся варить грибницу. В конце-концов, грибы кое-как сварились и он с удовольствием уплетал их за обе щеки.

Наступила ночь. Злобно звенели комары. Николая время от времени бросал в костер, кроме сучьев, сырой мох, чтобы спастись от назойливых насекомых: костер начинал дымить едким белым дымом и комары отлетали прочь. Спал он плохо. Неспokoйно ворочался. Неведомые лесные звуки пугали его и только под утро забылся тяжелым сном.

Очнулся Николай усталый и обессиленный. Сильный голод заставил его снова собирать ягоды и грибы. Но этого уже было мало. Он подумывал о мясном. Где-то недалеко послышалось жалобное „сплю-сплю“.

— Показал бы я тебе твое „сплю“ — разозлился Николай, и вдруг этот звук подал ему счастливую мысль:

— сплести морды, поставить в реку и кормиться свежей рыбой.

Николай даже удивился, как сразу же пришла ему в голову эта мысль. Легко однако задумать, но трудно выполнить. Николаю не удалось найти ивы, и вместо нее он нарезал прутьев шиповника.

Очистив их от шипов, начал плести. Работа подвигалась медленно. Прошло много часов, пока ему удалось сплести маломальски приличные морды. Взвалив их на плечи, побрел к реке.

Новая забота. Николай не знал, как надо ставить морды. В конце концов, измерил палкой глубину речки и из четырех жердей устроил деревянную раму. Пришлось много повозиться для того, что бы она поместилась в речке и чтобы можно было одну морду поставить под другой. Новое затруднение: парень не знал—надо ли ставить морды против течения или по течению. Решил поставить их в разные стороны, чтобы на опыте узнать, как надо их ставить.

Солнце поднялось уже высоко, когда, наконец, морды были опущены, а свайрам вбиты. Проход между мордами и берегами Николай догадался заложить елками. От бессонной ночи и непрестан-

ной работы он так устал, что лег тут же на берегу и сразу заснул.

Проснувшись, Николай поглядел на солнце, вначале не разобрал: было ли утро или уже далеко за полдень. Снова мелькнула мысль о еде. Вытащил морды. В одну из них попала какая-то рыбина, фунта на два.

Радость была неопишная. Тотчас же нашел бересту, быстро смастерил короб и сварил свою первую уху. Удача с ловлей рыб показала, что в лесу можно прожить, пока не наткнешься на человека.

Через несколько часов в вершах оказались еще три рыбины — снова радость. Но, к сожалению, рыба, сваренная без соли, отзывает травой, и Николай сделал попытку улучшить вкус рыбы: он не стал ее варить, а, выкинув внутренности, замазывал в глину и пек на углях.

Печеная в собственном соку рыба была вкуснее, хотя отсутствие соли все-таки чувствовалось. Николай провел здесь целый день, ловил рыбу и пек ее на костре. В конце концов, у него собрался порядочный запас печеной рыбы. Он сделал из бересты короб и сложил туда свои запасы, а на следующее утро, довольный, отправился снова вниз по течению реки.

Уже по дороге ему пришла в голову мысль, что за последние дни он только и думал лишь о еде и сне. Красота леса в это трудное время как-то ступшеывалась и не обращала на себя его внимание.

На повороте реки он сел, наслаждаясь тишиной леса. Из старой сосны выскочила белка и побежала вниз по стволу. Спустившись и заметив человека, она присела на задние лапки и, деловито поворачивала мордочку то в одну, то в другую сторону, стала внимательно осматривать Николая, втягивая носом воздух. Ее усики забавно топорились.

Затаив дыхание, Николай ждал, что будет дальше. Белка неожиданно повернулась и торопливо побежала прочь.

Где-то вблизи зачирикала птица, на разные лады повторяя один и тот же слог „июй“. И вдруг раздался глухой рев. Он шел из первой, недавно покинутой Николаем „рыбной базы“. Медведь, привлеченный запахом рыбы, шел по его следу... Сразу исчезла вся беззаботность нашего рыбозаготовителя. Рев повторился уже ближе. Он начинался низким звуком „ы“ и постепенно переходил в протяжное „у“. Но может-быть это

почудилось? Однако раздался новый рев еще ближе. Николая сверлила мысль: как поступить, чтобы медведь потерял его след. Он перепрыгнул на другой берег и пошел вниз по течению.

Новый раскат рева подал страху Николаю. Он вообразил, что зверь тоже перешел реку и гонится за ним. Сломая голову, робинзон побежал, падая, поднимаясь, цепляясь за сучья. Потом загнулся за большой сук и полетел вниз...

9. Тихон-огневщик

Рано утром маленький караван в составе двух резведчиков и Тихона-огневщика тронулся в путь из Хустаньки.

Тажная тропинка вела экспедицию к кордону Тихона, и дальше на Волково болото. Впереди шествовала навьюченная гнедая кобыла Тихона, по прозвищу Тетка, за нею сам Тихон в мягких ичигах и с берданкой за плечем, а за Тихоном — Василий и Миша.

Рюкзак были навьючены на Тетку. Кроме того, Миша привязал к седлу чайник и положил туда две банки консервов. Чайник подкакивал и плясал, банки колотились в нем, и этот джаз сопровождал их всю дорогу. Жук — кудлатый пес, верный товарищ Тихона, бежал тут же сбоку, повиливая хвостом и озираясь на хозяина.

Тихон словоохотлив, дотошно знает жизнь леса и его обитателей и с видимым удовольствием рассказывает о своем крае. Это настоящий краевед-самоучка и отличный следопыт.

Тетка, фыркая, неохотно передвигает ноги.

— Ну ты, контора! — кричит на нее Тихон, помахивая кнутом. — Ремонту хочела? — Тетка прибавляет шаг.

— Смотрите, кричит Миша, — еж!

Под сосной копошится острым носиком в корнях серый живой клубочек. Услыхав шум, он повел пятачком носа в воздухе, блеснул крошечными глазами-бусинками. Василий шагнул к нему. Еж моментально свернулся. Тихон без всякой опаски взял его голый рукой.

— Врешь, откроешься дурашка, от меня не схоронишься, — шутит Тихон. Он бросает ежа в лужу, и тот сейчас же развертывается и бойко работает лапками, как заправский пловец. Перебравшись через лужу, быстро семенит по траве.

Тихон провожает его улыбающимися морщинками лица.

Впереди тропинка уходит в лес. Застившие в неподвижной молчаливости сосны и пихты, как бы нехотя пропускают ее через свои тесно-состыкнутые ряды, заставляя изгибаться частыми извилинами. Из глубины леса к тропинке бегут мелкие поросли и кустарники, которые густыми зарослями оплетают массивные подножия лесных великанов.

Чем дальше в лес, тем он делается гуще и разнообразнее. Хвойные деревья—ель и сосна—чередуются с осиной, липой, черемухой и низкорослыми корявыми дубами.

Густыми зарослями растет рябина, тут же ясеня, клен, а на более сырых местах цепляются за топкую почву ольха и ива. Встречается и береза. Часто это не наша обыкновенная береза со своими висчатыми ветвями. Ее прямые, крепкие ветви поднимают вверх яйцевидные листья, придавая всей березке бодрый, пушистый вид.

В низинах, над влажной почвой, по которой ползут ягодные кустарники, голубика или болотный богульник со спиральными, вечно зелеными листьями, подбитыми снизу буроватым опушением,—простирает густой покров своих темнозеленых, блестящих листьев черная ольха.

На более сухих местах заросли березы, оспаривая пространство у лезущего всюду подлеска из рябины и черемухи, возвышаются над уровнем леса, и эти же березы, но уже тонкие, жалкие и низкорослые, ютятся по трясинам и топям.

Этот лес из разнообразных древесных пород, с сухими возвышенностями и топкими низинами, заткан подлеском из можжевельника, полукустарникового цветущего вереска и толокнянкой с мучнистыми ягодами, напоминающими издали нити брусники.

Среди зарослей старых елей встречаются мелкая липа, орешник, калина, кустарники жимолости, несущие грозди так называемых волчьих ягод.

* * *

Уже вечерело. Разведчики захотели сделать привал и готовить ужин, но Тихон посоветовал идти дальше, сказав, что недалеко уж до его охотничьего балагана.

Еще с час шли они лесом. Вдруг чапа начала редеть, и перед ними открылась большая поляна, покрытая зарослями

низкорослого папоротника. С западной стороны, слабо, сквозь синеватую дымку виднелись покрытые лесом горы. На поляне действительно оказался двускатный шалаш с протекавшим возле него ручейком.

На привалах Тихон проявлял большую расторопность: снимал бересту, рубил жерди, делал сошку, ставил палатку и раскладывал костер так, чтобы внутри палатки можно было сидеть и глаза не страдали от дыма. Разведчики всегда удивлялись, как успевает этот старый человек делать сразу несколько дел и как работа спорится и кипит в его руках.

Они давно уже разулись и отдыхали, а Тихон все еще хлопотал, заботясь о запасе дров на ночь. Наконец, ужин готов, и молодежь расположилась вокруг котелка с глухарятиной. Тихон смущенно поглядывает на ребят. Видимо, хочет что-то попросить, но стесняется.

— Ты что, дед?

Тихон снова мнется и с улыбкой спрашивает:

— Нет ли у вас, ребятки, „лягушечки раздвигать“?

Они недоуменно поглядывают на него.— Что это за „лягушечка“? Тихон, склонив голову на бок и хитро сощурив стариковский глаз, щелкает себя по загорелой щеке.

— А-а!— Василий лезет в рюкзак, достает взятый для медицинских целей спирт и наливает старику деревянную чашечку. Миша смеется по этому поводу.

Тихон обижается и начинает наивно утверждать, что спирт ему, „дохтур от печенки прописал“ как лекарство, да не может достать он его в деревне.

После приема докторской „лягушечки“ он становится словоохотливее.

10. Жизнь золотоискателя

В молодости Тихон был золотоискателем. Когда ему минуло десять лет, он впервые взял в руки кайлу и прыгнул за отцом в сырую яму.

Когда Тиша поднял кайлу, отец сказал: „не промахнись, сынок! Ударь покрепче, пусть счастье со всеми потрохами вывалится к твоим ногам“. Но Тиша, кажется, промахнулся... Да, промахнулся. Иначе не пришлось бы ему всю жизнь мотаться с прииска на прииск, тщетно стараясь отнять у земли свое „счастье“.

После смерти отца бросил Тихон Исовский прииск, где родился и окреп.

Оборванный, голодный, но с неистощимым запасом энергии пробрался он к приискам на берегу реки Колвы. Его волновало только одно желание — попасть на хороший участок, где бы можно было в несколько недель набить карманы золотым песком.

Часто он не спал по ночам, мечтая о золоте, как картежник о крупном выигрыше. Он не задумывался, что будет делать и как жить, если желанное золото попадет ему в руки. Не строил воздушных замков. Не смаковал возможных наслаждений, которые будут тогда доступны ему.

Его манило само золото.

Если оно не минует его рук, он сумеет распорядиться им. Как распорядиться — подскажет будущее.

И однажды „счастье“ улыбнулось ему. На радостях отправился он в ближайший город отпраздновать удачу. Всю дорогу пили, пели, играли в карты. В одном из зимовьев пили особенно много, а после отсыпались весь день. Ночью он проснулся и обнаружил пропажу. Кто-то срезал кожаный пояс, где он прятал золотой песок.

Вернувшись на прииск, он снова принялся за работу. И прошло много лет, прежде чем „счастье“ привалило к Тихону во второй и в последний раз.

В один из осенних холодных дней он работает в яме. Устав, опустился на тачку и закурил. Приятно сидеть так, скользить взглядом по кучам добытого из пласта песку, рязглядывать крупные камни. Может быть, один из них окажется самородком? Сколько раз он ошибался, принимая пустой булыжник за самородок. Вот и теперь там, на краю желтой массы, лежит камень... Взять его или не брать?

Уж очень подозрительны его цвет и форма. Он тускло черный и сильно смахивает на золото в „рубашке“. Бывают такие самородки, покрытые, словно скорлупой, крепкой черной массой. Чернота сходит если ее смочить кислотой или поскрести ножом.

Тихон нехотя поднялся и взял камень. Он был тяжел, так тяжел, что Тихон едва не выронил его. Не доверяя своим рукам, выдернул из-за пояса нож и поскоблил находку. На черной поверхности остались тонкие сияющие полоски.

На этот раз, под влиянием одного из своих пожилых товарищей, он использовал богатство более разумно: женился, построил дом, обзавелся хозяйством. Но

опять „счастье“ оказалось недолговременным. Случился пожар, его жена погибла и все добро сгорело. Тихон остался вдводем с двумя ребятишками.

Золотоискательство после этой трагедии опостылело ему, и он переселился в деревню, купив на остатки денег клочок земли.

С тех пор прошло много лет. Сейчас у Тихона два взрослых сына: старший живет в Ягустянке и работает в колхозе, а младший служит в рядах Красной армии.

Он — веселый, бодрый старик, и путешествовать с ним по тайге — одно удовольствие. Разведчики пересекают какую-то старую, заросшую травой, дорогу.

— Дед, постой минутку!

— Что, сынки, умаялись? Нажимай из последних, скоро и кордон. С пути-то славно чаишку позудим.

— Не то, дед! — говорит Василий. — Скажи, что это за дорога? Какая?

— Как какая? Людская! — отвечает Тихон. — А почему-бы и не быть здесь ей, дороге-то? Мало ли в тайге дорог да тропок! А это, сынок, старая заводская дорога, она сквозит тайгу до самой Чусовой идет. Завод здесь в тайге в стародавние времена был, так по этой дороге на пристань металл возили.

Василий достает карту и делает на ней пометку, а про себя думает: „примем к сведению“.

— Ну, что ты встал пнем? — с сердцем говорит Тихон. — Двигай даде. Опять со своими бумагами возишься.

— Погоди, дед, служба требует.

— Слу-у-ужа? — удивляется Тихон.

Наконец, Василий кончает и свертывает карту.

— А вот и мои владения, — заявляет Тихон, показывая вперед. — Гляди да люблюй.

Разведчики увидели высокую деревянную вышку, около нее избушку с пристройками, обнесенную со всех сторон бревенчатым частоколом.

Весело заржала унылая Тетка. Залая от радости Жук. Повеселел Тихон и заторопился открывать ворота. Усталые путники шумно ввалились в „Тихонов дворец“, как окрестил его Миша.

11. На таежном кордоне

Июльская гроза налетела неожиданно и буйно, как приступ болотной трясовицы (лихорадки). Рычала громом, будя в ущельях трескучее эхо, мерно шумела

теплым ливнем и умчалась так же неожиданно, как и пришла. А после грозы опустилась на тайгу и горы тишина великая.

В избе-сторожке было жарко и душно. Толчком ладони Тихон открыл дверь и с недоконченным лаптем сел на пороге. Ковыряя кочедыком лапоть, он то и дело приподнимал голову, прислушивался. Но все было тихо.

Лишь изредка стучали по листьям дождевые капли да были надоедливо комары, рея столбами в теплом вечернем воздухе.

Тихон посмотрел на восток, где горела медноокрасным пламенем в последних закатных лучах Словинная гора. Снизу, от корней деревьев, словно легкая дымка тумана, поднималась ночь. Тихон жадно потянул воздух, крепко настоенный сладким запахом меда, сытой прелью влажной земли и тонким ароматом ветреницы.

— Благодать-то, а? — покрутил он головой. Ну, то-исть, как раз дождичек нужен был! А то, гляди, и пожару бы недолго. Сушь, пересохло все...

Кудлатый, утыканный репейником, Жук, лежавший у ног Тихона, завилал хвостом, услышав голос хозяина.

— Лежишь? — перевел на него взгляд Тихон. — Тебе бы только лежать. Ну, годи, Жук, вздую я тебя, подлеца, коли-нибудь. А Тетка где? Не знаешь? А ежели она в болото ввалится? Тогда что? Кто отвечать будет? Хвостом-то не маши, видали мы это.

Неожиданно над головой Тихона захлопали сильные крылья и рассыпался громкий петушиный крик.

— Тыфу, штоб на твою голову! — отплюнулся вздрогнувший от неожиданности Тихон. — И чего ты только, петька, скандалничаешь? Набил зоб-то, ну и дрыхни. Завтра поране зато встанешь.

Породистый манильский огненно-красный петух с пышным гребнем, который свешивался ему на глаза, послушно смежил матовые веки.

Миша сидел тут же, на крыльце, и читал книгу.

— А товарищ твой где? — обратился к нему Тихон. — Опять ходит, камни ищет? Ох, — покачал он головой, — пустое это дело. — В это время скринула *калитка* и воили двое охотников: один молодой, другой пожилой.

— Какими судьбами в нашу сторонку занесло? — засуетился Тихон. Охотники косо посмотрели на Мишу.

— Дело есть, Тихон Иванович, — обратился к нему пожилой, — человека в тайге подобрали. Парнишка молодой. Сказывают, ихняя экспедиция тут бродит...

Миша, слышавший разговор, вдруг изменился в лице и бросился к охотникам.

— Что, что вы говорите? Парень? Николаем зовут? Где он? Где он? Где? Скорей!

— Да ты что, белены обелел, что-ли, испуганно спросил его пожилой.

— А это его товарищ будет, — вмешался Тихон, — они его деньков десять тому назад потеряли. Думают, пропал парень-то, а он, оказывается, жив. Ну, сказывайте.

Пожилый охотник уселся на крыльцо и густым басом рассказывать.

— Рубили мы утром с Дашей дрова. Хутор наш отсюда верст пятнадцать.

Вдруг она прислушалась и говорит мне: „Павел Никифорович, никак человеческий голос?“. „Какой тут человек может быть?“ — отвечаю я, — „почудилось тебе, нажимаю, говорю, сильнее, к обеду управиться нужно“. „Нет, ты слушай!“ — отвечает она, — „ей-ей голос человеческий!“

Где-то гулко треснуло дерево и я услышал, как простонал человек. „Слышишь?“ — схватила она меня за рукав. „Слышу!“ — ответил я. Пошли мы в ту сторону, где стоял человек. Только вышли на прогалину — видим, трава примята и тропа свежее обозначенная в лес ведет. Не иначе, здесь кто-то недавно шел. Взглянувши мы на поваленное дерево и видим: шевелится какая-то тень. Даша крикнула, а в ответ только стон раздался. Подошли мы к человеку — худой, оборванный, а на голове кровь. Подняли мы его. Он едва ноги передвигает. Довели до избы. Положили. Даша-то осталась его выхаживать. Ну, а я с сыном к тебе пошел.

Думаю, сообщая как-нибудь доставим в Ягустянку. А коли товарищи его здесь, так еще лучше. Завтра приведем как-нибудь. Даша-то вылетит, будьте покойны.

Пришел Василий и, узнав, что Николай нашелся, страшно обрадовался. Радости не было конца. Слово гора с плеч свалилась.

12. Производственный совет

На другой день Николай был доставлен охотниками на кордон. Его поместили в избе — „отлеживать“.

В тот же день один из охотников отправился в Ягустянку по своим делам. Он захватил с собой письмо Николая,

в котором он сообщало местонахождении открытого им скита, с тем, чтобы об этом сообщили в Свердловск. Днем разведчики устроили „производственное совещание“ с участием Тихона.

На совещании был заслушан доклад начальника экспедиции о плане дальнейших действий и открыты прения. Василий разложил на столе карту.

— В нашем распоряжении, — говорил он, — осталось около полутора месяцев. Из них дней пятнадцать можно провести на кордоне, а остальное время нужно распределить следующим образом. Первое — обследовать развалины старого завода и заброшенный рудник, которые, согласно словам Тихона, находятся в пятидесяти километрах на юго-восток от кордона. Второе — попать в „нечистую падь“ и исследовать прилегающий к ней район. Третье — совершить последний переход к станции Вересовой, находящейся на Западно-Уральской железной дороге. Согласны?

— Есть такое дело, — ответил Миша.

— А как ты думаешь распределить время пребывания на кордоне? — задал вопрос Николай.

— Давайте ваши предложения, — ответил Василий, — я думаю, что основное — поиски в окрестных горах.

После долгих споров были приняты следующие решения: совершить охотничью экспедицию на озеро Карасье (название — согласно терминологии т. Тихона) в 30 километрах от кордона. Сделать геологическую и зоологическую экспедиции на остров Лосиный, расположенный среди болот. Обследовать ближайшие окрестности кордона с геологическими целями.

Относительно расставовки рабочей силы было решено, что Михаил будет находиться вместе с Тихоном, сопровождая его в поездках по лесным участкам с целью прохождения курса охотничьей науки, а Василий с Николаем будут проводить геологические и ботанические, а по возможности и археологические изыскания.

— Ну а вы что скажете, товарищ Тихон? — обратился к нему Василий. Тихон опешил от неожиданности вопроса, потом медленно ответил:

— Что ж, ладно. Глядите только, в тайге не заблудитесь. Она — обманная, тайга-то. А коль заплутаете, то слушайте: переобуйте сапоги с левой ноги на правую, сейчас на верную дорогу выйдете.

Ребята не рассмеялись на это замечание Тихона из вежливости.

— Этого мы не боимся, — ответил Василий, — эта штука нас откуда хочешь выведет. Видишь?

— Матка! — посмотрев на компас, сказал Тихон. А мне она не нужна. Я тебя с завязанными глазами куда хошь проведу и куда хошь выведу.

13. Лесные пожары

Николай полулежал на сене под навесом и смотрел на драку Петьки с Жуком. Вернее, дрался только один петух. Он яростно налетал сбоку на лежащего Жука и старался ударить его крылом. Но Жук в ответ лишь скалил зубы да изредка лениво тьякал. Видя, что хладнокровного противника этим не проймешь, петух налетел на Жука с тыла и больно клонул его в хвост. Это вывело пса из терпения. Он вскочил и метнулся на петуха, угрожающе оскалив клыки.

Петька с отчаянным криком бросился вниз, под гору; рассвирепевший Жук за ним. На крик петуха выбежал из избы Тихон и, махая палкой, завопил:

— Я те, буйман, ребра обломаю! Пошто Петьку обижаешь!

— Да Петька сам к Жуку пристаёт, — крикнул Николай. — Ты его, дед, проучи.

— Это верно, — рассмеялся Тихон. — Петька тоже язва порядочная. Да что ж с его возьмешь? Одно слово — птица.

Тихон прошел под навес и тоже опустился на сено, рядом с Николаем.

— Скажи, дед, — спросил Николай, что у тебя за служба? Несколько дней живу с тобой, а толком никак не разберусь: сторож — не сторож, лесник — не лесник, кто же ты?

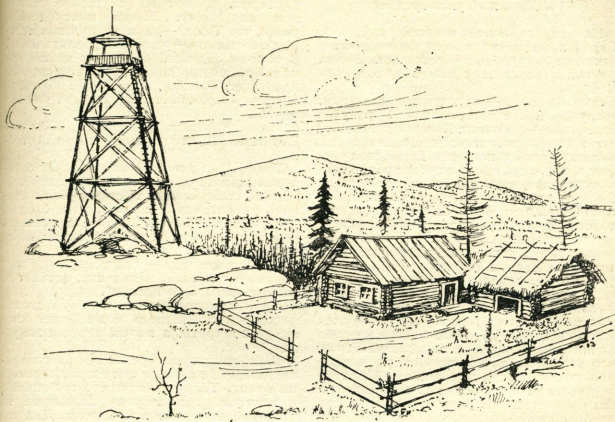
— Огневщик я, — ответил Тихон.

— Это что же значит? — округлил от удивления глаза Николай. — Поджогами ты, что ли, занимаешься?

— Как раз напротив! — махнул рукой Тихон. — По-вашему говоря, я в роде как бы пожарный.

— Пожарный? — удивился Николай.

— Во! С той вон дуровой колокольни, — указал Тихон на деревянную вышку, стоявшую недалеко от избы, — доглядываю я, не покажется ли где дымок в тайге. Костер не потушат, иль цыгарку бросят, аль пых с огнем не затопчут — всяко бывает. Ведь теперь балун народ пошел, тайгу не берегут. Как замечу дымок — Тетку под седло и скачу тропками. Коль небольшой еще пожар — затопчу,

Огневая вышка на кордоне Тихона, где была база трех георазведчиков.

растакаю, землей засыплю. А коль по настоящему занялся,—со всех починю, хуторов, заимок,—я их все наперечет знаю,—скликаю народ, и тогда вместе орудем. Зимой иль осенью спокойно, а как вот сейчас,—летом, того и гляди как бы красный петух-то силу не забрал. Ну, значит, и выходит, что живешь ты в акурат на огневом кордоне.

—Та-ак! Теперь понял,—просиял Николай.—А расскажи, дед, мне подробней об этих пожарах.

И Тихон, сплюнув, начинает рассказывать.

На Урале часто бывают страшные годы, когда свирепствуют не день и не два, а целыми неделями лесные пожары. Жутко тогда в тайге. Все застлано дымом. Пахнет гарью. Как сквозь туман, через густую пелену дыма проглядывает красный, словно воспаленный, немигающий глаз — солнце. Воздух раскален так, что даже на далеком от пожара расстоянии трудно дышать. Благодаря страшной тяге горячего воздуха, в тайге, как в громад-

ной печи, поднимаются огненные смерчи раскаленного воздуха, которые, как спичку, перебрасывают с горы на гору, из долины в долину, пылающие стволы вековых сосен.

Страшный гул и треск, подобные канонаде тысяч орудий, потрясают воздух, бывают слышны за много верст, предупреждая население и животных о надвигающейся огненной стихии. И все живое ищет тогда спасения в бегстве. Иначе — смерть.

Особенно сильные лесные пожары бывают на Северном Урале. Этому благоприятствуют малая заселенность края, сплошные лесные массивы с преобладанием смолистых хвойных деревьев, обилие сухого валежника и мха. А когда огонь основательно вгрызется в тайгу, ему уже нет преград. С быстротой курьерского поезда пронесется он по горам, логам, долинам и оставит после себя десятиверстные обгорелые плешины, где лишь черные стволы торчат на сером пепле тлеющей земли.

14. Тажный университет

На ряду со своей огневой службой, Тихон производил в лесу наблюдения в качестве натуралиста-любителя. Миша увязался однажды с ним в обход кордона.

Здесь у деда — глухаринные выводки, в другом месте тетеревиные. У речки в березняке — рябчики. Каждая птица живет в своем районе, который дед знает, как пять своих пальцев. Тихон шел уверенно по лесу, проходя через редко раскинувшуюся, чуть заметную сетку троп. Он торопился к главным глухаринным токовищам, тянувшимся по краям соснового бора вдоль мохового болота.

Еще весной дед заметил несколько новых гнезд и спешил узнать целы ли они. Раза два он обратил внимание на три-четыре едва заметные борозды на дереве попеременно с ямками. Это рысь лезла на сосну. Под одним деревом дед заметил горсть перьев — след ее пиршества. Раз показал он на особо длинные царапины на дереве, объясняя, что это медведь в брачный период царапал сосну, крича медведицу. Обратил внимание на след лосиных зубов на осине. Пройдя шагов десять, молча указал на лежавшие на корнях светло-бурые скорлупки. Тут Тихон задал Мише задачу: был ли благополучно выведен выводок или рысь вылакала яйца?

Чтобы помочь разведчику в ее разрешении, обратил его внимание на старый муравейник с углублениями-ямками от купания глухаря и спросил:

— А ну, реши, ученый человек, когда играл выводок?

Миша добросовестно смотрел, думал и... ничего надумать не мог. Оказалось, что ямки прошлогодние, так как корка от снега и дождей везде одинаковой толщины. Значит, рысь выпила яйца.

— А может быть лисица? — спросил Миша, за что и получил прозвище „неуча“, а Тихон объяснил, что каждая лисица побойится в эту пору подступиться к глухарке. Материнские чувства заставляют глухарку бросаться прямо в пасть лисицы и метко бить клювом в глаза. Хищнице остается только бежать.

Они обошли несколько мест, где должны были находиться выводки.

Вдруг чуть-ли не из-под самых ног сорвалась глухарка. Миша, почти не целясь, спустил курок. Птица упала и забилась в черняке. Тихон сначала нахмурился — не время было бить

глухарок, а потом смущенно взглянул на Мишу. Миша впоследствии узнал, что Тихон — один из лучших местных охотников — не умел стрелять в лет. В голову сидящей белки он метко попадал одной дробинкой, а в движущуюся цель всегда мазал, потому что пока внимательно прицеливался, добыча уже исчезала.

Мишина удача развеселила Тихона. Ему казалось, что парень — опытный стрелок.

Тихон был и медвежатником. Он советовал Мише при встрече с медведем держаться следующей тактики. Если медведь встретится и с дороги не сходит, что, правда, бывает редко, то бежать человеку нельзя: медведь догонит, изловит, загрызет.

Итти на медведя — тоже безумный шаг: он увидит в этом нападение, встанет на задние лапы и „обнимет“.

Надо прислониться к дереву и стоять неподвижно. Медведь тоже будет стоять и смотреть, а потом первый же уйдет в лес.

Шли некоторое время не разговаривая. Перейдя ручей в логу и поднявшись на откос, Тихон заметил что-то большое и пестрое, неподвижно лежавшее и упавшей от дряхлости березы. Дед отшатнулся назад, и в тот же момент какой-то крупный зверь одним прыжком метнулся в чащу.

— Рысь, рысь! — воскликнул испуганно старик.

Осмотрели березу.

Несколько волосков застряло в ее трещине, когти передних и задних лап оставили на коре царапины.

Встреча с рысью подействовала на Тихона удручающе. Он долго и много рассказывал Мише про ее хитрости и повадки.

Прошлую зиму попалась рысь к нему в капкан. Сидит и клыки скалит, уши к голове прижала, шипит, изо рта пена течет. Двинуться не смеет, а всего два когтя капкан ущемила. Самое слабое животное на рану — никуда не уйдет.

Рысь — полная противоположность таким животным, которые предпочитают отгрызть свою собственную лапу, чем попасться в неволю, как, например, лисица. И еще говорят, что, раз промахнувшись, рысь второй раз никогда не нападает. Присутствие рыси в каком-нибудь участке леса равно гибели почти всех тетеревиных выводков. Свой участок рысь оберегает ревниво и охотится всегда

одна. Медведь иногда уживается с дру- гим, зато местная рысь вступает с при- шлой в смертный бой.

Логово рыси все охотники ищут, да никто не находит. Даже детеныша Тихон за всю жизнь только раз видел, да и то мертвого. Был лет десять назад большой лесной пожар от молнии, после которого дед нашел на самой верхушке сосны залезшую туда рысь. Она держала в зубах детеныша. Оба задохлись от дыма.

Медведь боится рыси: несколько лет назад Тихон нашел на моховом болоте дорожку из крови, а дальше — издох- шего медведя, застрявшего в топком ти-

нистом болоте. Вся шкура, и в особен- ности спина и шея, оказались в ранах, в иных местах белела кость. Это рысь налетала на него и отрывала куски шер- сти с мясом.

Должно быть, медведь набрел на ягод- ник и натолкнулся на хозяина этой мест- ности — рысь.

В другой раз сосед Тихона показал ему голову медвеженка, повидимому, съеден- ного рысью. Эти случаи ясно говорят о том, что истинный хозяин тайги не медведь, живущий муравьиными яйцами и ягодами, а рысь, питающаяся одним лишь мясом.

(Окончание в следующем номере)

МУСКУСНАЯ КРЫСА НА УРАЛЕ

Вл. Всев. Веницкий, научный сотрудник — охотовед Ураль- ской исследовательской охото- промысловой станции, автор ряда охотничьих рассказов и очерков, выехал 25 марта в Гаринский район Свердловской обл. для обследования и выбора мест с целью акклиматизации он- датры, американской мускусной крысы.

Работа по обследованию под- ходящей жилищной для он- датры в лесу и на многочислен- ных озерах Гаринского района продолжится около 4-х меся- цев.

Ондатра — это американская мускусная крыса величинной со среднего кролика. Она обла- дает хорошим мехом и на се- верно-американском пушном рынке играет роль нашей белки.

Акклиматизация ондатры в СССР началась с 1928 года, но

первоначально это были еди- ничные, разрозненные попытки.

В последнее время подсадка он- датры приняла широкие разме- ры и теперь для пересадки

используем ондатру, выловлен- ную уже в хозяйствах СССР. Так, например, в Гаринском районе будет высажена первая партия ондатры, выловленная под Архангельском, а вторая партия — наша местная, ураль- ская, которую добудут в Табо- ринском районе.

Работы по вылову начнутся со вскрытием водоемов. Пред- полагается высадить около 500 штук мускусной крысы.

Являясь одним из основных сотрудников "Уральского Следо- пыта", тов. ВЕНИЦКИЙ взял на себя обязательство дать для нашего журнала занимательный очерк, освещающий работы с ондатрой, описание Гаринского района, лучшего в Свердловской области в охотничьем отноше- нии, описание типов местных охотников, самих охот и т. д.

ИЗУМРУДНЫЕ ИСТОРИИ

От редакции. Открывая на страницах „Уральского Следопыта“ „Изумрудными историями“ серию „Уральские самоцветы в рассказах“, редакция просит тех из читателей журнала, которые имеют интересные сведения для истории о других самоцветах и драгоценных камнях Урала, присылать их нам для организации таких же сборных страниц, какие мы посвящаем в настоящем номере изумруду. Желательны материалы об алмазах, топазах, турмалинах, аметистах, александритах, рубинах, бриллах, лунном камне и др. Попутно редакция просит таких же материалов об асбесте, желая посвятить этому интересному уральскому минералу особую серию „асбестовых“ рассказов.

Как добывался изумруд

Трое смолокуров искали сосновые пни в глухом болотистом лесу по речке Рефту. Один из них заметил в корнях вывороченного ветром дерева продолговатые густозеленые „струганцы“¹. Показал товарищам. Все трое набрали камней и продали их кому-то в Екатеринбурге. Камни были трещиноватые, для огранки негодные, но покупатель заплатил за них, чтобы приохотить смолокуров секретно таскать ему более чистые кристаллы. Авовь попадетса стоящий.

Это было сто лет назад. Слух о том, что найдены „акваринны“ необыкновенно зеленого цвета дошел до командира Гранильной фабрики Коковина. По его приказанию, надсмотрщик добыл ему осколок нового самоцвета. Да, по форме совсем акваринин, но цвет... сравнить не с чем, прямо — сама зелень.

Коковин был человек опытный, испробовал камень на разные лады, искал похожие среди иностранных камней и, наконец, убедился, что на Урале найден изумруд.

Немедля он отправился с рабочими на место находки и, несмотря на глубокий снег и холод, приказал бить шурфы. Удалось наткнуться на жилу в выветренной слюдястой породе и добыть

прекрасные чистые кристаллы изумруда. Новые копи закрепили за Гранильной фабрикой, и началась их разработка.

Лучшие камни в сыром виде отправляли ко двору Николая I и гранили их на Петергофской фабрике.

Очень кстати пришла находка русских изумрудов: все мировые месторождения их, кроме Колумбия (Южная Америка), к этому времени были выработаны, и хорошие камни стали редкостью.

Царский двор требовал все нового и нового увеличения добычи. Поэтому первое время копи разрабатывались хищнически, выхватывались лучшие кусочки, недоработанные шурфы бросались и начиналась разработка нового места — лишь бы поскорее нахватать камней.

Но первый азарт прошел. Горячка утихла. Взгляли за ум, и разработка копей стала более правильной. Выяснилось: полоса изумрудноносных пород тянется на 20 километров. За этими пределами искать изумруды бесполезно. Зато в самой полосе, там, где светлые тальковые сланцы пересечены темными слюдястыми жилами, можно выбирать всю породу целиком и во всей можно ожидать изумрудов. Месторождение оказалось на редкость богатым и ровным. Это место совсем не походило на другие уральские самоцветные места, где работали люди с одним расчетом на „фарт“. Здесь риска было меньше и устанавливалось ответственность между затраченным трудом

¹ „Струганцами“ на Урале называют все вообще кристаллы.

и добычей. Можно было строить настоящее промышленное предприятие.

На коях образовалось шесть приисков. На одном разработки велись разномом — широкой и глубокой открытой ямой. На других люди шли за жилами в глубь — шахтами, сажен по двадцать и больше, с боковыми ходами. Слюдистая порода — мягкая, легко поддается на взрыв и даже на кайлу.

В породе кристаллы изумруда сидят прочно, облепленные серебристыми чешуйками слюды, — так прочно, что в забое трудно увидеть камень и еще трудней оценить его по-настоящему. На нем не рассмотришь трещины, не заметишь „икры“. Это слюдяные пророслы. Они сильно понижают ценность изумруда.

Порода идет сначала в обогащение. Ее измельчают в дробилках и освобождают струей воды от главной массы — слюдяной чешуи. После этого остатки идут на разборные столы. Там вручную отбирают годные камни. Вместе с изумрудами попадают другие самоцветы: фиолетовый плавик, темный турмалин и редко александрит и фенакит. Но больше всего изумрудной „зелени“ берилла, который немного не дотянул для того, чтобы называться изумрудом — то цвет жидок, то весь в трещинах, так что рассыпается даже. Такая „зелень“ шла в отвал.

Приблизительно с каждых 10 000 пудов сланца получался один пуд камня, из которого годного в огранку лишь 500 карат (т. е. из 160 карат — один). Если считать, что владельцу копей каждый карат обходился в 5 рублей, а продажная цена скакала от 2 до 300 рублей, за карат, то, ясно, выгода начиналась только с находки особенно крупных и чистых камней. А как раз такие-то камни обладали таинственной способностью исчезать, не доходя до хозяина копей.

Хищения изумрудов

Хищения изумрудов на коях были для казны бедствием. Делали постоянные обыски — не помогало. Ставили целый штат надсмотрщиков — тоже мало было проку. Из-за хищений работа делалась невыгодной.

Вероятно, поэтому „Кабинет его величества“ уступил копи в концессию Англо-французской компании, которая уже держала в своих руках все остальные мировые месторождения изумрудов.

При французах разборка обогащенной породы на столах производилась под строгим наблюдением надзирателей. Надзиратели сидели на возвышениях и наблюдали. Разборщики находили камень и опускали в особые запечатанные ящики. В этих ящиках камни так и отсылались потом в Париж.

Разборщики были мальчишки. Работали они лопаточками, а не пальцами (чтобы не крали). Да на руки были еще надежды кожаные или брезентовые рукавицы, туго завязанные у кисти.

А хищения все-таки не прекращались. Разборщики навестились подкидывать лопаточкой хороший изумруд прямо себе в рот. Незаметно поймал ртом — и проглотил. А то роняли на пол и наступали подошвой башмака. А в подошве — дырка, как раз дыркой и наступали. При обыске они снимали башмак и весело трясли им в воздухе. А где изумруд? Изумруд к тому времени уж зажат между пальцами ног.

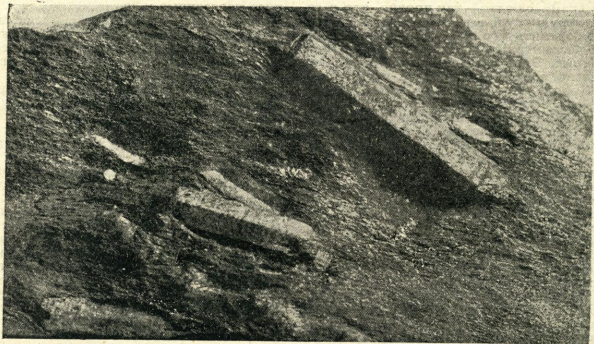
И еще был способ: бросить дорогой камень в отходы. Негодные камни в большой тачке вывозились и сваливались в углу двора. Среди них и заветный изумруд. Кончался рабочий день. Расходились по домам рабочие. А ночью неожиданная тревога. Целая группа неизвестных людей появлялась у забора, доски трещали и валились под ударами топоров. Стража стреляла, кричала — напрасно... В пролом забора въезжали телеги, темные фигуры быстро кидали на них лопатами отвалы, а потом все мчались по лесным дорогам в глубь тайги, к ручью. Там всю ночь при красном зареве костров кипела работа. Привезенную гальку всей артелью отмывали и разбирали руками. Азарт охватывал всех, хотя и невелика была надежда найти единственный камешек среди возов отвала. А может, еще он и не попал в телегу? Или вывалился во время ночной скачки по ухабам и корням? И вот уж было радости, когда изумруд находился. Радость общая. Кто бы ни нашел, — выручка на всю артель.

Результаты своих работ французы держали в тайне, но можно считать, что они отправили за границу в запечатанных ящиках пудов пятьсот годного камня. Это немного. Работы можно было развернуть гораздо шире и все удивлялись, почему это французы засели на одном прииске, разведок не ведут и копаются тихохоньку. Потом только стало понятно, что французская компания для того и забрала уральские изумрудные копи, чтобы

избавиться от конкурента. Французы нарочно придерживали добычу изумруда, чтобы на мировом рынке не падали цены на этот самоцвет.

Советской власти копи достались в печальном виде. Шахты и разрезы были затоплены водой. Обогажительная фабрика разрушена. Оборудование расхищено или переломано. Над этим постарались на прощание концессионеры-французы.

царя Николая I прекрасными камнями. Изумруды тогда были очень редки и очень ценны. Полагалось всякий камешек отправлять в Петербург. Но один изумруд очаровал Коковина. Не мог он с ним расстаться и скрыл его от царя. Какими-то путями слухи об этом дошли до столицы. Приехала ревизия. Камень был обнаружен и его на особой тройке вместе с арестованным командиром Гранильной фабрики увезли в Петербург.

Кристаллы изумруда в мягком слюдяном сланце (фото Б. Рябинина)

Не сразу нашлись у нас средства и силы для восстановления изумрудных копей. Были другие дела — поважнее. Но теперь копи не узнать. На них работает до 1500 человек. Идет регулярная геологическая разведка. Копи освещаются электричеством. Электричеством же производится подъем породы из шахт. Бурение идет сжатым воздухом. Для этого поставлена специальная компрессорная установка.

Похождения одного изумруда

Лет сто назад в Ревдинских копиях был найден изумруд. Он попал к командиру Екатеринбургской гранильной фабрики, обер-гиттенфервальтеру Коковину.

Самые копи были открыты благодаря энергии Коковина и он же снабжал двор

Следствие по этому делу вел граф Перовский, сам большой любитель и коллекционер самоцветов. Следствие закончилось. Коковин покончил в тюрьме самоубийством. А камень... камень прилип к столу графа Перовского. Так он и не дошел до царских рук. Графа ревизовать никто не решался. После его смерти изумруд перешел в коллекцию князя Кочубея, в его украинском имении. Здесь он успокоился надолго, до революционных бурь 1905 года. При разгроме княжеского имения изумруд был выброшен в парк. Кто-то нашел его, увез за границу и продал в Венский минералогический музей. Потом был специальный запрос государственной думы по поводу него. Камень выкупили и теперь он лежит в музее Всесоюзной Академии наук.

Вес этого кристалла — два с четвертью килограмма. Он прекрасного темнозеленого цвета.

Зеленее самого зеленого

Про изумруд в одной старинной книге сказано, что „никакая вещь зеленее не зеленеет“. И верно. Нет камня приятнее для глаза, чем изумруд. Его живой зелени тесно в гранях камня, словно туда засажены необозримые пространства лугов и полей. Зелень вырывается из камня, и лучи летят навстречу взгляду. Есть камни, например красный гранат, в которых огонек, самая яркая краска, собрана в средину, и надо глазом пробуровать камень, чтобы добраться до нее. Есть малиновые турмалины, прекрасные камни при дневном свете, но всю краску и игру они теряют при искусственном освещении — становятся как линейки ситца.

А есть камни, которые приходится, наоборот, беречь от солнечного света. Не то, что они на нем хуже, а просто навсегда теряют свою окраску. Топаз, например. Стоит его продержать лишнее время на солнце, как он из золотисто-желтого станет грязно-серым. И прежней красоты ему ничем не вернуть. За эту непрочность желтый топаз и разжалован во второй разряд драгоценных камней. А вот изумруд при всяких условиях и во всех положениях одинаково блестит и играет. И никогда он не утомляет и не ярсыщает глаз.

Лучшие изумруды находят в Колумбии (Южная Америка). К их зелени примешивается чуть осязанный синий оттенок. Уральские изумруды чаще грешат переходом к желтизне — у знатоков это считается пороком.

Реф.

Происхождение изумруда

Уральские камнеискатели уже давно заметили, что изумруд встречается исключительно в особом мягком слюдяном сланце, выходы которого тянутся с севера на юг на протяжении многих десятков километров. Этот сланец неправильными скоплениями переслаивается с змеевиками, тальковыми и хлоритовыми сланцами, диоритами и с породами различного химического состава и происхождения.

Раньше думали, что именно в диорите лежит причина образования этого драгоценного камня. Но теперь его история рисуется совершенно в ином свете,

а точная геологическая съемка и наблюдения дают возможность выяснить отдельные моменты из прошлого изумруда.

В глубоком разрезе Троицкого прииска, среди слоев, вытянутых с севера на юг, бросается в глаза несколько мощных жил белого цвета. Эти жилы пересекают поперек все месторождение и резко вырываются по своей устойчивости и по своему цвету среди мягких и темных сланцевых пород. Эти жилы состоят из прозрачного кварца и полевого шпата. В них встречаются кристаллы граната и берилла — это те типичные пегматитовые жилы, которые приносят из недр главные элементы для образования цветных камней Урала: фтор для топаза, бериллий для берилла и аквамарина, бор для турмалина.

Эти жилы смяли свиту различных пород, пререзали ее с востока на запад прерывистыми змейками, то врываясь между отдельными слоями, то застывая, не прорвав покрова. Местами, встречая более легко растворимые слои, эти расплавленные массы поглощали их, в других они застывали с резко обособленной границей в белоснежные массы пегматита.

Ворвались они в прослойки каких-либо хромовых минералов, каких много на Урале и даже неподалеку от Изумрудных копей, в области знаменитого месторождения золота Березовска. В этих слоях берилл нашел свою яркую окраску и из горячих водных растворов одновременно с листочками слюды выкристаллизовался в виде высококопеченного изумруда.

В этом камне соединился элемент, принесенный гранитною магмой из глубин в пегматитовых жилах, с элементом слоев, о которых мы мало что знаем, и которые много пережили в своей истории до того момента, когда в них ворвался серый уральский гранит.

История этих копей нам открывает, что изумруд обязан своим цветом хрому, что не будь этих пород с зелеными слюдами, пегматитовые жилы положили бы начало тем же желтым и буто-лочно-зеленым бериллам, которые столь типичны для других частей Среднего Урала.

Глубокие законы геохимии управляют распространением самоцветов в природе и едва уловимые свойства камня глубоко коренятся в законах и судьбах самой земли.

„Русские самоцветы“ А. Ферсман.

НОВОЕ ОБ ИЗУМРУДЕ

Изумрудное дело в Союзе,— говорит академик А. Ферсман,— представляет одну из серьезных статей экспорта на Запад, в Америку и в Азию, и с той же точки зрения крупная добыча этого драгоценного камня — очень важная для нас задача.

Больше чем 100 лет это дело велось беспорядочно и хищнически царской казной, и только за последние 10 лет Изумрудные копи превратились в крупнейшее, правильно поставленное предприятие с культурным поселком, с крупными шахтами и обогатительными фабриками.

Изумрудные копи Урала — один из крупнейших в мире центров изумрудов и руд металла бериллия.

Конференция по изумрудам, состоявшаяся в конце 1934 г. в Свердловске, с большим вниманием и большой горячностью просмотрела всю совокупность вопросов, связанных с эксплуатацией копей, начиная с теории происхождения изумрудов и кончая их оценкой и методами огранки в художественных ювелирных изделиях. В тесном единении хозяйственников, добывающих камень, геологов, геохимиков и представителей Наркомтяжпрома и Наркомвнешторга выяснилась проблема Изумрудных копей.

Однако будущее, Изумрудных копей не в самом изумруде, не в этом предмете роскоши Востока и Америки. Будущее их лежит в том редчайшем элементе — бериллии, который входит в состав темноокрашенных изумрудов, и в более распространенном минерале — берилле.

Среди многочисленных в Союзе месторождений бериллиевых руд Изумрудные копи занимают совершенно исключительное место по богатству этими рудами, которые сейчас разыскиваются во всем мире с большой энергией. Месторождения Америки, Австралии, Африки усиленно скупаются разными капиталистическими группами, в особенности германским электротехническим концерном Сименса.

В чем же причина такого внимания всех стран к бериллиевой руде?

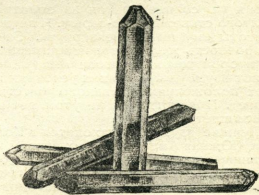
Это внимание вызывается исключительно ценными качествами металла бериллия, который в полтора раза легче алюминия и который придает очень ценные свойства сплавам меди для ответственных частей авиомоторов и применяется в качестве присадки к стали для получения ценных рессорных сортов.

Будущее бериллия в промышленности очень велико, но применение этого металла ограничивается как редкостью самих бериллиевых месторождений, так и тем, что из 100 килограммов лучшей отобранной руды практически получается всего лишь 1—2 килограмма металлического бериллия.

Такое месторождение, как Изумрудные копи, лежащее в целой полосе бериллиевых месторождений восточного склона Урала, таким образом, приобретает огромное не только экспортное, но и промышленное, и оборонное значение.

Но наравне с практическими задачами, изучение берилла и бериллия и получение достаточных количеств металла представляют совершенно особый интерес с научной точки зрения.

Так, сам кристалл берилла характерен тем, что состоит из атомов, расположенных в виде длинных трубок относительно большого диаметра. Ряд исследований заставляет ожидать, что возможно пропускать через кристалл берилла ионы и атомы других веществ.

Кристаллы берилла

Второе интересное свойство минерала берилла заключается в нахождении в нем небольших количеств гелия, при чем, чем древнее берилл, тем выше в нем содержание этого благородного газа. Так как нахождение гелия в минералах объясняется образованием его в результате распада радиоактивных элементов, то возникло предположение, что в минерале берилле или сам бериллий, или какой-либо его спутник, или его изотоп являются неустойчивыми и постепенно распадаются.

Такое предположение до сих пор не нашло себе ни подтверждения, ни нового объяснения. Бериллий оказывается

вообще устойчивым элементом, однако обладает все же меньшей устойчивостью, чем многие другие элементы.

Опыты физиков показывают, что бериллий при известных условиях является источником выделения частиц — нейтронов, и потому изучение его, вероятно, прольет свет на строение атомного ядра и даст материал для построения модели атома.

Ураган помог

— На этот раз ты ошибся, Ермилыч. Ерошка обсчитал тебя. Ерошка побогаче принес самоцветик-то! — насмешливо сказал ювелир Катышкова горщику Ермилычу, повертывая перед его глазами зеленый мерцающий камень. — Ну и Ерошка, ну и дошлый! Где же ты взял его, а?

Ерошка — маленький, невзрачный, плешистый мужичонко, не смущаясь, ответил: — Мало ль где... в лесу. Ай мало земли-то! У волка в зубе — вот где!

Ермилыч, однако, не обратил внимания ни на восторженное восклицание Катышкова, ни на увертки Ерошки. Он внимательно смотрел на блестящий темно-зеленый самоцвет, ярко мерцавший на ладони Катышкова, стремясь запомнить маленький блестящий камень.

— Ужо поищу и я, — ни к кому не обращаясь, глухо сказал он.

— Каков! — воскликнул Катышков. — Поищи, поищи!

— Да брось ты шутить над стариком, Андрей Лукич! Нехорошо, — вмешался в разговор сидевший у окна гранильный мастер Мокеев. — Да и ты хорош, — сердито цикнул он на Ерошку. — Туда же! Не верь им, Ермилыч. Это камень — смарагд, изумруд, не наш, не уральский. Он из-за границы привезен. Ты видишь, он мелкограненый. Подумай, кто же находит в горах граневые камни!

— И то, — смущенно улыбнулся Ермилыч. — А я вгорячах то не заметил. Мда-а! Хорош камень! А все же поищу, может, и на Урале есть. Богат Урал-от, ох богат! — И Ермилыч запахнул сермяжный армяк, подтянул опояску, выправил веер своей бороды и, кивнув собеседникам, вышел из мастерской ювелира Катышкова.

* *

На приiske „Незаметном“ Ермилыч был одним из основных старожилов. Когда-то, в молодости, забрел он сюда, спа-

саясь от голода. Забрел временно „зашибить копейку“, да так и осел. При нем прииск из маленького, незаметного, вырос в людный поселок. Десять два лет работал Ермилыч „в горе“, на добыче золотосных пород, состарился, и его, как малосильного старика, хозяева уволили с работы. К той поре семья Ермилыча рассеялась, растерялась во времени и пространстве. Остался безработный старик бобылем коротать свою долю.

Одно было у него утешение: любил Ермилыч охоту. Охота его была двойная — и на дичь и на самоцветы. Не мало доставил он екатеринбургским гранильщикам и розовых шерлов, и дымчатых топазов, и прозрачных хрустелей.

Как только яркое весеннее солнце сгонит снега, уходил Ермилыч со своей собачкой по имени Соболев в леса. Где бродил старый охотник — мало кто знал. Бывало, неделями не видели его на приiske. Но зато, когда вернется Ермилыч, у него за плечами в суме, кроме двух — трех пар рябчиков или тетерок, фунтов пять — шесть камней. Не всякий раз камни были пригодные, не мало бывало и браку.

А иной раз придет Ермилыч из леса с камнями, разложит их на столе, по лавкам. Собируются соседи горняки-забойщики. Любуются.

— И где только ты собираешь их, старик!

— Беру-то? В разных местах беру. Где ручеек вымоет, где в старых рудских коях, где дерево упадет, с корнями его ветер вывернет.

С того дня, как Ермилыч ушел от ювелира Катышкова, прошло больше года. Зеленый камень очаровал старого горщика, и он не оставлял своих поисков. Неделями не выходил Ермилыч из тайги. Обошел все горные ручьи, все знакомые россыпи, все старые заветные ямы. Не мало нашел он и прозрачных хрустелей, и золотистых топазов, но зеленого камня — изумруда найти не мог.

Вот и сейчас. Далеко в тайгу ушел старый горщик. Хитрым узором вьется по лесу еле приметная тропинка. Кто ее проложил? Человек ли, зверь ли — не разберешь. Оглядываясь по сторонам, уверенно шагает однако по ней Ермилыч.

Позади остались невысокие Уральские горы. Исчез отлогий скалистый „Перевал“. Впереди раскинулась беспредельная, однообразная тайга с частыми болотами, с каменистыми сограми, с тихими лесными озерами и медленно текущими речками.

— Ну, Соболь, плохие мы с тобой горшки,— бормотал Ермилыч, шагая по заброшенной тропинке,— сколько местов обошли, а камушка все нет.

Шел охотник медленно: то скалистый выступ в почве заметит — подойдет, пододбит камень, посмотрит породу; то старую яму найдет, пороется в отвале, переберет куски пород; то, следуя руслом пересохшего ручья, тщательно, шаг за шагом, осмотрит окатанные водой гальки. Но заветного камня все же не попадалось.

* *
*

В полдень Ермилыч поднялся к вершине горы Валежной. Золотистым маревом висел над тайгой зной июльского дня. Запах далекой гари смешался с запахом древесной смолы, трав и цветов. Легкий ветер чуть шелестел высокими стеблями метлика, ласково кивали ало-малиновые цвета иван-чая. По бледно-голубому небу плыли редкие обрывки темных облаков. Далеко на юго-западе, где среди невысоких гор топорщилась гора Еловиха, поднималась свинцово-сизая с бурокрасноватым отливом мрачная туча.

движно распустив крылья, парил белохвостый беркут.

— Однако жарит!— Охотник остановился, тяжело передохнул, снял шапку и рукавом провел по потному лбу.— Быть грозел!

По берегу речки кое-где виднелись заросшие травой отвалы земли и ямы — это были следы прежних старательских работ. Золотоносные пески проходили узкой полосой над высохшим руслом лога, но все золото здесь было уже выработано. Остались только эти навалы, да груды гали от промытых песков.

Ермилыч подошел к груде окатанных кварцевых галечников, скинул заплечную сумку, достал из нее небольшую кайлу, лопату на короткой ручке, большой „азиатский“ ковш, взял в руки кайлу и стал осторожно разрывать галечники. Когда груда была достаточно разрыта, старик склонился над породой, внимательно осматривая куски кварцевых галь и выбирая горные хрустали.

Кругом стояла мертвая тишина. Яркое июльское солнце, крепко припекая, распарило землю, и она в истоме дышала крепкими запахами древесных смол, терп-

Ураган в Уральских горах (рис. В. Дерябина)

Ермилыч и Соболь обошли угрюмые темно серые скалы, спустились с перевала и вышли к речке Токовой. Над водой с громкими скрипящими криками, бреющим полетом, скользили горные стрижи. На берегах, около кивающих цветов иван-чая, гудели пчелы. Высоко, высоко, казалось, у самых облаков, не-

кими ароматами тмина и зубровки. По бледно-голубому небу все также быстро скользили вереницы облаков, порой закрывая солнце. Вдруг послышалось глухое рокотание грома.

Ермилыч, не обращая внимания на приближающуюся грозу, продолжал искать в отвале горные хрустали.

Громовые раскаты учащались. Вот первая дождевая капля упала на лицо охотника. Он быстро уложил в лицо охотника. Он быстро уложил в мешок камени и, поманив собаку, уселся под каменной сосной. Вдали дико гудело. Ближе и ближе. И вдруг налетевший вихрь согнул деревья, как тростники.

Шумно мотая ветвями, тайга кланялась, словно моля о пощаде. В воздухе полетели оборванные ветки, листья, хвоя. С писком пролетела подхваченная вихрем пичужка и скрылась среди гудевшего леса. Схватив Соболя за ошейник, Ермильч прижался к стволу каменной сосны и в животном страхе смотрел на бушевавшую стихию.

Гул урагана разрастался. Порыв ветра с дикой яростью рвал деревья. В корнях сосны, под которой сидел Ермильч, вдруг что-то оборвалось, словно лопнула струна, земля задрожала, вспухла, и, выворачивая корневище, дерево медленно стало валиться на землю.

Собака дико рванула ошейник и выскользнула из рук охотника. Но увернуться она не успела. Дерево придавило собаку. Сам охотник спاسя, отскочив в сторону. Его только отшвырнуло поднявшимся корневищем.

Ураган пронесся. Небо поголубело. Ермильч сидел рядом с убитой собакой. Жаль ему было своего верного друга. Наконец, он встал, осмотрелся. Там, где вывернутое корневище вздыбилось мрач-

ной стеной, в обрывках корней висели комья пород, открывая новые тайны недр. Космы свежееборванных мхов, трав и цветов уныло повисли с корневища, прикрывая яму — свежую рану земли. Ермильч решил закопать Соболя в эту яму.

„Поглубже зарю“, подумал он, „как бы вороны не растащили“. — Торопливо замахнулся кайлой, но зацепил за кусок обвисших мхов. Тогда он бросил кайлу и, ухватившись за обрывок, потянул тонкую мягкую ткань мхов, срывая покровы с оборванных корней.

К одному из отростков прилип кусок серебристо-серой слюдяной породы, седи которой блестел зеленый камень.

„Это не наш камень, не уральский“, — вспомнил Ермильч слова мастера. Действительно, камень, который держал старый горщик, был для него новым, ведомым и чем-то напоминал тот самоцвет, который он видел в руке Катышкова. Но этот не мерцал и был бледно-зеленый.

Горщик долго и внимательно рассматривал бледнозеленый трещиноватый камень, величиной с палец. Наконец взял кайлу и осторожно ударил по камню. Штуф раскололся и внутри осколка сверкнул ярко-мерцающий, темнозеленый камень... Это был камень — смарагд, изумруд...

Так был найден на Урале один из первых изумрудов.

Ф. Тарханеев

Вывороченная ураганом каменная сосна (рис. В. Дерябина)

Уральские обыщи старые и новые

ОГНЕННАЯ КАТОРГА

(Из истории Верхисетского завода)

I

Колокол на плотине преследовал людей с рассвета до сумерек. Чуть занималась заря, как над сонной слободкой начинал перекатываться грохот меди, поднимая мастеровых и рабочих людей с полатей. Люди спешили к фабрикам. Там: переключка — все ли явились, нет ли беглых и больных, молитва и — за работу. В полдень — колокол, обедать на час. Зимой в семь снова колокол — на шабаш, летом на ужин и опять на фабрики, до десяти.

Так изо дня в день, из месяца в месяц. Для жизни людям времени не оставалось.

Списки... В них учитывалась каждая живая человеческая душа, обреченная работать или жить при заводе. По ним же отмеривался целовальником провиант. Если кто попал в список, то уж на-вечно. Никакими силами ему не вырваться оттуда, разве только помрет, сбегит или окончательно покалечится и к работе сделается негодным.

Списки хранились в сундуке, под замком. Сундук стоял в канцелярии, у стены, под портретом цесаревны Анны.

Еще велись приходные книги. Для записи по сортам и количеству прокованного железа. По записям в книгах кричным работникам выплачивался задельный заработок. По ним же отмеривалось наказание за нерадение и плохое железо.

Колокол, списки, приходные книги — межевые столбы жизни... Тот, кто пытался переходить эти столбы, рассматривался, как бунтовщик, вор, ослушник. Пощады ему не было. В «Воинском артикуле» и «Генеральном регламенте», настоящих книгах заводских командиров, только и стояло: «розги», «плетки», «кнут», «железа»...

II

На случай поломки машин, в амбарах хранились запасные части. На случай выбытия основного работника — содер-

жались внекомплектные. А люди выбывали нередко.

«При тех зело тяжелых работах люди часто вредятся и другими случаями выбывают...» — Так доносил Оберберг-гайт¹ в Бергколлегию и просил узаконить содержание при заводах закомплектных работников.

Для ремонта машин существовали фабрики: кузнечная, меховая, колесная, гвоздарня. Для ремонта повредившихся и больных людей служил Екатеринбургский госпиталь.

Геннин, создавший госпиталь, сам наотрез отказался им пользоваться. Потребовал, чтобы к его особе прикомандировали хорошего лекаря за казенный счет. Однако то, что не годилось Геннину, считалось лучшим благодеянием для простого люда.

Несложным искусством владел лекарь госпиталю. Он только и знал: натужную кровь пустить, кость вправить, сустав отрезать, перевязать. В лекарствах ему тоже «трудно» было спутаться.

Пластыри — гноющий, белильный, живучий.

Порошки — проносный, ревейный, от кашля, от лихорадки и стальной от жара.

Мази — живучая для ран, от чесотки.

Трава для полоскания во рту.

И вся аптека!

Нельзя сказать, чтобы мастеровые и рабочие люди лекарю с его пластырями доверяли больше, чем коновалам, также метавшим у людей порченую кровь, или бабам-знахаркам, лечившим от всех болезней наговором. Но шли они в госпиталь из прямого расчета — за все время лечения и лежания там им шел заработок и паек.

Еще верили люди в таинственную силу разных трав и корней. Молотовые мастера, их подмастерья и работники носили на груди в гайтанках куски соли, привезенные бойкими людьми из далеких степей за Яиком. Люди считали,

¹ Главное горное управление Урала.

что эти куски соли имеют чудодейственную силу исцелять скорбь очей...

Жены и дети мастеровых лечились чем попало и где попало. Чаще всего, они выздоравливали или умирали сами, без лечения...

III

Петра Мичкова одолевала падающая болезнь. Ни с того, ни с сего, где и когда попало, вдруг глаза у него лезли под лоб, судорога сводила суставы и шибала с ног. Тогда Мичков бился головой бзёмь, скрипел зубами и бороду певой мылил.

В такие минуты народ в сторону ша-рахался, истово крестясь:

«Опять бес в Петра вселился!»

После такого припадка Мичкова несколько дней ходил как юродивый, шатался будто былинка под ветром. Со временем иссох — в щепку превратился. А от того, что падал, где попало, — вся рожавечно в синяках и кровоподтеках, а вместо зубов — одни голые десны...

Лекарь госпиталя метал ему натужную кровь — легче не стало. Не раз и не два обращался Мичков к знахарке. Та злого духа заговаривала, над травами колдовала. Тоже не помогло.

Стало невмоготу, и решил Мичков просить отставку. Подал рапорт. Управитель, прапорщик Назарьев, переправил рапорт по команде в Обербергамт. Там решили:

— Пусть лекарь скажет, чем болен Мичков...

Лекарь осмотрел Мичкова и долго крутил носом: человек, как человек: голова, руки, ноги и все такое — на месте... Пластырь не к чему прикладывать. Желудок исправен и проносного порошку не требует...

...А болен ли вообще Мичков?

Может быть, он плут и негодник, только притворяется, чтобы от работы отлынуть? Разве молотовой работник Екатеринбургского завода Афанасий Тиртов не сам сунул лапу под кричный молот, чтоб отрешили его, однорукого, от завода? Разве не по этому самому меховой ученик Лука Жуков отхватил себе кисть левой руки топором? Нет, худобе и кровоподтекам лекарь не хотел поверить... Пусть-ка Мичков покажет ему свой припадок! Только он, шербатый дьявол, не падает, боится притворяться...

Так лекарь ничего и не решил. Тогда в Обербергамте посоветовались и при-

говорили дать такой указ прапорщику Назарьеву:

«Когда падающая на Мичкова нападет — приметь. Когда падет он на землю, разжечь железо и тем горячим железом приложить к пяте. Ежели он не услышит, то подлинно он падающую болезнь имеет, а ежели услышит, то он имеет притворную болезнь и не хочет быть в работе. Тогда поступить с ним по указам...»

Ну и дела! Ходи теперь управитель за Мичковым и примечай, когда его падающая одолевает. Доверять служителям в таком деле нельзя. А если в нужную минуту под рукой горна не окажется? Значит, разжигай огонь, накаливай железо? Тем временем у Мичкова припадок пройдет...

Назарьев приказал:

— Когда Мичков упадет наземь, позвать меня...

Два года караулили Мичкова. Тот, словно издеваясь над управителем и служителями, падал в крайне неудобных местах: в курене, дома, в Екатеринбурге, на базаре... Наконец, все же укараулили. Мичков грохнулся у угольного сарая. Принесли из кузницы раскаленную полосу железа и, стацив с ноги обутки, приложили ее к пятке. Мичков и не пикнул...

«Подлинно он падающую болезнь имеет» — донес Назарьев в Обербергамт. Там решили:

«Дать Мичкову отставку»...

IV

Рано ли, поздно ли, но угольный мастер Петр Мичков добился, чтоб его вычеркнули из списков завода. То же добивался кричный работник Трофим Титов, в одно время с Мичковым подавший рапорт об отставке.

Титов жаловался на скорбь нутра. Его тоже послали к лекарю. Так как на Титове не обнаружались явные признаки недуга, лекарь и тут оказался бессильным установить: болен Титов или притворяется. В Обербергамте думали, гадали: что делать? Ничего не придумав, решили:

«Пусть Титов работает по своему ремеслу...»

Указ подписал член Обербергамта от артиллерии капитан Антон Томилов, страдавший ревматизмом ног. По этому случаю Томилов попросил себе отставку. Ему ее дали без канители и пере-

вели в Петербург, где он устроился членом Бергколлегии. Там ревматизм ему не мешал...

А Титов работал по своему ремеслу на заводе. Через полгода, перед самым шабашем, он у молота испустил дух...

На этот раз все оказалось в порядке: кричный работник Трофим Титов помер на законном основании и добился таки, чтоб его тоже вычеркнули из списков мастеровых.

По следам Трофима Титова следовали многие. Огненная работа требовала жертв, и их приносили щедро, по 7—10 человек в год. В 1737 году завод похоронил 6 ссыльных, 4 доменных и молотовых и 7 рекрутов-молотовых рабочих, всего 17 человек. А отставки по увечью получили 8 доменных и молотовых рабочих и 5 рекрутов — всего 13 человек. Таким образом почти 20 процентов мастеровых и работных людей выбыло за один год от непосильных работ.

Сторож на плотине бьет побудку

V

Отшумели январские вьюги. В туманных багровых заревах занимались дни. Было тихо, студено. Оголенные березы забко содрогались от ветерка. В белом опушении дремали леса. Ветер

ли зашелестит, белка ли птица ли качнет ветку деревьев — в воздухе кружится радужная пыль. По трактам ни пройти, ни проехать, люди и кони вязли по брюхо в хрустящей, зернистой снежной россыпи.

Серая, предрассветная тишь. Спал завод, спали люди... Кашель. Хруст снега под тяжелой поступью. На плотину поднялся человек, закутавшийся в тулуп. К языку колокола потянулась рука, дернула за веревку. С колокола, словно дремь, стряхнулась снежная крупка. Еще раз потянула рука за веревку — из-под колокола вырвался надрывный стон меди, отдался в груди, загрохотал над окрестностью и растаял вдали. Вдогонку ему понеслась в темь вереница гулких раскатов.

В черных стенах изб засветились оконницы — люди разжигали лучины. Захлопали двери, калитки. Под сотней ног заскрипел снег.

Лязгнули запоры, заскрипели ворота фабрик...

— Никита Заложной!

— Здесь!

— Ерофей Юдин!

— Здесь!

— Митрофан Разуев!

Молчание... Нетерпеливо:

— Митрофан Разуев!!

Снова молчание... Кто-то нерешитель-но:

— Н-е-е-ту.

— Почему нету?

Молчание... Ларион Пожаров, старший молотовый мастер, отметил в списке отсутствия Митрофана Разуева.

— Софрон Зубрицкий!

— Тут!

— Аника Щершнев!

Молчание...

— Аника Щершнев!!

— Н-е-е-ту!

Послали узнать почему не явились на работу Митрофан Разуев, Аника Щершнев и другие.

Служители вернулись, доложили:

— Митрофан Разуев в горячке мечется.

— Послать его в госпиталь!

— Степан Костромин брюхом скорбит.

— Показать лекару. Если здоров — всыпать ему, вору, розги, заставить отработать!

— Аники Щершнева дома нет... Одна голая баба с детишками под тулупом на холодной печи хоронится... Говорит, не знает где муж-то. А оно, видать, тоже

сбежал он. Не погиб ли в сугробах, не замело ль бураном?..

Управитель отработал в Обербергамт: молотовой работник, из рекрутов, Аника Шершнев на работу не вышел, дома не оказался — числить в бегах...

Много и часто бегали люди, спасаясь от огненной каторги. Их ловили, били батошкой, плетью... Не помогало. На фабриках ввели круговую поруку: если кто сбежит — отвечает артель. Озлобили этим народ до крайности, а делу не помогли. Люди бегали попржежнему, а артель, проклиная и тех, кто выдумал круговую поруку, и тех, кто бежал, тянула за них лямку.

В лесах — вдоль проезжих дорог, по Чусовой и Каме, на башкирских землях, под Ирбитом пошаливали разбойничьи шайки. С кистенем, топором, копьем выходили они на дорогу и грабили проезжих купцов, артельщиков, мужиков. Не одна душа простилась с телом в дремучих дубравах, не одно тело выплескивала Чусовая на прибрежные отмели. До того доходила вольница, что стала посягать на государственные караваны.

В этих шайках обретались затравленные управителями, приказчиками и властями беглые от помещиков, с заводов, дезертиры из армии. Высылались воинские команды. Разбойников ловили, били кнутом, вешали за шею, за ребра, рвали ноздри и, поставив клейма, ссылали навечно в заводские огненные работы.

Ничего не помогало. Люди бегали и бегали. Завод цесаревны Анны¹ постоянно не досчитывал добрый десяток мастеровых, шатавшихся по белу свету...

* * *

Сбежали снега. Оттоковали косачи. Аника Шершнев где-то шатался меж двор, и на заводе о нем не было ни слуху, ни духу. Словно в воду канул.

Когда на опустевших нивах отзвучали бабы натужные песни и на токах, под цепами шелушилось золотистое жито, схватили Анику. Поймал его староста Багарядкой свободы и, как сущего злодея, скowanego по ногам и рукам, представил в Екатеринбург.

Взяли Анику на допрос. Не удовлетворившись допросом, передала для „Изыскания истины“ на розыск — в застенок. Там: два столба с перекладиной — дыба, шерстяной хомут с длинной веревкой,

сыромятный ремень, кнуты, и Никита Цыкарев да Данило Сметанин — заплечные мастера, получавшие от Обербергамта за свои труды по 6 рублей в год.

Стащили с Аники одежду. Ремнем связали ноги. Скрутили руки за спину, закрепили их в хомуте и, перекинув веревку через перекладину, потянули. Хрустнули кости в плечах. Аника взвыл истошным голосом и повис на вывернутых руках.

Розыск вел капитан Антон Томилов, Писец записывал вопросы и ответы...

— Где был?

— Что делал?

— В разбойничьей шайке участвовал ли?

— Нет!

Капитан кивнул Никите Цыкареву:

— Три!..

Цыкарев расправил кнут, отступил, размахнулся и, подавшись вперед, ударил. Кнут присосался черной опояской к телу Аники и вяло сполз концом к ногам, наземь. Аника изумленно ахнул, вдохнул в себя крик.

— Раз! — сосчитал капитан.

Цыкарев отвел кнут, припал на правую ногу, ударил снова.

Вопль сорвался с уст Аники и заглох под низким сводом.

— Два, — отметил капитан, расправляя нившую от ревматизма ногу.

В третий раз свистнул кнут.

— В разбойничьей шайке участвовал ли, караваны грабил ли?

Шевелящийся кадык Аники вытолкнул сквозь стиснутые зубы хриплое, как карканье ворона:

— Н-н-е-т!

— Три! — крикнул капитан.

Час продержали Анику на виске и дали ему сорок ударов кнутом во изыскание истины. Потом сняли его в полном беспомытстве. Из рубцов на спине сочилась черная кровь.

Капитан Томилов зевнул и встал, расправляя отекишие ноги. Писец захлопнул книгу и, взяв ее подмышку, толкнул ногою дверь. В открытую щель блеснул солнечный луч, косым углом упал на земляной пол, озолотил столбы виска и страшную, изуродованную, словно плугом вспаханную, спину Аники.

* * *

„Изыскали истину“. Она гласила:
— Шершнев от разбоя караванов от-
рекса...

¹ Так назывался Верхисетский завод.

Теперь нужно было определить наказание за побег. Судьи Степан Неелов и Антон Томилов, приговорили:

„За побег Анике Шершневу учинить наказание — бить плетьюми нещадно при собрании других, его братии, мастеровых людей, дабы, на то смотря, другим так чинить было неповадно, и впредь держать его на работе скованного“.

Когда у Аники после розыска зажила спина, ему учинили наказание — побила плетьюми нещадно, заковали в шейные железа и определили на огненную работу. Мастеровые и работные люди глядели на казнь и вздыхали:

— Оно, конечно, не бегай... Но разве от хорошей жизни бежишь?..

В том же году снова бежали рекруты Самойло Липатников, Ефим Карачаев, молотовые работники Иван Додонов, Тимофей Турбанов...

VI

Петров пост. От бора, от лугов тек душистый ветерок, неся с собой запах сосен и трав. Луга отливали глянцевиной зеленью, и ветер расчесывал ворсинки их травяных ковров.

Петров пост. Пора лугового покоса. По обычаю закрылись фабрики. Рапустили на две недели работников. Стар и млад ушли на луга — запастись корм для скота.

У многого скота нет, а пойдет косить — подработать по найму. Другие, как молотовые работники Иван Квашнин, Федор Юмин, нанимали работников — самим никак не управиться с покосом. У каждого из них по две лошади, корове и несколько овец. Сена им приходилось запастись много¹. У третьих — по коровенке или козе, по паре овец. Много ли им корма нужно? Сами управлялись с косьюбой.

Опустел поселок, будто вымер. В опустевших дворах хозяйствовал ветер, кружил столбики пыли, свистел в щелях и пазах хлебов...

Не поехал на покос Алексей Петров. Ветхий он стал, дряхлый. Золотые руки, „правильные“ за долгую жизнь их владельца многие тысячи пудов кричного железа, отказались служить. Да и взор притупился.

¹ Такие хозяева-работники жили сытнее своей братии, занимались подрядами, подрабатывали на стороне. Иван Квашнин по подряду в 1733 г. доставил на Утинскую пристань 1000 пудов железа, Федор Юмин — 1500 пудов.

Не поэтому, однако, остался дом одинокий подслеповатый старик, постоянно тосковавший по родному Олонцу, откуда его вырвала воля Геннина и перебросила на Урал — обучать мастерству новых работников. Петрову дали отставку. По дряхлости. И в отпусковой грамоте по этому поводу значилось, что старому Петрову: „по миру не ходить, милостыни не просить, платье немецкое носить, бороду да усы брить...“

Вот это милость! Ладно еще, что отпустили живого хоронить кости на родной стороншке. А милостыню Петрову не миновать просить, если житье хочет. Так-то, старый, весь век *свое* создавал ты богатства, но только не для себя, а для других. Ненужен стал — ступай на все четыре стороны без алатына, но с „вольной“ грамотой в кармане. А как и на чем доберешься до родного Олонца — никому дела нет.

Связал старый Петров свое барахлишко в узелок, насадил его на концы клюки и, перекинув за спину, пошел со двора искать добрых людей, кто его за „христа ради“ согласится подвезти несколько верст...

Так и неизвестно, добрался ли Алексей Петров до родного Олонца или умер дорогой. Осталось после него только мастерство, переданное им нескольким работникам завода цесаревны Анны. От них оно перешло к детям, внукам, которые и знать не знали и ведать не ведали о судьбе одного из учителей их дедов.

VII

Опустошили луга, застогвали сено и вернулись в дома свои. Снова колокол на плотине размеривал трудовой день людей.

Несколько времени спустя хватились на переключке, что молотовой работник Абросим Толкушкин, из сыльных, на работу не вышел. По обыкновению, послали служителя узнать причину неявки на работу.

Служитель вернулся и доложил: — Светлица заперта, никого, видно, дома нет...

— Сбежал, — решил заводоуправитель и сообщил о беглом по команде.

— Дверь выломать и вселить в избу другого, — приказал Назарьев служителям.

Пошли. Выломали дверь. Увидели:

На поперечной балке висит чело-
век. Лицо чугунное. Изо рта выбух
толстый язык, а глаза — слюдяные,
неподвижные, на выкате — вот-вот вы-
прыгнут из глазниц на земляной пол,
усеянный сеной трухой..

В удавленнике признали Толкушкина.
— Что доканало его, сердешного?
Собачья жизнь?.. Постоянные вычеты
из жалования за лишний угар железа?
Розги? Тоска по брошенному родному
дому?..

Так и не узнали, почему повесился
ссылный Толкушкин. Если кто знал,
то помалкивал, чтоб самому худо не
было.

Известное дело: от хорошей жизни
не бежишь и не повесишься.

Рапорт прапорщика Назарьева о том,
что „ссылный Толкушкин дома нало-
жил на себя петлю и удавился“ в Обер-
бергамте подшили к делу. Против
фамилии Толкушкина в заводском списке
сделали надпись:

„Помре“.

Удавленника земле не предали. Само-
убийца! Выволокли его тело за слобод-
ку, в торфяник, где белели обглодан-
ные собаками и птицей кости подо-
хших домашних животных. Там бросили.
Остальное докончили вороны и собаки..

В. ВОГАУ

ОВСЯНОЙ КОНВЕЙЕР.

(Колхозная быль сегодняшнего дня).

Заседание правления колхоза „Прав-
да“ затянулось. Долго и горячо спорили
о том, где достать овса для засева под
озимь пяти оставшихся га свободной
площади.

— Знаем, что надо зерна достать,—
кипятился Ленька-счетовод.— Но вот
где достать? Ребята и так смеются над
нами. Сегодня в обеденный перерыв ого-
родники издевательски заявили: „Наш
прорыв не потому, что мы плохо рабо-
таем, а от того, что правленцы скоро
штаны просидят со своими заседани-
ями“. В правлении семян не высидишь.
Надо пошнырять в соседних колхозах
или в районе — может где и достанем.

Как бы в ответ на эти мечтания об
овсе дверь правления открылась, влетел
председатель колхоза Марков с торже-
ствующим криком:

— Ребята, есть овес! Получили через
председателя рика!

Один за другим радостными возгла-
сами члены правления поздравили его
с удачей и стали крутить „козьи ножки“.

Обтерев сапоги, Марков подошел к
столу и грузно опустился на табуретку.
По его лицу и движениям, когда он
раскрывал брезентовый портфель, было
видно, что человек сильно измучен по-
ездкой, и только где-то в глубине его
голубых глаз искрилась радость.

— Ребята! Рано поздравляться и ра-
доваться,— заявил он. — Вы ведь знаете
ваши дороги — грязь непролазная. При-
шлось договариваться с начальником
станции, чтобы перебросил вагон по же-
лезной дороге до разъезда. Сегодня ва-

гон подвезут. Но как через Чусовую-то
переправим?

Наступила тишина. Мысленно прав-
ленцы пробежали по дороге и предста-
вили себе, сколько логов, топей да грязи
надо преодолеть, чтобы перевезти овес.
Не только с тяжелым грузом, но даже
и простую парную телегу не вывезешь.
Чусовая разлилась, а моста нет.

Минутное молчание казалось часами.
Правленцы сидели с поникшими голо-
вами и жгли самосад.

— Ну,— настаивал Марков,— как же
быть? Что придумаем?

— Да чего придумывать,— ответил
Гурьяныч,— по-моему на лодках..

— А где лодки?— мрачно спросил
Бобров,— на всю деревню только у Па-
хома-рыбака. Но на его долбенку в эта-
кую воду никто не сядет. Уж разве плот
сколотить, да на плоту?

— Плот-то плотом, но на это дело
кладь полдня. Опять оттяжка,— сказал
Марков,— да и лошадей надо переправ-
лять, чтобы с разъезда овес подвезти.
Его еще сортировать надо, да протрав-
лять, ну и весь день пропал!

— Д-да-а,— согласились все. И снова
наступила тишина.

Так и разошлись правленцы, не при-
думав ничего путного и отложив реше-
ние до завтра.

* * *

Комсомолец Ленька, возвращаясь до-
мой, представлял себе, как бурливая
пенистая вода Чусовой возле Слободы,

с громадной силой пробивается меж каменных утесов и только где-то за деревянной широко разливается по полям, но и там белые шапки пены кружатся по поверхности, над омутами. И вдруг ему вспомнилась картина того, как в прошлое лето учительница-комсомолка Таня Стулина, ходившая с ребятами за грибами за реку, перетаскивала на плечах детей через разлившуюся после дождя Чусовую. „Вот так же перетаскать и овес!“ — пришла ему в голову мысль — „перетаскать мешки, как Таня перетаскивала ребят! Разъезд находится как раз против незасеянных участков земли на лугах“, — продолжал думать он. В этом месте Чусовая хотя и широка, но не глубока“.

Ленька бросился к секретарю комсомольской ячейки Васе Сычеву.

— Вася! А я к тебе, — заявил Ленька, войдя в избу к Сычеву. — Овес привезли на разъезд. Я сейчас с правления. Мы обсуждали, как его перебросить, но отложили до-завтра. Марков хотел плот строить, да по-моему напрасно. Лучше собрать парней и живым конвейером через реку... Одни начнут перетаскивать, другие сортировать и травить. К обеду приготовим зерно. День ведь экономии, а день год кормит...

— Верно ты говоришь, надо овес доставить. Сговори к утру парней. Если согласятся, так и сделаем. А я сегодня не могу. Прошлую ночь дежурил у склада. День работал в огородной бригаде. Спать хочу. А ты действуй!

Ленька побежал по домам. Крепко досталось ему в эту ночь. Однако бежал всех, каждому рассказывал, каждого убеждал, что выход один — овес перебросить живым конвейером через реку. И когда добился согласия всех, решил было пойти домой, но уже наступило утро и надо было действовать до конца.

Прибежал на конный двор. Взял узду и пошел в лес. У Глухого болота нашел табун лошадей. Вскочил на одну из них и погнал к „лугам“.

Солнце уже всходило, когда Ленька приехал в соседний колхоз к „ворошиловцам“. Найдя секретаря ячейки и задыхаясь от езды, он еле проговорил:

— Я из „Правды“. Меня послала ячейка просить у вас помощи — выгрузить полвагона овса. Лошадь у нас своя, только дайте телеги, чтобы подвезти овес к берегу.

— А как же вы перевезете овес через Чусовую? — удивленно спросили „ворошиловцы“.

— Не ваша забота. Мы, может, на самолете перевезем, — смеясь, ответил Ленька.

„Ворошиловцы“ решили, что помочь надо, и бригадой в шесть человек направились к разъезду. А правление колхоза уступило телеги для подвозки овса.

Рано утром молодые колхозники „Правды“ были на ногах.

Через полчаса уже подходили к реке.

— А ну, ребята! Валяй-ка в воду! — задорно воскликнул Ленька и первым вступил в реку.

Ледяная вода, как кипятком, обожгла ноги. Холод утра мурашками рассыпался по спине, но Ленька не останавливался и шел дальше.

За Ленькой прыгнул Сычев:

— Ух, ох, ах! — вскрикивал он, шагая по колено в воде.

За Сычевым попрыгали остальные парни.

Когда колхозники подходили к месту переправы, комсомольцы успели уже перетаскать не мало мешков овса. А Ленька, не смущаясь своей затеей, встретил колхозников словами:

— Мы кули-то делим пополам, а пустых-то мешков до обеда взяли у „ворошиловцев“. Тяжело цельные-то таскать!

Много колких и обидных слов выслушали комсомольцы от правленцев и колхозников. А Леньку за эту затею обозвали дураком.

Но сила примера взяла свое. Колхозники наглядно убедились, что затея не так-то глупа. Тогда Гурьяныч первый сказал:

— Что же, будем раздеваться. На добно ребятам помочь!

— Придется выкупаться, — ответил Власов и, сбросив с себя одежду, тоже направился к воде.

За Власовым пошли остальные

— Ух!

— Ах!

— Ох!

— Ай!

Ох!-хо-ха-хо! — кричали на разные голоса колхозники, прыгая в воду, и тут же удивлялись: „вода холодная, а жжет, как кипяток“.

Под громкие крики колхозники пошли на другой берег. Не пошел только Клям: у него был суставный ревматизм. Но желая чем-нибудь помочь, он отправился собирать хворост для костра.

— Отогреетесь хоть после,— пояснил Климыч.

Длинной цепью растянулись колхозники поперек реки. Мешки передавались из рук в руки, образуя собой живой овсяной конвейер.

* * *

В самый разгар работы к реке подошел колхозник Гордеев. Высоченного роста, поджарый, всегда вымазанный сажей, кузнец стоял на берегу и улыбался: „Вот дураки-то“,— думал он, „простынут и тогда только сорвут посевную“. Потом вслух закричал:

— Эй, дурачье, надоела что ли жись-то?

Ближние в цепи ответили раскатистым смехом. Но что это такое? Смех разом умолк, и взгляды всех обратились на берег, откуда подавали овес. Получилась заминка. Оказалось, что овес невозможно больше принимать, так как у берега вытоптали яму — песок отнесло и вода доходила людям до горла. Подступиться к берегу мог только человек высокого роста. Мгновенно все оглянулось в сторону кузнеца Гордеева.

— Гордеев!— раздалась десятки голосов с реки,— иди, выручай, помоги у берега овес принять!

Кузнец ответил спокойно:

— Стану я вам студиться. У меня и без того ноги гудят!

Новый хор голосов раздался с реки:

— Да что мы тебя ждать что ли будем! Брось волыниться! Иди, Гордеев! Больше десятка пар глаз уставились на Гордеева и напряженно ждали ответа.

Гордееву не хотелось лезть в воду — боялся простудиться. Дома четверо детишек. Но вот, где-то в глубине сердца, защемило. И под напором пристальных взглядов, не снимая даже одежды, Гордеев прыгнул в воду.

Отгребая воду, Гордеев быстро дошел к противоположному берегу. Даже ему, такому верзиле, вода достигала до плеч.

— Ну, принимаю!—скомандовал он на берег. Но понукание было излишним — мешок уже ложился на голову Гордеева.

— Молодец Гордеев! Ему и море по колено!— кричали парни. Отдельные возгласы и крики приветствовали восстановление живого конвейера. Ледяная вода сковывала члены и останавливала кровь, но колхозники мужественно преодолевали ноющую боль в застывших членах.

Через час весь овес был перенесен на „луга“. Ругая Леньку и проклятую ледяную воду, колхозники грелись у костра, разведенного Гордеевым. Но каждый из них был рад, что овес на месте.

Вскоре привезли сортировки. Комсомольцы первыми бросились вертеть их, чтобы согреться.

Г. Емлин

ЧЕМ УРАЛ ВСЕГО БОГАЧЕ?

В следующем номере „Уральского следопыта“ будет помещен очерк на эту тему. Предлагаем нашим читателям подумать о том, какие естественные богатства Урала имеют значение для всего мирового рынка.

Из Уральской книги ПРИРОДЫ

ЛЕСНЫЕ ХОЗЯЕВА

Макарова избушка.

Августовское солнце бросало в долину последние вечерние лучи. Пробродив целый день, я направился к Макаровой избушке на ночлег. Почему эту избушку называли Макаровой — никто не сказал бы в Соколинском заводе, хотя избушка находилась в даче этого завода. Быть может, строил ее тот самый Макар, который, по народной поговорке, гонял телят, и не мог догнать их до отдаленных мест. Действительно, Макарова избушка стояла не близко к людскому жилью, сюда заносило только нашего брата-охотника да служилых и рабочих людей.

Избушка была построена на взлобышке (пригорке), под которым среди камня и оскои текла речка Малая Копанка, извивавшаяся среди холмов, поросших лесом. Бревна, из которых была сложена Макарова избушка, поражали своей толщиной: в ней можно было свободно стоять, между тем, стены ее состояли всего из пяти венцов. Таинственный Макар строил ее на многие лета, и спасибо ему.

Избушка давала приют не мне одному: в углу, на почерневших нарах, лежала чья-то одежда и стояли берестяные „туески“. Камин, сложенный из камней, распространял тепло. Как остаток былой старины — еще макаровой — в переднем углу виднелся раскольный восьмиконечный крест. В избушке было душно и жарко.

У „огнища“

Я решил расположиться у „огнища“ — так называют на Урале яму с сажень в диаметре и четверти две глубиной, вырытую для разведения костров на ночь. Такая яма безопасна в пожарном отношении, а для временных обитателей избушки и прохожих людей удобна тем, что в ее золе долго тлеют (шают, по-

уральски) искорки огня, чтоб прикурить или развести снова костер.

Лес густо наступал на избушку со всех сторон. На берегу были разбросаны готовые бревна — остатки весеннего сплава — и огромные плахи с железными шпильями — следы разрушения Сарчинской вспомогательной заводской плотины, спусенной Копанкой в весеннее водоople. Все эти древесные материалы составляли достаточное количество топлива для „огнища“.

Около Соколинского завода проходит растительная граница, где представители разных растительных групп борются между собою за обладание местностью. Разнообразны были деревья, кустарники и травянистые растения. Оттого здесь был разнообразен и животный мир. Тут водились лоси, горные козлы, медведи, лиса, куница, горностай и много других зверей, каких не встретишь около заводов и сел. А сколько птиц, ночных и дневных! Спокойно живут и хозяйничают здесь хищные птицы, особенно из совиных и соколиных, свистят рябчики, гугукают тетерева, шумно хлопают крыльями глухарь — этот великан в курином семействе. А мелкие пацки! Ухо даже не может разобрать их многоголосого пения и свиста.

К закату солнца все стало стихать. В последний раз каркнула ворона, призывая подруг лететь на ночлег в укромное место; прострекотала сорока, предупреждая торопливыми звуками своих собратьев о присутствии общего врага птиц и зверей — человека. Но теперь и человек шел на покой. Сорока и ворона как будто желали всем спокойной ночи, а днем, на охоте, эти две птицы всегда приносят досаду своими предупреждениями об опасности.

Ох, уж эти болтуны — вороны и сороки и в птичьем и человеческом обществе! Быстро наступила ночь. Вообще на Урале, при закате солнца, дневной свет

сразу сменяется ночной тьмой, так как боковое освещение по плоскости срезавается меридиональным горным хребтом и лучи заходящего солнца проходят в атмосфере высоко над глубокими горными долинами.

Соколинские соколики

Почти одновременно по тропинкам к избушке подошли две фигуры: один — жигарь (углежог), другой — старик-пчеловод Левонтий, с туесками и другими предметами пчеловодного хозяйства. Вскоре показался верховой, на усталой лошади, — это был куренный мастер от лесопромхоза. Все они были из Соколинского завода и знали друг друга.

Жигарь живо развел костер, и мы уехали кругом.

Лесная обстановка и ночь тянут человека к огню и сближают их.

Скоро завязался разговор.

— Видно, все соколинские соколики собрались! — заметил Левонтий.

Основание первому населению, из которого потом разросся Соколинский завод, положил первый здешний житель, называвший сам себя Соколом. Одни говорят, что этот „Сокол“ был из ермаковой дружины: когда Ермак искал путь через Урал по рекам, часть дружины рассеялась. Другие считают „Сокола“ беглым разбойником, который бил, как сокол, проезжих по дороге через Урал купцов. „Сокол“ поселился на Высокой горе, где река Пылва делает петлю, недалеко от впадения в нее Копанки. Гора до сих пор носит название Соколиной.

— Верно, дедушка, все с Соколиной горы. Ты что, за медком ходил? Как работают твои пчелки? — спросил я.

— Мои работники трудятся без устали и платы не требуют. А медку несут достаточно. Ныне вишь какая благодать: весной хорошо верба цвела, потом пошла липа, кашка белая по лугам, иван-да-марья, а теперь хоть дело и к осени, а цветов паровицы вдоволь. А воздух-то идет от стогов сена — аромат, что твои духи!

— Какие же у тебя улы? —

— Да здесь, в лесу, все колоды подвешены на елях, семь штук, есть один бортовой, да плохо работает. Около дома у меня рамочные, по-новому, по советскому порядку...

— Какие же лучше — рамочные или колоды?

— Конечно, рамочные... Только долго мы упирались: не хотели заводить новшеств — все к старому льнули. В рамочных все на виду, а на колодах да в бортях работаешь вслепую. В рамочных и меду не в пример больше, а вот сюда, в лес, их уж не поставишь: не человек, так зверь разорит...

— Что ж, и медведи тут бродят?

Этот вопрос вызвал целый ряд рассказов о медвежьих похождениях. Медведь — истинный хозяин уральских лесов и его проказы всегда приковывают к себе внимание человека.

„Хозяин“ леса

Медведь и колода

У Ганьши-цыгана, из деревни Кулемовой, повадился медведь мед лачить к колодам (чуркам): что ни ночь, то чурка разбита и мед весь вылакан. Повесил Ганьша к оставшимся чуркам на веревке чурбан (обрубок дерева) как раз, где лачить. Пришел цыган свои чурки проведать, а медведь-то внизу окошко елки еле-еле ползает: видно, чурбан-то лапой отталкивал-отталкивал, а чурбан-то его все по башке да по башке. Он ведь сердитый, Миша-то... Надо полагать: как посылнее двинул он чурбан, а чурбан-то его по глазу — глаз-то и вытек... Покушал Миша медку...

Медведь в петле

На Юрмысе пчеловод так оберегся от медведей: сплел около колоды сетку из колючей проволоки, а поближе к

колоде устроил петли из той же проволоки. И что бы вы думали: медведь, видно, доставал-доставал лапой колоду из-за сетки — сетка-то колет. Нехватило у Мишки терпенья, засунул лапу в петлю, да так и повис на ней. Дело было летом, в страду, проведать мужичку некогда,— медведь-то висел-висел, тут же и пропал; долго висел — шкура-то вся и облезла...

Медведь с шаром

Опасный зверь, что и говорить. Прежде на него с рогатиной ходили, нынче ружья хорошие советские пошли. Ну, не плохой: опрометился — дерет у тебя с затылка кожу и спустит на глаза. Вишь, он глаз-то человеческих не выносит... А вот что я слышал. В Сибири, к Тобольскому, идут на медведя не по-нашему. Делают из дерева шар, примерно, с человечью голову, усаживают его со всех сторон острыми шпильями, про запас берут рогатину али ружье. Подойдут к медведю и бросят ему под ноги шар. Тот как схватит его — и давай мять в лапах... Сердится... Ревет. Чем пуще мнет, тем больше острия впиваются ему в лапы. Тут его и берут.

Медведь в малиннике

Только правда ли это, — не знаю. Сказывают, давненько в Соколинском бабы по малину ходили. На Светлой горе напали на место — красно малины... Кусты в рост человека и все увешаны ягодами. Говорят: на одной ветке штук по полтора ягодок бывает на Светлой. Известно, бабы накинудись на малину... Оно поберечься бы надо, а они ничего себе... Под конец уж весь малинник-то прошли — глянули: медведь стоит на задних лапах, а передними ветки забирает и себе в рот, забирает — и в рот. Помните старуху Феклисту — такая здоровая еще, высокая, ну, а тогда она вовсе молодая была. Как крикнет она со всех своих печенок: „Медведь, бабоньки!“ — да бежать все. Без утыху (отдыха) бежали от Светлой. С тех пор Феклиста и голос потеряла, так и умерла... На другой день охотники ходили туда. Только вальбище, где медведь лежал, нашли... Видно, жил он тут.. А как Феклиста гаркнула, испугался, — ушел. Не уважает он, как врасплох застанут...

Медведь с бутылкой

Смирный Миша-то да забавный, если его не тревожить. Под Алапаевском какой был случай — и не поверишь! Жигарь возвращался с завода на курень. Бутылочкой водочки запаса. Несет в руке... Глянь — навстречу медведь. Там леса такие страшные: в небо дыра, — и свернуть с дороги некуда. Парень припал к земле, не дышит: прикинулся мертвым. Медведь подошел, обнюхал кругом человека и прилег недалеко. А парень — ни жив, ни мертв. Слышит, Миша бутылку по дороге катает — играет, значит. Поиграл-поиграл — затихло все. Помаленьку огляделся парень: медведя-то и нет... Только сгиб он потом, жигарь-то, не в своем уме сделался. Перенеси-ка такую пытку!

Наступило молчание. Я подбросил на „огнище“ топлива. Пламя огромными языками поднялось кверху, разрывая темноту.

Куренный мастер счел нужным справиться у жигаря, скоро ли будет готов курень, правильно ли уложено долготье (поленья, длиной около двух метров). Жигарь ответил, что долготье уложено точно по наклону и дня через два куча будет задернена сверху.

Вдруг, неожиданно для всех, бесшумно над костром пролетела какая-то крупная птица.

Лесной фокусник

— Филин, филин!.. — воскликнул жигарь. — Ну, теперь пойдет выделять разные фокусы. Я живу здесь неделю и, почитай, каждый вечер он что-нибудь выкинет. Хозяин он в этих местах! Вишь, прилетел дозировать, что тут делается... Смотрите, смотрите!

Филин опять бесшумно подлетел к нам, громко прохлопал крыльями — и исчез.

— Ну, начинается комедия!

Не успели мы разговориться, как из лесу послышались странные звуки, похожие на мяуканье кошки, потом крики: фу, бу... Опять филин пролетел над нами.

— Ну, теперь слушайте другую музыку!

Стали прислушиваться.

— Товарищи, кто-то едет, да слышите: и колокольчики звенят, — приподнявшись на коленях, сказал куренный.

— Какое тут едет! Это блазнит (кажется), а не едет... Все это продельвает здешний хозяин — филин. Такой прокурор (проказник, выдумщик, вероятно от слова прокурор) — беда с ним, так напугает, что не рад будешь. Да вот пойдите со мной, посмотрите, как он все это выделывает...

Все согласились. Жигарь взял несколько трубок бересты, зажег одну, и мы при факельном освещении вереницей двинулись к лесу — и дальше по лесной тропинке. В молчании прошли некоторое время. Показалось сечище (вырубка). Жигарь на время притушил огонь. Через несколько шагов опять зажег бересту и ловко осветил наклонно положенные поленья.

— Смотрите, смотрите! Вон он!

По полену ходил взад и вперед огромный филин, как-то особенно притопывая лапами. Получался звук, похожий на лошадиный топот. Изредка оттуда же слышалось посвистывание и словно неясные звуки колокольчика...

— Видели? Слышали нашего-то фокусника?

Филин и шапка

— Знаете, я просто боюсь филинья, — первым заговорил куренный мастер, когда все мы вернулись к костру. Был со мной такой случай. Ехал я верхом по лесной дорожке около Айвы. Начало темнеть. На дороге есть береза, дугой наклонилась. Смотрю: на березе сидит филин и не шелохнется. Я ударил его кнутом, — сидит, „Ну и сиди“, подумал я. Отъехал от него с полверсты. Стало темнее. Вдруг над головой у меня что-то прошумело, через несколько минут опять. Да это филин! — и все норовит схватить за шапку... „Ну, думаю, — сам виноват — зачем беспокоил такую важную птицу“. Выехал уж к самой деревне, а филин как вцепится снова мне в шапку! Я перепугался, обеими руками, что было мочи, отбросил вместе с шапкой его от себя. Лошадь помчала, и я не останавливая ее, только бы убраться поскорее. Так без шапки и приехал в деревню.

— Это уж как есть — все филишкина работа! Не тронь его — не рад будешь...

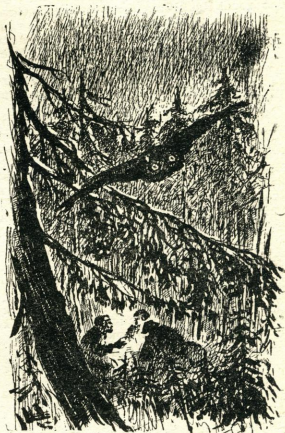
Было уже поздно. Решили напиться чаю. Жигарь сходил на Копанку за водой с котелком и поставил его греть

к огню. Пока грелась вода куренный рассказал о загнанном лосе.

Загнанный лось

Под вечер в марте возвращался я к рабочим казармам. Днем было тепло, снег распустился, как кисель, а как закатилось солнышко, сразу начало холодеть. Лошадь подо мной постоянно проваливалась сквозь ледяную корку, осторожно ступала, видно, берегла свои ноги.

Недалеко от казарм есть мостик. Лошадь вдруг фыркнула и остановилась. Что такое?

Филин снова пролетел над нами

Всматриваюсь: на скате от мостика лежит то ли большая охапка сена, то ли лошадь... Слез я с лошади и повел ее на поводу. Ближе уже рассмотрел, что лежит крупное животное... Смотрю: рога... Да ведь это лось! Вот так штука! Близо боюсь к нему подойти: лягнет копытами, сразу переломит тебе кости. С опаской ударил лось кнутом, тот только мотнул головой... Ослаб, значит.

Съездил на казарму, запряг розвальни и с четырьмя рабочими вернулся к лодке.

Лежит на том же месте.

Осторожно накинута на ноги лодку петлю из веревки, спутали его, подвели розвальни и перевернули его на них. Он весь не ушел на розвальни, — пришлось загнать ему голову.

Это был огромный, тяжелый бык.

На ночь привезли лося к казармам. Утром осмотрели его. Ноги у лося были изрезаны в кровь, местами лентами висела кожа. Напоили его и повезли в Соколинский. Там ухаживали за ним. Встал он на ноги. Ну и красота же был этот лось! Век не забыть мне его! Смотрел он на нас такими печальными глазами, словно хотел сказать: не видать бы вам, людишки, меня, да вот изнемог... Жалость брала нас всех...

Позвали двух ветеринаров. Те осмотрели лося и заключили, что он все равно пропадет.

Зарезали беднягу, а огромный был: мяса одного вышло 250 кило. Легкие у него затвердели, как печенка стали. Загнан был охотниками. Потом лесные сторожа проследили, откуда его гнали. Оказывается, гнали лося на лыжах от Висимо-Шайтанского завода, верст 60 или 70. По наступу лось оборвал все свои ноги, да и сам-то измаялся...

Котелок начал плеваться. Мы приступили к чаепитию. На реке, в камышах, ухала выпь, изредка кружилась над нами филин и мелкие совы. Ночной мрак слабо прорезывался сиянием далеких звезд. Мы все заснули около костра.

А. Наумов

Верх-Нейвинск

НА ПЛОВУЧЕМ ОСТРОВЕ

— Петр Петрович, поедешь ершей удить? — спросил я.

Мой приятель, завзятый любитель уженья, не ожидая дальнейших приглашений, сразу изъявил согласие. Ранним теплым июльским вечером мы уже плыли в лодке по тихой глади озера Таватуй.

— Сегодня мы поедем удить на остров, — заявил я.

Петр Петрович изумленно посмотрел на меня, насмешливо улыбнулся и, вытаскивая папиросу, закурил, тем самым давая мне понять, что вопрос исчерпан.

Иронически поглядывая на спутника, я тоже замолчал. Впереди, на берегу озера, зеленым мысом раскинулось громадное болото. К нему-то я и направил лодку.

— Ты, собственно, куда едешь-то? — строго спросил меня мой спутник. — Разве не видишь, что впереди болото?

— Ну, и что же?

— А то, что у болота ерши не клюют. Я уж не раз пробовал!

— Да я не к болоту, а прямо на болото... Там, среди кочек, и удить будем.

— Да ты сума спятил, что ли? Нет, серьезно, брось шутки! — строго посмотрел на меня Петр Петрович. — Поедем лучше на пески или на камни.

Я молча правил прямо к зеленому мысу. Через несколько минут лодка подошла к торфяному берегу и, мягко ткнувшись о кочки, остановилась.

— Ну-с, пожалуйте вылезайте!

— Нет, уж вы вылезайте, а я здесь посижу, посмотрю, каких вы в болоте ершей ловить будете, — ядовито заметил Петр Петрович и уселся поудобнее в лодке.

Я вылез на мшистый кочковатый берег и, отойдя от края саженой пять, нашел лунку в торфу, распустил удочку и начал удить, а через минуту около меня трепыхалась уже пара отличных ершей.

Вы думаете, это „охотничий“ рассказ? Нет, это истинная уральская быль сегодняшнего дня. Между озером Таватуй и Верхнейвинским прудом находится громадное пловучее торфяное болото. Рыбаки его так и зовут „сплывень“.

Этот „сплывень“ представляет собой пловучий торфяной остров, под которым не менее 2—3 метров воды. В жаркие летние дни ерш уходит из светлого теплого озера в прохладную темноту под этот пловучий торфяник.

Рыбаки заметили это, пробили в болоте, как во льду, лунки — и не ошиблись. В этих лунках в жаркую летнюю пору, в особенности утром или вечером, прекрасный ершовый клев. Изредка клюют окуни и даже чебак. Но это редкие гости. Главные жители под „сплывнем“ — ерши.

Тихий теплый вечер. Солнце к закату, но до ночи еще далеко. Над болотом гудит мошкарь. Устроив на кочках беседку, я развел маленький костер, чтоб дымом отгонять тонкоголосых комаров, а заодно подвесил над огоньком и чайник.

Ерши клевали отлично. Когда ко мне подошел мой недоверчивый спутник, у меня в корзине лежал уже десяток крупных щетинистых светлоглазых ершей.

— Да ты не шутил!— воскликнул Петр Петрович, увидев мой лов. Больше он не сказал ни слова, а опротясь пустился к лодке (откуда и прыть взялась), притащил короткую зимнюю удочку, пристроился у соседней лунки и усердно стал догонять упущенное время...

Клев продолжался.

Ф. Тарханеев

ВОДЯТСЯ ЛИ НА УРАЛЕ ГИГАНТСКИЕ ЗМЕИ?

Существование гигантских змей на Урале до сих пор принято встречать недоверием. Вот почему всякое достоверное сообщение по этому поводу приобретает особое значение и большой научный интерес. Приводимая ниже заметка лишняя раз заостряет этот вопрос, более полутора лет волнуящий своей загадочностью умы как специалистов, так и вообще любителей природы. Вот это сообщение, в честности и добросовестности которого не приходится сомневаться. Оно принадлежит учителю Кунгурского технического училища Семену Ивановичу Бородину и сохранилось в делах Уральского общества любителей естествознания за 1882 г. К этому же году относится и сообщение Бородина, адресованное в общество.

Воспроизводим его текстуально.

„Бывши еще учеником гимназии, в 1864 году, в начале июля отправившись с двумя товарищами А. В. Жулановым и П. А. Николаевым на рыбную ловлю

на озеро Миассово, находящееся в Ильменских горах, мне случилось встретить там громадную змею. Это было так: часов около двенадцати дня с товарищем Жулановым пошли осмотреть залив, в котором намеревались поставить сети. Идя по берегу озера, услышали сильное шипение... Смотрим — шагах в пяти впереди нас, свернувшись в кольцо и подняв голову, лежит огромная змея. Жуланов тотчас взвел курок ружья и выстрелил в нее. Удар пришелся в голову, и змея была убита. На выстрел прибежал Николаев. Так как змея не ползла, а только извивалась на том же месте, то мы подошли к ней. Величина ее поразила нас, и мы решили смерить ее. Длина змеи оказалась немного менее трех аршин, вершка на два, толщина более полутора вершка. Цвет на спине темнокоричневый, блестящий, переходящий к брюху в серый, а брюхо грязножелтое. Голова довольно большая, плоская, шея длинная и тонкая. К какому виду принадлежит виденная нами змея сказать не могу“.

Относительно видового названия змеи мы и сейчас, через 70 лет, не в силах выйти из области предположений. Наиболее достоверно предположить, что перед нами представитель так называемых „злых ужей“, отдельные экземпляры которых достигают 1½ сажен длины.

Проф. Ю. Колосов

От редакции: Желая содействовать раскрытию этой зоологической загадки, „Уральский следопыт“ просит тех своих читателей, которые могут представить совершенно достоверные сведения, связанные с наблюдением „злого ужа“ на Урале, сообщить о них по адресу редакции на имя проф. Ю. Колосова.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КНИГАМ И ГАЗЕТАМ

ЛИКИ ЮЖНОГО УРАЛА

1

Я вспоминаю первую нашу экспедицию на Южный Урал ровно 25 лет тому назад. 150 рублей, с трудом полученные от Академии наук на поездку, были для нас, молодых московских ученых, огромной и долгожданной победой.

В заброшенных, грязных, полуразвалившихся башкирских деревнях останавливались мы на ночлег. Сквозь непролазную грязь никогда не чинившихся дорог с трудом вытягивала наш коробок пара уральских коней.

Почти никакой промышленности на юг от Сибирской магистрали не было. Только французские золотые шахты Кочкаря, одинокие старатели и старый, запущенный казенный завод Златоуста.

Мы должны были в нашей радиактивной экспедиции Академии наук обследовать район Златоуста — Миаса — Челябинска. Но жандармское управление отказало в разрешении работать около линии дороги и прислало свой отказ уже тогда, когда мы окончили с успехом эти работы.

Центр экспедиции помещался в школе над станцией Миасс. Каждый вечер слышался лягз цепей расположенного внизу перельского пункта, и каждый вечер смеялись все новые и новые партии закованных в кандалы арестантов.

2

Памятник многим, тяжелый двадцатый год. Еще идет борьба за власть советов.

Транспорт, все средства передвижения разрушены.

Целе области оставлены разоренными после военной оккупации и свирепства банд.

Горная промышленность в полном разрушении, и только что созданный горный отдел ВСНХ с трудом пытается кое-что восстановить в хозяйстве Урала.

Обращение Владимира Ильича в Академию наук призывает ее взять на себя руководство и работу по подъему и изучению производительных сил отдельных областей, чтобы возможно скорее, легче и без дальних перевозок дать необходимое сырье для еще работающей промышленности.

И в эти годы титанической работой Владимир Ильич находит время, чтобы выслушать и обсудить, казалось бы, совершенно несвоевременный проект, представленный в Совнарком руководителем горного отдела Н. М. Федоровским: создать на Южном Урале, около станции Миасс, первый в мире заводник минеральных богатств.

14 мая 1920 г. был подписан Лениным замечательный документ, который в эпоху борьбы за сырье одновременно укреплял величайшую идею его охраны, который требовал разумного и полного использования производительных сил страны.

Так создан был гением Владимир Ильича первый в мире Ильменский заводник недр земли.

3

Проходят годы великой стройки.

Оживает Урал.

Обновляется и растет его промышленность.

В ускоряющемся темпе создаются новые центры хозяйства и культуры.

1932 год. Мы летим на самолете через Южный Урал. Вокруг лагул старой Челябинск колыхом белеют новостройки нового, промышленного Челябинска. Дымятся трубы электрической станции Чегра. Длинными полосами прорезая леса, долины и горы во всех направлениях, тянутся линии передачи электрической энергии сотен миллионов киловатт.

Знакомые нам картины узких лоскутных полей череполовщины старой русской деревни сменяются с самолета совершенно новым рисунком: крупные полотноща колхозных и совхозных полей большими однородными и одноцветными пятнами покрывают предгорья Урала.

Вокруг Челябинска целая сеть железнодорожных путей и новые двойные полосы протягиваются в хорошо нам знакомые ковыльные степи южных равнин.

На время скрывается в облаках земля.

Дрожит стрелка компаса, несколько крутых виражей вырывают самолет из тумана, и нежданно под ногами расстлается картина Магнитогорска, как сложнейшей, сразу даже непонятной переплет домов, фабрик, заводов, дорог, железнодорожных путей.

4

Приходит тридцать четвертый год. Цветущей южной весной на машине, нашем вездеходе Горьковского завода, «легковозке», по прозвищу ребятишек Миасса, мы объезжаем новые промышленные центры Южного Урала. После нескольких часов на легкой машине мы из заповедника Ильича попадаем в некогда английский Кыштым, теперь лежащий до четверти медного металла всего Союза. Два-три часа нас переносят в Златоуст с его третьим советским блюмингом, семь часов — до ворот никелевого комбината Уфалея, единственного в Союзе источника этого ценнейшего металла, и те же 7—8 часов отделяют нас от Магнитки, с годовой мощностью по окончании свыше 3 млн. тонн чугуна, т. е. равной почти всей производительности черного металла царской России.

И из того же заповедника Ильича через цветущие колхозные поля и новый чистенький совхоз мы в 3 часа попадаем в Челябинск, строящийся, еще растущий, город будущего: растут перед нами и вокруг нас громады Тракторного, и среди цехов и зеленых джукет этого замечательнейшего завода всего мира не можем поверить, что больше 10000 мощных «сталей» рождается здесь в год в сложной обработке станков, инструментов, конвейеров, печей.

Дальше идут все новые и новые заводы. Как в жерле вулкана ферросплавов, при температуре поверхности солнца около 3—4 тыс. градусов, получаются здесь сложнейшие химические соединения, нужные для качественной стали; искусственный драгоценный камень рубин, массаи, в несколько тонн весом, вынимается из печей могучими кранами, чтобы потом дать порошок наждака для абразивного завода, на треть покрывающего всю потребность нашей страны в абразивных материалах.

Дальше здание Чергеса, цинкового комбината, площадка Бакальских заводов, комбинат белых красок из черных титановых руд Кусинских месторождений.

Тяжелая промышленность Челябинска и его области сделалась ценнейшим поставщиком всего Союза тех металлов, сплавов, тракторов, машин, которые в громадных количествах ввозились из-за границы...

Больше 1/4 миллиарда годовой продукции дают Челябинск и окружающие его заводы. Свыше одного миллиарда дает вся область. Новый мировой центр промышленности и пролетариата растет на месте старой купеческой Челябинска, как новое могучее орудие, перестраивающее и перекраивающее географическую карту нашей страны.

5

Осень 1934 года. Снова Ильменский заповедник. Ильяча. На открытом балконе старого деревянного дома — первая научная конференция Челябинской области.

Крупнейшие специалисты, знатоки Южного Урала, его богатств съехались сюда, чтобы обсудить проблему будущих работ и достижения прошлых.

На балконе — с бокалом в руках вместо звонка — ведет председатель это необычайное заседание среди дивного соснового леса, среди самой цветущей природы Южного Урала.

— Мало, — говорят специалисты, — мы знаем наши богатства: нам мало, что на территории области выявлено больше половины всех железных руд Урала — почти 1 миллиард тонн. Нам мало, что здесь известно и готово для промышленности около четверти уральских запасов меди и цинка, половина союзных запасов алюминия. Что нигде больше в Союзе мы не знаем таких месторождений магнетита, талька и хромита, как на Южном Урале. Что мировое значение имеют еще мало кому известные минералы будущего — кианит и вермикулит. Мало — потому, что еще беспредельны и безграничны богатства Южного Урала. Что еще десятки тысяч квадратных километров его цепей никогда не изучались геологами и геохимиками. Что неведомые богатства скрыты под поверхностью полей и степей.

И геологи и геохимики в ярких красках рисовали замечательные геохимические законы распределения металлов, руд, минералов на территории почти в треть миллиона квадратных километров, обсуждая и намечая пути для поисков, бурения и разведок.

6

Я кончаю эти воспоминания началом 1935 года, теми впечатлениями, с которыми мы возвращались с съезда советов Челябинской области.

Замечательный магнитогорский экспресс, оборудованный московскими ударниками, представляет последнее слово техники. Специальная радификация всего поезда позволяет говорить во время хода со всеми вагонами, и в длинной беседе мы могли знакомить всех с успехами последней стройки, с перспективами будущего, рисовать картины того, что открыла наука в настоящем и что предстоит ей сделать еще в ближайшие годы.

Не скрою, что здесь, в обрисовке этого будущего, у нас хватало фантазии, наши предположения были бесцельны и слабы, и мы все осознавали, что это будущее станет еще краше, ярче, многообразнее и цельнее, чем мы можем даже сейчас говорить о нем и о нем думать.

1937 год — последний год второй пятилетки. Осуществляется великая идея Ленина — Сталина по созданию второй угольной и металлургической базы на Востоке.

Растет промышленность Кузбасса гигантскими масштабами и бурными темпами. Достроены последние домы второй очереди Магнитогорска.

Бакальский завод соревнуется с ним своим замечательным по чистоте металлом.

Редкие элементы — кобальт, вольфрам, титан, ванадий, бериллий — извлекаются на специальных предприятиях. А из мельчайших илов электролитические ванны получают сверхредкие галлий теллур и селен.

Челябинский угольный бассейн является новой химико-энергетической базой Урала. Сотни тысяч тонн жидкого топлива получают из его бурых углей, а газификация снабжает своей энергией все установки Челябинска.

Закончена коллективизация сельского хозяйства области.

Автомобильные дороги пересекают весь край, создавая возможность в немногие часы достигать крайних точек грандиозной области почти в четверть миллиона квадратных километров.

Насаждение лесов, создание водных бассейнов и водных артерий являются одной из задач местного населения.

Бурно развивается местная промышленность и ни один отход грандиозных фабрик и заводов не теряется как ненужный отброс, на деле доказывая исключительную ценность нового комплексного подхода к сырью.

Так, мощный спинной хребет Союза — Урал — сочетается мощь металла и камня с силой плодородия своих полей и культур...

Снова в Ильменском заповеднике Ильяча, сейчас всего в двух часах автомобильной дороги от Челябинска, — научная конференция.

Не в старом деревянном доме, а в новой каменной Горной станции — центральном ведущем Институте челябинской промышленности.

В лесу, на крутом склоне к Ильменскому озеру, в центре мировых гигантов промышленности выросло новое научное учреждение, новое по форме и по содержанию, тесно связанное во всей своей работе с местным краем, с развитием его производственных сил, его потребностями и задачами.

Крупные исследовательские лаборатории обслуживают своей работой растущую новую область, а в Доме ученых собираются со всего Союза конференции и съезды научных работников, чтобы в этой центральной точке всей нашей страны обсуждать и подготавливать большие научные проблемы социалистической стройки.

Стальной хребет Союза — Урал — протягивается и к северу, и к югу, смыкая и связывая восток и запад, Европу и Азию.

Эти строки старого следопыта-энтузиаста Урала академика А. Ферсмана, напечатанные в „Известиях“ под заголовком „Переметы“, прекрасно рисуют нам смену ликов Южного Урала на протяжении последних 25 лет.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Макар уехал с отцом на присек в Кривой лог. Лес для Макара был дремучим урманом. Сидя в брычке, он зорко в него всматривался. Темная чаща, перепугавшая свои сучья, начала кой-где уже золотиться. По лесу носился сухой августовский ветер. Горделивые сосны, темнозеленые ели плавно

погачивались, беспокойно шелестели кудрявые березы, где-то скрипело дерево, и все это смешивалось в один непрерывный шум, похожий на далеккий прибой моря. По бездонной синеве неба пылали стаи белых облаков.

Дорога ползла с увала на увал. Лошадь на подъеме шла медленно, устало, а спускаясь, устремлялась в низину, а оттуда, споткнувшись в мокром лагу об ухаб с размященной грязью, снова медленно поднималась на увал. По бокам краснели крупные ягоды шиповника. На маленьких лужайках бледными глазками смотрели цветы. Все было ново, интересно, все держало Макара в непонятном напряжении и восторге.

Отец, сядя спиной к сыну, поклевывал носом. У него обрывками шли мысли о принске, о золоте.

На принске их встретил Ваня, пятнадцатилетний мальчик, худенький, с девичьим лицом, украшенным парой открытых синих глаз. Верхняя губа его была вздернута и открывала правильный ряд белых зубов, а светлорусые волосы волнистыми прядями покрывали лоб и уши. Он был в синей рубашке, которая свисала с его узеньких плеч. Принсковые сапоги были ему не по росту. Увидев Якова и Макара, он улыбнулся девичьей улыбкой.

— Это кто, тятя?— спросил Макар,

— Работник.

— Работник, а маленький.

— Ну, мало што! Какой он маленький, во, какой дылда растет.

Отец Макара — Яков, пошел на край делянки, а Ваня, вытаскивая из брочки кузова с хлебом, бураки с молоком и котомки, спросил Макара:

— К нам приехал посмотреть?..

Голос у него был мягкий, детский.

— Ах!..

— У нас славно. Тебя как зовут?

— Макар.

— Мы вечером с тобой будем по бруснику ходить, вон туда... Много тут ее! Да красная уж... спелая, сладкая!

Ваня очень понравился Макару. Он стал помогать ему разводить костер. Притащил сучьев и бросил прямо на костер.

— Не надо. Это сырье — не загорит. Я сам сделаю,— сказал Ваня.

Пока Ваня и Макар возились у балагана, разводя костер и приставляя большую закопченный чайник, Яков обходил свою делянку.

К чаю он пришел недовольный, на вопросы ребят отвечал кратко и порывисто:

— Не знаю... Не видал... Отяжитесь...

Выпив три стакана водки, он завалился спать, на вары, сказав Ване:

— Сиди работать не будем... Завтра с утра...

— Можно к матери сходить?— спросил Ваня.

— Ступай. Макара с собой возьми.

Макар и Ваня побежали по берегу лога к его устью,— к речке Каменушке. Туда шла торная тропа. По пути завернули к плотине, которую устроил Ваня. Спруженной вода стремительно скатывалась по жолобу и, сердито урча, вертела колесо. От него на крутой деревянной палочке был приделан кривошип. Вращаясь, он поднимал деревянный молот, который постукивал по врытой в землю деревянной бакушке.

— Это у меня листобойка,— пояснил Ваня,— железу отбивает. Ты бывал на заводе в листобойке?— Нет!

— А я был. Я робил там одну выпуску на подсыпке и видел. Вот, гляди. Ваня взяла большой лопух, говоря:— Это будто железце. Гляди!— Он поставил лопух под молот.— А здесь я сделала печь, а вот тут поставлю стан — железо катать.. Валяки-то

я уж выстрогал, потом покажу. Только колесо надо сделать больше, а то этому не повернуть.

Макар, удивленный и озадаченный выдумкой Вани, с восхищением смотрел на его работу. Ему не хотелось уходить от плотинки, но Ваня, дернув его за рукав, позвал:

— Пойдем. Я завтра робить буду, а ты здесь играй. Вот только Мишка Малышенко все ходит и ломает у меня,— рассказывал Ваня.— Он драчун. Если он валяется, так ты не бойся, я тебя бить не дам.

Они шли по тропе, спускаясь и поднимаясь по увалам. Огромные сосны были здесь не такие, как в окрестностях Подгорного. Они стояли прямые, чистые, как свечи, образуя силосную колоннаду. Слетая вершинами в один зеленый шумящий покров.

— Пиучики теперь не поют, а вот в страду и весной они здорово пищат. Люблю их слушать. А утром рано-рано рябчики пищат. Тут их много. Заработай денег, куплю себе ружье и буду ясачить.

Речь Вани текла звенящим ручьем. Красивое лицо его розовело, глаза ласково смотрели, овальные живой мыслью, а рот, открывая красивые зубы, улыбался.

Мальчики прошли косогором и вышли к речке Каменушке. Где-то в густых зарослях доника, жимолости и смородины речка шумела наперекатах, присоединяя свой шум к глухому гудению леса.

Недалеко послышались чьи-то хрустящие шаги а потом булканье воды. Выйдя на пригорок, мальчики увидели Мишку Малышенку. Парнишка в красной рубашке бежал по берегу заросшей заводи.

— Чо ты тут делаешь?

— Ягушек глушу. Идите и вы ягушек бить — Нет,— отвечал Ваня,— нам это не занятно,— и торопливо побежал к свалкам, где у грохота работала его мать.

Речку здесь раздробили на канавки, и вода текла по ним быстро, глядя желтый песок. У грохота работало четверо. Старый, седой, но крепкий мужик крикнул:

— Анисья, твой идет!

Анисья, полная женщина, вышла навстречу сыну улыбаясь.

— Ты по чо?..

— Так...

— А это кто?..

— А это Якова Елизарыча.

— А-а, сын! Ишь какой большой! Сколь тебе годов-то?

— Деять, десятый,— смело ответил Макар.

— Молодец!

Анисья заботливо застегнула у Вани пуговку рубашки и, пригладивая его голову, спросила:

— Не робите сегодня?..

— Нет.

— Ну, иди. Я, может вечером прибегу. Сейчас некогда с тобой..

Анисья торопливо вернулась к вагшерду и, взяв лопату, проворно стала просеивать песок на грохоте.

— Любишь мальченку-то?— поддевая на лопату песок и бросая его на грохот, спросил старик.

— Как не любить... Один он у меня, да и отца не знает...

* * *

Вечером в балагаве Якова топилась железная печь. Яков отсыпался. Он несколько раз вставал, открывал зеленый бурак и жадно глотал ядреный, пенный газ, тяжело вздыхая:

— Уф... господи, прости меня грешного...

Ваня вытаскивал из-под нар ящик и, раскрыв его, тихо сказал Макару:

— Хочешь, я тебе чего-то покажу?

Макар заглянул в ящик. Там было много всевозможных спичечных и папиросных коробок, а Ваня, сияя таинственной улыбкой, предупреждающе сказал:

— Погоди, я сам — и, вытащив первую коробку, раскрыл ее.

— Смотри-ка, какой камешок! Это я нашел вот тут, в свалке, а моху этого вот тут много. Савно?

В коробке был мох-лишайник, а в углубление был вложен синий блестящий камень.

А вот еще, зеленый. Ах какой красивый! А вот здесь тяжелый, Яков Елизарыч говорит, что железняк.

В коробке лежал черный камень и играл множеством блесток. Ваня доставал из ящика одну за другой коробочки и показывал камни одного другого интереснее.

— А вот этот пишет. Смотри! — Ваня чиркнул им по железной палке.

У Макара радость блеснула глаза. Притаив дыхание, он с замиранием сердца следил за каждым движением товарища. Потом Ваня достал из ящика какую-то странную вещь.

— А вот, посмотри-ка, это рудник. — Он поставил модель рудника на стол. У Макара разбежались глаза, и он от восторга чуть не взвизгнул, но Ваня его предупредил: — Тшш... Яков Елизарыч спит. Заругается.

На квадратной доске был слеплен из спичечных коробок балаган, — тот самый в котором они находились. Так же он вырлся задней стеной в увал. Поодаль, из круглых тонких сучьев, был собран сруб, под ним оставлен ворот с ниткой и жестяной банкой из-под перца. За ручку ворота держалась странная фигурка из сучка.

— Это я сам, — пояснил Ваня: — выкатываю бадью. Фигурка была действительно похожа на человечка, который, налегая всем телом, тяжело вертит ручку ворота. А из отверстия шахты выглядывала уродливая рожа.

— А это Яков Елизарыч в забое робит, кричит мне: — пошел! А это вот деревья растут, — Ваня показал на пригорок, сделанный позади избушки. Он был засыпан песком и утыкан мохом, похожим на елочки.

— А ты меня еще тут сделай, — прошептал, слезливая волнение, Макар.

— Ладно, сделаю и тебя.

— Уй, вот здорово-то! — торжествовал Макар.

Яков Елизарыч завозился и строго сказал:

— Будем вам тут шушукаться! Ванька, ложись спать, а то завтра не добудешься тебя!

Ребята уложили все в ящик и сунули его под нары. На прощанье Ваня шепнул гостю:

— Завтра я тебе еще покажу.

Утром, когда Макар проснулся, никого в балагане уже не было.

Было сумрачно. Утро смотрело в маленькое оконце небольшого зеленоватого пятном. Пахло свежим сеном и овчинным туалдом. Под нарами возлились мыши. Где-то возле трубы у железной печи жужжала муха. По крыше кто-то скакал и постукивал. Вдали стонуще кричала птица:

— Иу-иу-у!

Потом закричал черны красныйголовой дятел: — Прр-прр-прр-прр...

А может, это он же выкрикивал «иу-иу-у!».

Макар сейчас же вспомнил Ваню с его лыжными волосами и синими глазами, его камушки в коробках, «рудник», сучек, похожий на человечка, выкатывающего воротом бадью.

Может быть Макар долго еще пролежал бы, но маленькая дверь заскрипела, и в балаган влез замасленный глиной отец.

— Ты чего это все еще протягаешься? Вставай. Эх ведь до каких пор дрыхнешь!

Когда Макар вышел из балагана, он увидел Ваню кпятившего воду в чайнике.

— Ступай, умывайся, вон там — в лужку. Вода холодная, славно ей умываться, так и обдирает, — сказал Ваня.

Пока ребята кипятили воду, Яков, схватил ковш и чуть не бегом побегол к шахте. Он поддел песку и стал делать песлосок — пробу. Потом крикнул:

— Макарунька, иди-ка сюда!

Макар побежал к отцу.

— Смотри — золото, — сказала Яков, покачивая ковш. На дне ковша колыхалась вода и перемещала мелкий черный песок, из-под которого выступали неподвижные блестящие крупинки, похожие па пшено.

— Видишь?. А это, черно-то, — шлех... Видишь?

— Вижу.

Яков выльеснул содержимое на рыжую кучку добытого из шахты песку.

— А ты пошто, тятя, выбросил? — испугано спросил Макар.

— А так. Потом обявятся, никуда не денется. Пойдем завтракать.

Яков поел быстро, а потом торопливо стал собираться на работу.

Ваня спустил бадью, Яков ухватился за веревку и исчез в шахте.

* * *

Поднимая из шахты воротком бадью с песком Ваня краснел от натуги, его хрупкое тело гнулось налегая на ручку воротка.

— Тяжело? — спросил Макар.

— Ага, тяжело... Так-то ничего бы, да по утрам спина ноет, да руки вот в этих местах болят. — Ваня показал выше локтей.

В шахте Яков лязгала лопата, звякала бадья и то и дело раздавался возглас Якова:

— Пошел!

Ваня снова напрягался, торопливо вытягивал бадью, отталкивал ее в сторону, говоря:

— Вот оттягать тоже тяжело, да Якова Елизарыча поднимаю из шахты тяжело.

— А у тебя тятя-то чего делает? — спросил Макар.

— У меня нету отца, я с мамой живу.

Макар лег на живот и заглянул в шахту. Она была, как бездонная, уходя в землю черной квадратной дырой.

— Тятя! Тятя!

— Чего? — доносся откуда-то из-под земли глухой голос отца.

— Ты где?

— Некогда мне... Ступай играть... Не разговаривай...

Макар отошел в сторону.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как позади его вскрикнул Ваня. Этот крик был пронзительный, страшный. В нем было испуг и мольба.

Макар обернулся и увидел только ванную руку, которая стремительно мелькнула и исчезла в шахте. Бадья откатилась в сторону, перекувырнулась и, звякнув, ткнулась краем в песок. На вороте болталась веревка с крюком, Макар онемел.

Он подбежал к дыре шахты и, боязливо подползая на животе, заглянул вниз. Оттуда доносся глухой стон Вани и испуганный голос Якова:

— Ванюшка, Ванюшка! Ну, очнись! Шибко убилс?

— О-о-о...

— Ах ты, господи... Вот беда-то!.. Ванюшка!.. Ваны!..

— Тятя!..— крикнул Макар.
 — Се смолкло. В черной глубине словно никого не было.

— Тятя!— снова крикнул Макар.
 — Макарунька!..— послышалась почти плачущий голос отца. Спусти веревку-то... Ой, нет, не нало, а то и ты падешь... Господи, как же быть-то?.. Макарунька! Беги скорей на Каменушку, слышь?
 — Куда?
 — Ну, куда вечер ходили с Ванюшкой-то!
 — Знаю.
 — Ну, кричи их.. Найдешь?. Прямо по тропе и на дорогу, а там ухватись, зови и их сюда!

* * *

Последних слов Макар уже не слышал. Он во весь дух бежал по тропе к речке Каменушке.

Выбежав на дорогу и миновав тинистую заводь, в которой вчера Мишка глумил лягушек, он выбежал к сплошь изрытой речке, где, как и вчера, работали старик Малышенко и мать Вани Анисья. Он подбежал почти к самому грохоту и закрычал:

— Дядя, тетя Анисья, айдате к нам!
 — Пошто?..— отозвались оба работавшие.
 — Тятя в шахте, а Ванюшка упал... Вылезти не могут!..

Враз звякнули лопаты, и люди выскочили на свалку.

— Куда, кто упал?..
 — Ванюшка в шахту упал, а тятя сам там был... Вылезти не могут!..

Анисья, приседа, уже вбежала на увал. Она глухо стонала. Всех быстрее, впереди, бежал старик, выпятив широкую грудь. Борода его раздувалась на стороны, как намыленный, выступал подбородок, а белые волосы, желтевшие слегка на висках, раскостылились и странно вздыблились.

На криск Макар прибежал последний. Его отец был уже наверху и бестолково кружился возле лямоза шахты, поправляя его и плачущим голосом человека, подшибленного несчастьем, бормотал:
 — Экое горе, право! Экая беда! Ведь надо же было случиться!

У балагана сгучились люди и молча смотрели на Ваню, который, вытянувшись, лежал на земле вверх лицом. К нему со стоном припала Анисья. Спина ее вздрагивала, рыдания были криплые. Вбрав в себя воздух, она то тихо зывала, трясась всем телом, то, как ошпаренная, дико вскрикивала.

— Да родимый ты мой! Голубочек мой сизокрыленький! Ой да што это с тобой стряслось да случился-а? А да куда ты это надумал от меня уйти-и?

Ваня, встраиваемый матерью, не шевелился. Он стал будто длиннее. Лицо стало блее, а верхняя губа попржему вздернута. Бледнорозовым цветком, прильнувшим в бледному лицу, казались губы. Опустив веки и вскинув немного голову, он, казался, спал. Вот-вот проснется и спросит:

— Славнот?..

Макару стало холодно. Он ушел в балаган, и, сев на нары, наблюдал, как Анисья ошупывала лицо и тело мальчика. Она подбиралась под его спину, приподнимала его, при чем руки Вани, как пети, опускались к земле. Мать целовала его в лоб, в губы, дышала ему в глаза, растирала его грудь, трясла, а потом снова, как сноп, падала на его тело и рыдала.

Макар и Ваня — мальчики из одной деревни, оба „крестьянские дети“ „но первый — сын предпринимателя-хозяина, второй — сын вдовы-работницы. Макар, как барчук, приезжает с отцом на собствен-

ный золотой прииск, чтобы погулять и развлечься. Ваня же работает баграком на делянке Якова. Ваня тоже не прочь погулять и поиграть, но игра его особая: он уже юный строитель и изобретатель, а гулять ему некогда, да и от вытаскивания тяжелой бадьи и самого хозяина из шахты у него „спина ноет“ и „руки болят“.

Эти две детских темы прошлого из первой части романа А. Бондина „Лога“ (Уралгиз, 1934 г., изд. 2-е, с. 4 п. 30 к.) — яркие представители двух классов дореволюционной уральской деревни. Трагическая гибель Вани — это яркая иллюстрация противостояния этих классов и жирная черта, подводящая итоги взаимоотношений этих классов.

А сколько было таких детей, сколько погибло таких обаятельных, даровитых, как бондинский Ваня, или надорвавшихся в непосильном каальном труде не по возрасту!

Со всем этим покончила Октябрьская революция.

ЖАЛОВАННЫЙ КАФТАН

В каждом большом предприятии всегда бывает много мелких строительных работ и частичного ремонта. Постоянно требуются плотники, столяры, каменщики, землекопы и чернорабочие.

Из заводских сооружений больше и чаще всего нуждались в ремонте плотины заводских прудов: подновить насыпь, „перобрать слив“, переставить „долобы“, испривить „вершники“ и т. д. Служащий, ведавший ремонтом плотины, назывался „плотинным“. Ему же поручалось наблюдение и за другими строительными работами, а также заведывание подсобными мастерскими.

Таким образом в руках „плотинного“ сосредоточивалась огромная отрасль мелких строительных работ. Во время капитального ремонта плотины и производств больших построек в распоряжении „плотинного“ были большие партии рабочих; когда же постройка не было, число рабочих значительно сокращалось.

Эти колебания числа рабочих и право отказать одним и оставить других давало „плотинному“ большую власть. Все заводские плотники, столяры, каменщики, кровельщики и маляры старались жить в ладу с „плотинным“, иначе говоря, из кожи лезли, чтобы при сокращении работ не попасть „к расчету“.

Если таково было положение рабочих с теми или другими техническими навыками, то еще хуже было положение „поторжных“. Этим именем назывались чернорабочие, которые нанимались поденно — „по торгу“. Тут выбор производился на-глаз, никакой очереди не существовало, все зависело от усмотрения „плотинного“, который, однако, наречет знал тех, кого заводское начальство „пустило в голодняки“. Этим „голоднякам“ работы не было даже по самым низким ценам и при самом большом спросе на рабочие руки.

Последняя особенность, а также почти бесконтрольное распоряжение работами требовали, чтобы „плотинный“ был „верный человек“. Верный, конечно, хозяин.

В Сысерти в пору моего детства таким „верным человеком“ был некий „Пасинька“ — Павел Алексеевич (фамилии его не помню). Это был любительный тип старого заводского служаки, живой осколок минувшего крепостничества.

Помню его уже глубоким стариком. Каждый день можно было видеть, как тот высокий, сухой, с узенькой седой бородашкой, угрюмый старикашка шагал по нашей улице в обденную пору домой. Старинный чекмень, опоясанный ремешком, и квадратная полуторарашинная палка — „правило“, которую он употреблял для измерения, вы-

делали его из ряда остальных заводских служах.

„Плотинный“ немилосердно сюсюкал, и нам, ребятишкам, был большой соблазн подразнить художничего старика. Но мы делали это с большой опаской, так как слышали от старших, что если Пасинька узнает, чей мальчуган дразнил его, то хорошего не жди: так подведет, что с фабрики уволят, а уж в „поторжнюю“ никак не пустит.

Чтобы не „подкузывать“ взрослых, пускались на хитрости: старались дразнить не в своей уличке, а подальше. В нашей же уличке дразнили соседние уличные. При этом даже не разрешалось давать обычную взбучку чужакам, хотя бы были с ними самые недавние незаконченные счеты. И нашим уличанам тоже беспрепятственно можно было ходить за Пасинькой скопом и в одиночку в другие улицы.

Особенно густо ходило ребятишек за Пасинькой в воскресенье или в праздничный день, когда он шел в „жалованном кафтане“.

За „верную“ службу в течение не одного десятка лет заводоуправление и владелец расцедрились — подарить „плотинному“ особый почетный кафтан, обшитый по вороту и бортам узеньким золотым галуном, с какими-то кисточками на боках.

На кафтан сукна не пожалели, — сшили его до пят, да и в ширь пустить не поскупились, и получился какой-то необыкновенно смешной балахон. Маленькая круглая шапочка — катанка, степенная постудь и важный вид дополняли эту забавную картину. Казалось, старик был крайне озабочен, как бы в целостности пронести на плечах такую драгоценность, как его необыкновенный балахон.

— Пасинька! Кафтан не потеряй!

— Позолоту не замарай!

— Рукой-то не мажи — кисточку обвернись!

Но старик не замечал нас. Выставив вперед правую руку с завязанной в клетчатый шелковый платок просфоркой и размахивая левой рукой как-то в сторону от себя, он продолжал свое величественное шествие.

— Сутка ли? Осевили и позаловали. Это сюсюковать и понимать надо!

И старик плотинный „чувствовал и понимал“, что холопский труд его жизни не пропал. Не даром он всю жизнь тряся над господской колесечкой, чуть свет бежал на свою плотину: не случилось ли чего?

Зорко следил он за количеством ожидающих распределения на работы и пользовался всяким случаем, чтобы — „ужать“ пятачок. Целую жизнь своим сюсюкающим говором ругал „поторжных“ за их „бессюствие и бесстызеть“. И вот, на старости лет получил награду — кафтан с позолотой.

Этот жалованный кафтан окончательно закрыл в глазах старика темные стороны его работы: просьбы и унижения голодных людей, их проклятия и заслуженную ненависть.

Закружила старую голову барская ласка. Никак не мог он понять, что смешного в его жалованном кафтане.

Когда на Нижегородской выставке в 1896 году „плотинного“ и еще двух стариков, наряженных такими же шутами, спрашивали: в каком церковном хоре поют они, такие старики, то Пасинька только удивлялся, как это на всероссийской выставке, в большом городе, могут оказаться такие чудачки, которые не выдавали жалованного кафтана, и с достоинством объяснял, что вот он служил „верой-правдой“ столько-то лет в Сысертских заводах господина Соломирского и наследников Турчаниновых, и его оценили и пожаловали кафтаном.

Вспоминая об этом, невольно удивляешься, что такой оломок крепостничества был еще совсем недавно, перешел даже в XX столетие и умер на пороге революции.

Этот интересный очерк мы находим в книге „Уральские были“, написанной М. Бажовым. Издание „Уралкиниги“. Екатеринбург. 1924 г. Очерки посвящены недавнему быту Сысертских заводов.

Содержание № 3 „Уральского следопыта“ (мартовского)

Следопыты Арктики. (По поводу юбилея Арктического института). Статья Вл. ШТАРК — „Счастливая земля“. Хайтский рассказ А. КЛИМОВА. Иллюстрации В. ГОЛИЦИНА. — „Уральские рудознатцы“. Повесть А. БАРМИНА. (Продолжение). — „Платиновые шаромыжники“. Рассказ П. САХАРОВА. Иллюстрации Д. НИКИТИНА. — „В дебрях Урала“. (Путешествие трех георазведчиков). (Окончание). Очерки ВАДИМА ЕЛОВСКИХ — „Безногие путешественники“. Рассказ Т. РАУХБЕРГЕР. Иллюстрации В. ДЕРЯБИНА. — „Узорные строки на снежных страничках“. „Лук и стрела“. „Ледяная ловушка“. Серия очерков о необычайных охотах. В. ВИНИЦКОГО. — „Над горой Магнитной“. Очерк акад. А. ФЕРСМАНА. — „Невиданный зверь тундры“. Очерк В. КОЗЛОВА. — „Первая заводская школа на Урале“. — „Степка вернулся“. Очерки В. БОГАУ. — „Картофельный бунт“. Очерк А. НАУМОВА. — Шахматный отдел „Следопыта“.

Географическая Викторина „Следы бытия“

КТО ЭТОТ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ?

200 лет тому назад с целью отыскания морского пути из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток русское правительство снарядило Великую северную экспедицию. Она должна была исследовать берега Полярного моря от Архангельска до Берингова пролива. Тогда еще не мыслили единого сплошного рейса северо-восточным морским путем в течение короткого полярного лета, а потому исследование это было решено произвести по частям. Одна экспедиция должна была исследовать путь от Архангельска до устья реки Оби, другая — от Оби до устья Енисея, третья — от устья Лены до Енисея, четвертая — от Лены на восток до Берингова пролива.

В 1734 г. из Архангельска вышли лейтенанты Павлов и Муравьев, а из Тобольска к устью Оби спустился лейтенант Овцын. В следующем, 1735 г. из устья Лены на запад к Енисею отправился лейтенант Прончищев. Одновременно с Прончищевым из устья Лены на восток вышел лейтенант Лассоинус, который вскоре умер от цинги, и начальником над экспедицией перешло к лейтенанту Лаптеву. В 1736 г. лейтенанты Малагин и Скуратов были отправлены из Архангельска продолжать исследования Павлова и Муравьева. Они достигли Карской губы через Югорский шар и зимовали в устье, а на следующее лето им первым удалось обогнуть полуостров Я-мал, откуда они затем прошли в Обскую губу и по Оби поднялись до Березова. Лейтенант Овцын, в свою очередь, после трудного плавания добрался до устья Оби в устье Енисея и произвел съемку берегов. Лейтенант Прончищев, на обязанности которого лежало исследование побережья от устья Лены до устья Енисея, был менее счастлив. Он не выдержал трудностей полярного плавания и умер в пути близ устья Оленек. После его смерти начальство над экспедицией принял его штурман. Этот штурман обследовал побережье Таймырского полуострова. В это время лейтенант Христон Лаптев прошел от Хотанского залива до р. Таймыр, спустившись по ней, прибыл к побережью Таймырского залива. Летом 1741 г. Лаптев и наш штурман встретились между устьями рек Пясини и Таймыра. В 1742 г. штурман, о котором идет речь, совершил сухопутное путешествие вдоль Таймырского полуострова, и достиг 19 мая самого северного мыса Таймырского полуострова, который считался тогда самой северной конечностью азиатского материка. Этот мыс был назван впоследствии именем скромного штурмана, который за свои заслуги не получил даже поощрения в чине, что было сделано, однако, по отношению к другим привилегированным начальникам этих экспедиций. Ведь он не был дворянином, а лишь простым штурманом.

ВОПРОС: Как же имя этого отважного штурмана, у которого внезапно в нынешнем году объявилось целое небольшое полярное племя потомков, называющееся всего 104 человека, и как называется открытый им мыс?

В ПОГОНЕ ЗА ЖИЗНЬЮ

После долгой зимовки в душевной и темной землянке наступила полярная весна. Появилось солнце, и стало несколько теплее. Надо было двигаться в дальнейший путь. 19 мая путешественники покинули землянку. Достигнув открытого моря, они решили переправиться на своих двух спаренных и оснащенных парусом парусиновых лодках, сделанных на подобие эскимосских каяков, на видневшихся вдали островах. Но долго сидеть с вытяннутыми ногами на дне каяка утомительно. Поэтому, чтобы размять затекшие ноги, оба вышли на лед. В это время каяки были подхвачены ветром, который погнал их в море. В каяках находилось все их имущество, у них не осталось при себе даже лама. Было почти безразлично пропасть среди льдов без оружия, пищи и запасной одежды или оконечить в ледяной воде. Поэтому один из них бросился в своем тяжелом платье и сапогах прямо в воду и поплыл влононгу за каяками. Вода была холодна, как лед. Ему казалось более чем сомнительным возможность догнать их, но он напрягал все свои силы, так как в этом заключалась единственная надежда на спасение от верной гибели. Когда пловец поневоле уставал, то переправлялся и пылал на спине. Постепенно члены его начали коченеть и терять чувствительность. Он понимал, что близок момент, когда они перестанут ему повиноваться. Но до каяков было уже недалеко. Нужно было вытерпеть еще немного — и придет спасение. Все слабее становились движения рук, но и расстояние до каяков все уменьшалось. Наконец, пловец уложил высовывавшейся за борт каяка, затем он подтянулся к борту и попробовал взобраться. Но напрасно — тело совершенно заоченело от холода. Были мгновения, когда пловец казалось, что все кончено, что спасения нет. Но несомненным усилием воли человеку удалось потянуться на руках, занести ногу за борт и вскарабкаться в каяк. С громадными усилиями он добрался до льдины, на которой ждал товарищ. Тот еле вытаскил его из каяка, туж же на льду стащил с него мокрое платье и перешел в сухое, потом, засунув в спальную меховой мешок, накрыл парусом и всем, что могло согреть полузамерзшего человека. Прошло несколько часов прежде чем последний отошел.

ВОПРОС: Кто бросился догонять уплывающие каяки? Где и когда разыгрался этот эпизод?

КАРТА МИРА, КОТОРУЮ ВЫ ВСЕ ЗНАЕТЕ

Некий фламандский космограф, живший в шестнадцатом веке, придумал чертить географические карты в особой проекции, которая и до сих пор называется его именем. Он начал изображать на своих картах меридианные линии перпендикулярно

экватору и параллельным кругам. Чтобы сохранить действительное соотношение широт, космограф этот, оставляя на своих картах градусы долготы одинаковыми, увеличивает расстояние между градусами широты в известной пропорции. Хотя благодаря такому способу черчения карт контуры стран, по мере удаления от экватора к полюсам, сильно растягиваются, а по мере приближения к полюсам становятся совсем не соответствующими действительности, тем не менее эта проекция обладает очень важным для моряков качеством — постоянством угла, образуемого направлением движущегося судна (курса корабля) со всеми меридианами, чего не дает никакая другая проекция.

Вследствие этого моряки и по-сейчас пользуются картами этой проекции. Этот же фламандский космограф лично выгравировал и издал в 1595 г. собрание географических карт, которое впервые назвал атласом по имени мифического великана греческой мифологии Атланта, держащего на своей спине земной шар. Название „атлас“ сделалось вскоре нарицательным для всякого собрания географических карт.

ВОПРОС: Кто же этот фламандский космограф, гравер и изобретатель слова АТЛАС и как называется его карта мира?

ОТВЕТЫ НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ ВИКТОРИНУ, ПОМЕЩЕННУЮ В № 1 „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

Как был назван новый океан?

Имя капитана-командора — Фердинандо Магеллан, эскадра которого в составе пяти судов в 1519 году направилась из Испании в поиски Молуккских островов. Пролив, отделяющий южноамериканский материк от острова Огненная Земля, был назван „Магелланов“, а открытый ими океан — Тихим.

Осада вулкана

Вождь повстанцев — гладиатор Спартак. Гора, на которой он собрал своих воинов — Везувий,

близ Неаполя. Место действия — Италия в 73 году до нашей эры. Карательные войска — когорты римских солдат.

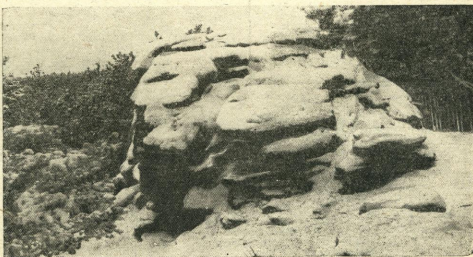
Арктическая Сахара и ее поэт

Арктическая Сахара — Гренландия, а ее поэт — знаменитый американский исследователь Арктики Роберт Пири.

„КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ“

Фото-очерк Б. Рябинина

Много на Урале разбросано отдельных каменных образований, сложенных из гранитных „депешек“ в виде правильных закругленных уступов. Людская молва назвала их „каменными палатками“. И действительно, если присмотреться внимательно, то название, в самом деле, очень удачно, и сходство с палаткой, или, вернее, с юртой — поразительно. Обычно такие „каменные палатки“ увенчивают вершины гор, но часто встречаются и почти на совершенно ровных местах. Окрестности Свердловска изобилуют этими „палатками“, из которых наиболее популярны „Шарташские“, расположенные недалеко от города, за Втузгородком. Эти „палатки“ с исторической точки зрения интересны еще и тем, что до революции здесь проводились революционным пролетариатом Екатеринбургского подпольные собрания и массовки.

Шарташские Каменные Палатки зимой

Седой Урал

Тихо плещут голубые волны озера Тургояк на высокий берег. Стеной встали лесистые горы кругом. Великаны сосны и ели надвинулись на озеро. Седой Урал, нахмурившись, смотрит на озеро...

Вместо темных келий скитов, разбросанных в глухом лесу, возвышаются на берегу высокие светлые дома отдыха; вместо гнусавого пения старообрядческих стихов, раздаются веселые молодые голоса. Сюда на берега голубого озера, стекаются рабочие, писатели, художники.

Один из отдыхающих художников оживил старый еловый пенек у дома отдыха на берегу озера Тургояк, написав на нем голову Седого Урала.

„СОСНА-ЛИРА“

Среди дремучих уральских лесов наблюдательному взгляду можно встретить не мало интересного. Не так давно газета „Уральский рабочий“ сообщала о гигантской сосне, найденной лесорубами в Монетной даче — этой сосне оказалось 438 лет. А вот перед вами диковинка — сосна другого характера, найденная в сосновом лесу в окрестностях гор Кунгура. Она интересна не своим возрастом и величиной, а своей причудливой формой. Взгляните на рисунок — и вы сразу дадите ей название — дерево-лира.

Б. Рябинин.

МУЗЕЙ НА ДНЕ ОЗЕРА

Ни в одном из известных археологам на Урале мест не сохранилось столько остатков первобытной культуры, как на дне Шигирского озера, расположенного недалеко от ст. Ежова. Шигирское озеро 3—4 тысячи лет назад представляло собой огромный водоем. Затем, затягиваемое на протяжении тысячелетий илом и торфом, оно обмелело.

В далеком прошлом на берегу этого озера жили первобытные люди, которые занимались охотой и рыболовством. Случайно роняемые этими людьми в воду озера луки, каменные и костяные стрелы, костяные гарпуны и крючки, каменные грузила, весла и многое другое — падали на дно, где они затягивались илом, потом торфом.

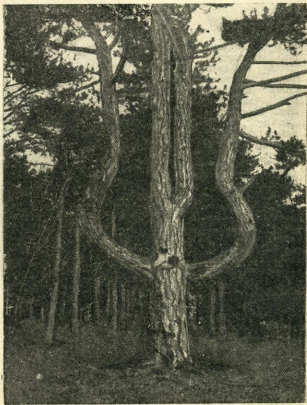
Благодаря тому, что ил изолировал от атмосферы обретенные в озеро первобытными людьми предметы, они хорошо сохранились до наших дней.

Собирая и изучая их, археологи восстанавливают картину жизни первобытных людей.

Из собранных на этом озере и выставленных в Свердловском краеведческом музее предметов первобытного человека особенно останавливают внимание: большой деревянный лук, весла, костяные гарпуны и крючки для ловли рыбы. Надолго запоминаются прекрасно отполированные каменные топоры и долота. Бросается в глаза обилие костяных шильев для шивки одежды; костяных игл для плетения сетей. Большое впечатление производят художественные изделия первобытного человека: голова лоса из кости, голова медведя из дерева, голова белки из камня и ряд других художественных изделий.

Образчиками первобытного религиозного культа являются: огромный деревянный идол, деревянная голова божка и т. д.

Внимательное изучение предметов, добытых на дне Шигирского озера, дает возможность взгляду, почти осязанию представить жизнь, протекавшую несколько тысяч лет назад на Урале.

Шахматная доска „Следопыта“

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЫЛЕНКО

(К 50-летию со дня рождения)

Среди шахматистов Советского союза нет более популярного человека, как Н. В. Крыленко. В течение 10 лет он бесценно состоит председателем всеполюборного шахматно-шашечного комитета ВСФК СССР. Занимая ответственный пост в советском правительстве в качестве народного комиссара юстиции РСФСР, он вместе с тем активный руководитель шахматного движения в СССР, которому уделяет большое внимание.

Развитие шахматного движения в стране, перевод его на твердые государственные рельсы, идеологическое обоснование культурного и общественно-политического значения шахмат, организация в СССР крупнейших шахматно-шашечных мероприятий (международные турниры 1925 и 1935 гг., всесоюзные турниры), влияние шахматной организации СССР среди других стран — все это вместе взятое обязано своим успехом энергии Н. В. Крыленко.

Н. В. Крыленко — один из организаторов и основателей и отв. редактор журнала „Шахматы и шашки в массы“, его перу принадлежит целый ряд статей по общественно-политическим вопросам шахматного движения СССР, его доклад на VII всесоюзном шахматном съезде издан отдельной книгой в издательстве „Физкультура и туризм“ в 1932 году.

Н. В. Крыленко известен также и как страстный любитель туризма, неоднократно принимав-

ший участие в высокогорных походах (на Памир и др.). В течение нескольких лет он состоит председателем Центрального совета общества пролетарского туризма и экскурсий и членом президиума ВСФК СССР.

В 1933 году за выдающиеся заслуги в укреплении органов советской юстиции и за работу по разоблачению вредительских и иных контрреволюционных организаций награжден правительством Орденом Ленина. Как первый верховный главнокомандующий пролетарской армии, за исключительные заслуги перед рабочим классом СССР в деле борьбы с врагами Советского социалистического отечества награжден Орденом Красного знамени.

В 1934 году Наркомпросом ему присуждена ученая степень доктора прав. Тов. Крыленко — автор многочисленных статей и книг по вопросам юстиции.

В январе 1935 г. за огромные заслуги в деле организации и развития туризма в Советском союзе, а также за личные достижения в области альпинизма награжден ВСФК СССР званием заслуженного мастера альпинизма СССР.

Н. В. Крыленко — член президиума ЦВК.

С. Ю.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Отмечаем знаменательные даты текущего года.

1810 г. В текущем году исполняется 125 лет со дня рождения знаменитого английского шахматиста Говарда Стаунтона, который после смерти ля-Бурдоне считался сильнейшим шахматистом в мире. Он выиграл матч у Кохрена (1842), Сент-Аманта (1843), Горвица (1846), Гарвица (1846) и Яниша (1851). В 1840 г. основал журнал „The Chess Player's Magazine“. Автор целого ряда шахматных руководств. В первом международном шахматном турнире 1851 г. сыграл однако неудачно, и после этого совершенно отошел от шахмат.

1835 г. В январе текущего года исполнилось 100 лет со дня смерти известного английского шахматиста Александра Макдонелла, который уступал в силе игры только ля-Бурдоне, которому проиграл затяжной матч со счетом +45 — 27 = 13. Этот матч так и остался неоконченным по случаю его смерти.

1885 г. В июне текущего года исполняется 50 лет со дня выхода в свет русского шахматного журнала „Шахматный вестник“, издававшегося С.-Петербургским обществом любителей шахматной игры под ред. М. И. Чигорина. В этом журнале впервые был поднят вопрос об организации Всероссийского шахматного союза.

1910 г. Двадцать пять лет тому назад состоялся международный шахматный турнир в Гамбурге (Германия). 1-е место в нем занял мастер Шлехтер, 2-е — Дурас, 3-е — Нимцович, 4-е — Шпильман, 5 — 6-е — Маршалль и Тейхман, выдвинувшиеся к тому времени русские шахматные мастера Дуз-Хотимирский и Алексин заняли 7—8-е место, что рассматривалось крупнейшим достижением при исключительном составе турнира, в котором из сильнейших мастеров не участвовали лишь Ласкер и Рубинштейн.

К читателям: Отдел „Наш календарь“ будет печататься в каждом номере журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 г.

НА НОВЫЙ ежемесячный иллюстрированный ЖУРНАЛ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ,
ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ставит своей целью содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Башреспублики, их истории и освещению жизни народов, населяющих их.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

подаст свой материал в форме увлекательной исторической повести, сюжетного рассказа, художественного или занимательного научно-популярного очерка, расширяя и углубляя знания учащихся и широких слоев советского читателя в области истории, географии и краеведения.

ОТДЕЛЫ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

ИСТОРИЯ

ГЕОГРАФИЯ

КРАЕВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ПРИРОДА И ОХОТА

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ — СТАРЫЕ И НОВЫЕ

УРАЛЬСКОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ СЛЕДОПЫТА ВОКРУГ СВЕТА

УРАЛЬСКОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ СЛЕДОПЫТА ПО КНИГАМ

ПО КРАЕВЫМ МУЗЕЯМ
УРАЛА

НАРОДЫ
УРАЛА

ШАХМАТНАЯ ДОСКА
„УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ систематически будет следить за научно-исследовательскими экспедициями по Уралу и сообщать о результатах их работ

В „Уральском следопыте“ принимают участие следующие писатели-краеведы и научные работники Урала: Л. БОНДИН (природа и охота), Л. БЯРМИН (история и геология), Ф. ТАРХАНЕЕВ (георазведка), М. КЛЕР (геология и археология), В. ЕВЛЯДОВ (народы Уральского севера), В. ЕЛОВСКИХ (георазведка), В. ВИННИКИЙ (природа и охота), Т. РАУХВЕРГЕР (гидробиология), Д. КАЗАНЦЕВ (плодовая селекция), В. БИРЮКОВ (краеведение), Н. ПОПОВА (история), А. БЕРС (археология), А. КЛИМОВ (народы Се-

вера), А. ИДУМОВ (краеведение), Ив. ПАНОВ (народы севера), С. КОРОЛЬКОВ и друг. Кроме того, в „Уральском следопыте“ принимают участие следующие сотрудники журналов: „Всемирный следопыт“ и „Вокруг света“, издававшихся в Москве: Вл. А. ПОПОВ, ШТАРК, А. БЕЛЯЕВ (научная фантастика), В. БИАНКИ (биоохотничьи рассказы), Ю. БЕССОНОВ (история гражданской войны) ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ (историко-революционн. повести и рассказы), В. ВОГДУ (история фабрик и заводов), К. Г. ПЛУСТОВСКИЙ (краев. очерки) и др.

„УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

выходит в книжно-журнальном формате, объемом 5 печ. листов (80 стр.), в многокрасочных обложках, с иллюстрациями, зарисовками и картами в тексте лучших уральских, московских и ленинградских художников и графиков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 3 мес. — 4 руб. 50 коп. Отд. номер — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: магазинами, киосками и конторой подписных и периодических изданий, их уполномоченными и всюду на почте и в КОГИЗе, Свердловск, улица Ленина, 40.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Г. СВЕРДЛОВСК, ДОМ ПЕЧАТИ

Ответственный редактор **Н. А. ВИННИКИЙ**

Редактор **ВЛ. А. ПОПОВ**.

Свердловское областное государственное издательство.
Сектор подписных и периодических изданий КОГИЗ.